

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

46 2019
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (284) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Дональд Эрвин Кнут* (1938), американский ученый в области информатики.

Дональд Кнут родился в Милуоки (штат Висконсин). Его отец преподавал бухгалтерский учет, а также занимался печатным делом на дому как любитель (этим можно объяснить последующий интерес Дональда к типографике и такие разработки, как TeX). С юных лет в нем наблюдалась склонность к математике, физике и музыке — он серьезно обучался игре на пианино и сам написал несколько произведений.

Во время учебы в Кэйсовском технологическом институте Кнут впервые столкнулся с компьютером. Тогда к нему в руки попала новая машина IBM 650. Кнут так загорелся, что даже посвятил информатике свой будущий труд «Искусство программирования», созданный в память о многих приятных вечерах. Используя компьютер для оценки игры баскетбольной команды, менеджером которой он являлся, Дональд разработал сложную формулу для ранжирования игроков, рассчитывая вклад в игру каждого не только по количеству очков, которые он принес команде. Через некоторое время обнаружилось, что созданная им программа стимулировала игроков работать с большей отдачей. Когда Кэйсовский институт выиграл чемпионат лиги, магическая формула Кнута неожиданно была опубликована в *Walter Cronkite's Sunday* и в *Newsweek*.

В 1960 году Кнут получил звание бакалавра по математике, причем студенты даже проголосовали за присуждение ему степени доктора. Летом того же года в Пасадене Кнут занялся системным программированием. Результатом этого его увлечения стало создание компилятора для ALGOL. За работу он получил 5,5 тысяч долларов. Осенью 1960 года двадцатидвухлетний Дональд поступил в Калифорнийский технологический институт, где все-таки получил докторскую степень по математике и стал ассистентом профессора.

В январе 1962 года издательство Addison-Wesley предложило Кнуту написать книгу по компиляторам. Он принял это предложение.

Книга «Искусство программирования» (*The Art of Computer Programming*) стала фундаментальной монографией, посвященной рассмотрению и анализу важнейших алгоритмов, используемых в информатике. В 1999 году она была признана одной из двенадцати лучших физико-математических монографий столетия.

Большое влияние на молодого Кнута оказали работы Андрея Ершова, советского ученого, одного из пионеров теоретического и системного программирования, а впоследствии — его друга.

Первый том книги «Искусство программирования» Кнута был опубликован в 1969 году и печатался методом монотипии, технологии XIX века, которая давала на выходе издание в «хорошем классическом стиле», что нравилось автору. Однако когда публиковалось второе издание второго тома, Кнут, получив новые оттиски, увидел, что они выглядят ужасно, поскольку монотипия почти повсеместно была замещена фотографической техникой и оригинальные шрифты больше не использовались. Примерно в это же время Кнут впервые увидел результат работы высококачественной цифровой типографической системы и заинтересовался возможностями цифровой типографии. Не оправдавшие ожиданий оттиски дали ему дополнительный толчок к тому, чтобы разработать свою типографическую систему и решить проблему раз и навсегда. Таким образом на свет появилась система компьютерной верстки TeX, а также METAFONT — язык программирования, используемый для разработки векторных шрифтов.

В настоящее время Дональд Кнут является эмерит-профессором Стэнфордского университета и нескольких других университетов в разных странах, в том числе Санкт-Петербургского, а также преподавателем и идеологом программирования.

Кнут удостоен многочисленных премий и наград в области программирования и вычислительной математики, среди которых премия Тьюринга, Национальная научная медаль США, медаль Фарадея и др. Существует и премия его имени — за вклад в развитие основ информатики.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Абдул-Кадыров А. Б.**
Процессуальное положение прокурора в досудебном производстве.....83
- Адазиев И. Л.**
Приоритеты конституционно-правовой политики.....84
- Алексенко А. А.**
Особенности положения прокурора в гражданском судопроизводстве и эффективность форм его участия в деле.....86
- Асатрян З. А.**
К вопросу о правовом статусе туристического агентства88
- Бабкина А. А.**
Общие условия предварительного расследования, связанные с обеспечением прав и законных интересов его участников 90
- Берегова З. Р.**
Криминологическая характеристика личности сотрудников правоохранительных органов, совершающих преступления92
- Берегова З. Р.**
Общая характеристика преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов94
- Берегова З. Р.**
К вопросу об определении понятия правоохранительных органов в Российской Федерации97
- Букатарь Н. В., Адаменко А. П.**
Правовое регулирование публичного договора.....99
- Букатарь Н. В., Адаменко А. П.**
Сущность и правовое регулирование договора присоединения 103
- Волков Д. С.**
Иммунитет в праве и правовая неприкосновенность: аспекты соотношения .. 107
- Диденко А. А.**
Совершенствование механизма привлечения к гражданско-правовой ответственности корпораций..... 109
- Диденко А. А.**
Проблемы определения природы гражданско-правовой ответственности корпораций 110
- Донцова Е. А.**
Отдельные вопросы, возникающие при применении особого порядка судебного разбирательства мировым судьей..... 113
- Доровских А. И.**
Особенности квалификации розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции..... 116
- Елисеева К. А.**
К вопросу о полномочиях органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере миграции населения..... 118
- Епифанова Е. А.**
Правовые аспекты биоэтики в конституционно-правовой практике 120
- Журба И. И.**
Значение и функции государственного кредита 123
- Зинченко А. А., Рузметов С. А.**
Проблемы совершенствования законодательства о гражданстве в миграционной политике Российской Федерации 125

Исабеков Р. Ш.

Налоговые правонарушения и налоговые преступления: вопросы разграничения, проблемы выявления и расследования 132

Касаткин А. А.

Защита персональных данных: обзор судебной практики 133

Кессаева Ю. О.

Дуализм наследования долей в уставном капитале хозяйственных товариществ и обществ 136

Кирсанов Е. Е.

Проблемы взаимодействия компетентных органов при предоставлении государственной услуги по выдаче специального разрешения на движение по автомобильным дорогам федерального значения транспортного средства, осуществляющего перевозку тяжеловесного груза 137

Колесников А. Э.

Актуальные проблемы обязательного автомобильного страхования в Российской Федерации и пути их разрешения 139

Костина К. А.

Упрощенные процедуры банкротства: общая характеристика и соотношение с общими процедурами банкротства 141

Котляр О. А.

Дисбаланс правовых норм, регламентирующих закрепление права на материнский (семейный) капитал 143

Кременов И. Н., Колкина С. С.

Порядок осуществления закупочной деятельности в автономных учреждениях общего образования 146

Кряков А. И.

Развитие субсидиарной ответственности как фундаментальная причина необходимости изменения подходов к ведению бизнеса 148

Кузнецова С. А.

Арбитражная практика по спорам о взыскании обязательных платежей и санкций по налогам и сборам 150

Кузнецова С. А.

Правовая природа неналоговых платежей в Российской Федерации 152

Лебедев К. В.

Административная ответственность иностранных граждан за правонарушения на территории Российской Федерации 154

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Процессуальное положение прокурора в досудебном производстве

Абдул-Кадыров Адам Бадруддиевич, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Актуальность данной статьи заключается в том, что прокурор в досудебном производстве, являющемся важным этапом уголовного процесса, играет одну из ключевых ролей.

Функции прокурора в досудебном производстве состоят из осуществления надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного расследования, а также уголовного преследования, что является одним из ответственных и сложных участков.

Указанные функции прокурора направлены на защиту охраняемых законом интересов общества и государства, на охрану прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства. Однако несмотря на это, они все же сопряжены с применением в отношении граждан мер государственного принуждения, ограничением их конституционных прав и свобод. В связи с чем, справедливы высказывания выдающегося русского юриста А. Ф. Кони: «уголовное преследование и надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного расследования слишком серьезные вещи, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу».

Характеризуя процессуальное положение прокурора в досудебном производстве по уголовному делу, в первую очередь следует обратить внимание на определение вопроса о том, какие именно должностные лица прокуратуры охватываются понятием «прокурор» как участник уголовного судопроизводства.

Согласно определению, содержащемуся в п. 31 ст. 5 УПК РФ, прокурором является Генеральный прокурор России, а также находящиеся в его подчинении прокуроры, их помощники и заместители, которые участвуют в уголовном судопроизводстве и которые Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» наделены для этого необходимыми полномочиями [3].

Также следует отметить, что досудебное производство по уголовному делу является частью уголовного судопроизводства, которая начинается с момента получения

сообщения о преступном деянии и заканчивается направлением прокурора уголовного дела в суд с целью рассмотрения его судом по существу или же принятием решения, которым заканчивается досудебное производство без передачи уголовного дела в суд. В УПК РФ досудебному производству по уголовным делам посвящена часть вторая УПК РФ, которая включает в себя два раздела: разд. VII «Возбуждение уголовного дела» и разд. VIII «Предварительное расследование».

Правовые основы процессуального положения прокурора на стадии досудебного производства составляют уголовно-процессуальное законодательство РФ и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Так, согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор — это должностное лицо, которое уполномочено в рамках, возложенных на него УПК РФ полномочий, от имени государства осуществлять уголовное преследование в процессе уголовного судопроизводства, а также осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания.

В соответствии с приведенной формулировкой понятия прокурора, в ней недвусмысленно и четко отмечаются два аспекта деятельности прокурора:

— полномочия в пределах и в силу компетенции, определенной УПК РФ, от имени государства осуществлять уголовное преследование в процессе уголовного судопроизводства;

— полномочия по осуществлению надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания [8].

Процессуальный статус (положение) прокурора на досудебных стадиях в производстве по уголовным делам сформирован и обуславливается:

1) соединением при производстве предварительного расследования задач правоохранительной и обвинительной деятельности;

2) обязанностью законодателя обеспечить на досудебных стадиях уголовного судопроизводства состязательность, непредвзятость, беспристрастность, а также процессуальную ответственность субъектов досудебного производства.

Вместе с судом прокурор в досудебном производстве выступает субъектом процессуального решения возникающих спорных проблем и коллизий между участниками уголовного судопроизводства по вопросам определения формы проведения предварительного расследования, доказания, доказательств, разрешения споров о подследственности и иных вопросов. Уголовно-процессуальное законодательство с целью разрешения названных задач устанавливает за прокурором его обязанность и право реально осуществлять обеспечение в досудебных стадиях всем участникам уголовного судопроизводства реализацию обязанностей, прав и наступление ответственности в случае нарушения данных прав, в том числе и наступление процессуальной ответственности.

В уголовном судопроизводстве важным обстоятельством при определении статуса прокурора является объективная потребность осуществления целей, которые стоят перед уголовным судопроизводством в целом. В своих работах К. Ф. Гуценко верно отмечает, что как и другие отрасли права, их конкретные нормы и институты, уголовно-процессуальное право и его реализация, обладают четко поставленными задачами двух групп:

1) общесоциальные задачи, т. е. задачи по охране свобод и прав гражданина и человека в широком смысле данных понятий, а также иных многоплановых интересов государства и общества;

2) непосредственные задачи, т. е. такие задачи, которые достигаться должны по каждому конкретному уголовному делу [5].

Указанные на досудебных стадиях уголовного процесса задачи разрешаются соответствующими процессуальными средствами, в том числе при помощи реализации полномочий прокурора, который своими правомочиями обеспечивает соответствующий баланс конкретного процессуального интереса каждого участника уголовного судопроизводства и общегосударственного интереса. Взаимопереплетение и сочетание названных интересов при учете многопланового статуса прокурора является мотивационной основой реализации всего механизма производства по уголовному делу и достижения задач, как частного интереса, так и общегосударственного интереса.

Полномочия прокурора в досудебном производстве, определяющие его процессуальное положение перечислены в ст. 37 УК РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. — 1993. — № 237.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — N 52 (ч. I). — ст. 4921.
3. Федеральный закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 47. — ст. 4472.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 05 июня 2007 г. N 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — N 24. — ст. 2830.
5. Гуценко, К. Ф., Уголовный процесс — М.: Норма, 2016. с. 16.
6. Рыгалова, К. А. Процессуальное руководство предварительным расследованием в деятельности прокурора // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 3. — с. 196.
7. Кони, А. Ф. Избранные произведения. — М.: Наука, 2015, Т.2.с. 401.
8. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. — М.: Норма-М, 2017. с. 59.

Приоритеты конституционно-правовой политики

Адазиев Ибрагим Лом-Алиевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Основные приоритеты конституционной политики (как, впрочем, и любого иного вида деятельности) являются ее важнейшими характеристиками, раскрывающими суть и характер данного явления. При этом, исходя из превалирования конституционной политики в конгломерате правовой политики в целом [1, с. 16–21], приоритеты конституционной политики доминируют и оказывают не-

посредственное влияние на становление и реализацию принципов и приоритетов иных разновидностей правовой политики государства.

Подобное, однако, не означает полного отождествления принципов и приоритетов правовой политики и конституционно-правовой политики. Их соотношение, на наш взгляд, остается неизменным — целое (пра-

вовая политика) и часть (конституционно-правовая политика).

В контексте рассуждения приоритетах конституционно-правовой политики необходимо понимать, что речь идет именно о приоритетах, а не о принципах; принципы и приоритеты хотя и о тесно взаимосвязанные, но не тождественные феноменах. На наш взгляд, их разграничение детерминировано категориями статика и динамика.

Принципы — руководящие идеи, стержневые начала, на которых в свою очередь формируются те или иные приоритеты, выступающие в качестве векторов, направлений развития какого-либо процесса вообще, и правовой политики — в частности.

Именно на основе принципов как статичного явления и формируются приоритеты конституционной политики.

Например, принцип социальной обусловленности выступает одним из фундаментальных принципом конституционной политики.

Между тем на базе принципа социальной обусловленности эволюционирует и один из приоритетов современной конституционной политики страны, о чем подробно будет сказано ниже.

Приоритеты конституционной политики обладают более динамичной природой, нежели принципы, и служат показателями политической (а, следовательно, и правовой) направленности. Приоритеты конституционно-правовой политики пишет Е. С. Аничкин «... есть первоочередные вопросы, требующие незамедлительного решения. Однако они по своей природе являются подвижными и динамично изменяются под воздействием различных политических, экономических, духовных и даже субъективных обстоятельств» [2, с. 245].

По нашему мнению, в настоящий момент приоритетами конституционной политики выступают: социальная защищенность граждан и обеспечение их безопасности.

Социальная защищенность, детерминированная признаком социальной обусловленности конституционной политики, наиболее выпукло проявляется в таких действиях государства как индексация пенсий, установление системы социальных пособий, различного рода социальных выплат (например, так называемый «материнский капитал»), постоянное увеличение МРОТ, борьба с безработицей и т. д.

Конечно, о каких-либо особых успехах в социальном благополучии граждан России говорить пока преждевременно. Как думается, социальная роль государства не должна заключаться в создании ситуации, когда не работать выгоднее чем работать. Во многом, недавний кризис экономики стран Западной Европы обусловлен беспрецедентной нагрузкой на социальную сферу. Приоритет социального благополучия заключается в действенной государственной помощи нуждающимся, а не создании условий для существования паразитического общества.

Вместе с тем нельзя не признать, что российское государство не просто выполняет «классическую» функцию: социальную, а реально, на уровне конституционной поли-

тики, ставит во главу угла обеспечение государственной поддержки человека, создания условий, благодаря которым индивид может развить свой потенциал и обеспечить себе и своим близким достойное существование.

Наряду с социальным развитием, приоритетом современной конституционной политики является безопасность людей.

Эскалация в современном мире различных факторов насилия: страшные террористические акты, катастрофы природного и техногенного характера, различного рода войны и военные конфликты, эпидемии, ужасающая в своей повседневности статистика гибели в ДТП, заставляют задуматься о месте и роли государства при обеспечении безопасности каждого конкретного человека.

На наш взгляд, в контексте конституционной политики уместно говорить об юридической безопасности субъектов. Признанным специалистом в теории юридической безопасности считается А. А. Фомин, по мнению которого юридическая безопасность является составной частью общего понятия «безопасность» и представляет собой состояние правовой защищенности жизненно важных интересов субъектов права [3, с. 6].

Конституционно-правовая политика должна предусматривать целый комплекс соответствующих мероприятий, направленных на минимизацию риска и снижения угроз субъектам.

Н. В. Витрук абсолютно верно писал, что свойством приоритета конституционной политики служит создание и эволюция конституционно-правовой безопасности общества, государства как особой организации власти и любого индивида [4, с. 9]. Это можно достичь целым комплексом мер, затрагивающих в том числе и систему правоохранительных органов.

В настоящее время приоритетом конституционной политики выступает надлежащее оформление системы правоохранительных органов.

Так, до сих пор не определен конституционно-правовой статус прокуратуры РФ, несмотря на всю очевидную важность этого органа в механизме российского государства.

В свою очередь провозглашенное в ст. 10 Конституции РФ разделение государственной власти на три ветви детерминирует вопрос о принадлежности прокуратуры к какой-либо из них. При этом, как думается, очевидно, что прокуратура не относится ни к законодательной ветви власти, ни к судебной власти [5], ни к исполнительным органам [6].

Тоже самое характерно и для Следственного комитета РФ, статус которого в системе разделения властей до сих пор не определен.

В этих условиях весьма тяжело говорить о наличии в государстве реальной правоохранительной политики; поэтому приоритет конституционной политики как базовой разновидности политики правовой заключается в установлении четкого правового статуса органов, призванных по своему целевому назначению защищать и охранять права и свободы граждан.

На наш взгляд, подобная оптимизация самым благоприятным образом скажется и на борьбе с таким негативным явлением как коррупция. Преодоление коррупции, бесспорно, является приоритетом современной конституционной политики. Отмечая положительную роль создания целого пласта законодательства, направленного на противодействие коррупции [7], хотелось бы именно на конституционном уровне установить правовую оценку коррупции и определить ограничения и запреты, распространяющиеся на лиц, признанных по приговору суда виновными в коррупционных деяниях.

При освещении приоритетов конституционной политики хотелось бы еще раз подчеркнуть их по большому

счету тактический характер: направленность на разрешение проблем, непосредственно стоящих перед обществом и государством в конкретный исторический период. В этом их отличие от целей, имеющих, по сути, стратегическое значение.

Таким образом, приоритеты конституционной политики более конкретны, отражают непосредственные задачи государства в определенный исторический этап существования.

К таким приоритетам относятся: социальная защищенность граждан, обеспечение безопасности субъектов правоотношений, совершенствование системы правоохранительных органов, борьба с коррупционными проявлениями.

Литература:

1. Захарова, Л. Н. Конституционная правовая политика как доминирующая форма правовой политики российского государства // Юридические записки. 2013. № 2. с. 16–21
2. Аничкин, Е. С. Конституционно-правовая политика Российской Федерации: природа, стратегия, характерные черты // Право и политика. 2012. № 2 (146). с. 243–247.
3. Фомин, А. А. Юридическая безопасность субъектов российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008.
4. Витрук, Н. В. Содержание конституционно-правовой политики в современной России // Российское правосудие. 2008. № 12. с. 4–10.
5. ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
6. Указ Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2012. № 22. Ст. 2754.
7. ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228; ФЗ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ

Особенности положения прокурора в гражданском судопроизводстве и эффективность форм его участия в деле

Алексенко Арина Александровна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В научной теории гражданского процессуального права существуют различного рода позиции, мнения и споры ученых деятелей в области права, касающиеся особенностей определения процессуального статуса и места прокурора. Вступивший в законную силу с 1 февраля 2003 г. Гражданский процессуальный кодекс РФ во многом регламентировал участие прокурора в гражданском судопроизводстве и детализировал определённые пробелы, однако споры не прекратились и противоречивые позиции ученых-правоведов по поводу применения и толкования норм права остаются и в настоящий момент. Отсутствие единого подхода к решению этой проблемы порождает неустранимый интерес к этому вопросу.

Первостепенная цель участия прокуратуры, как единой централизованной системы, в гражданском процессе — это обеспечение верховенства закона, единства

и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства — об этом нам говорит Федеральный закон «О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 N 2202–1.

Однако в науке гражданского процессуального права многие ученые правоведы и юристы поднимают вопрос о необходимости, надобности и обязательности участия прокурора как процессуальной фигуры в судебном разбирательстве. Например, Плешаков А. Г. отмечает, что в отличие от уголовного процесса, где необходимость участия прокурора даже не вызывает никаких сомнений, в гражданском процессе вопрос о целесообразности участия прокурора ставится под сомнение и вызывает много дискуссий. В качестве аргументов «против» Плешаков А. Г. выдвигает приоритет частного интереса и ограничение государ-

ственного вмешательства в частные дела граждан, несоблюдение принципов равноправия и состязательности в процессе и другие [6, с. 224–228]. Кстати, необходимо отметить то, что вопрос нарушения данных принципов, вызванного участием прокурора в судебном разбирательстве, был предметом рассмотрения спора в ЕСПЧ по жалобам А. Менчинской [5], С.Бацаниной [1]. Тогда ЕСПЧ дал надлежащую оценку на этот счет и обозначил то, что участие прокурора в гражданском процессе формально не противоречит праву на справедливое судебное разбирательство. Однако из любого общего правила найдутся исключения, которые побудят сформировать обратную позицию. Ведь существуют различные обстоятельства в деле, когда никто, кроме прокурора, не в силах повлиять на положение и исправить что-либо или восстановить нарушенные права. В частности, речь идет о слабозащищенных слоях населения, которые в силу каких-то ограничений в своих возможностях не могут в полной мере осуществить свое право на защиту. Отсюда следует снова упомянуть цель введения в гражданский процесс института прокуратуры — защита и охрана субъектов процесса, а также содействие правосудию посредством осуществления его задач. Исходя из таких умозаключений, можно сделать вывод, что вступление прокурора в рассмотрение дела гражданской специфики в любой форме признается законным, обоснованным и уместным.

Говоря о формах участия прокурора, мы имеем ввиду — способ реализации прокурорско-процессуальной деятельности в гражданском судопроизводстве, выражающийся в совокупности полномочий прокурора, которые в свою очередь объединены общими задачами. Действующее законодательство РФ называет нам две формы участия прокурора в процессе. Первая — инициативная форма, по-другому ее называют в теории форма обращения в суд с заявлением или иском, т. е. возбуждение дела. Вторая — вступление в уже начатый процесс по инициативе других лиц с целью дачи заключения по делам о выселении, восстановлении на работе, возмещении причиненного жизни или здоровью вреда и в иных случаях, предусмотренных ГПК РФ и другими федеральными законами [3, с. 68–71].

Участвуя в каждой форме, прокурор занимает самостоятельное положение представителя государственной власти независимо от других участников разбирательства. Роль прокурора как процессуальной фигуры по первой форме участия в научной литературе принято именовать процессуальным истцом. Однако примеряя «роль» истца, он ограничен в своих процессуальных правах — он не уполномочен самостоятельно принимать решение по предмету спора, и для распоряжения материальными правами требуется согласие лица, в защиту прав которого он выступает. Инициативная форма на практике является эффективным и востребованным процессуальным средством реагирования, в том числе путем законодательного расширения полномочий в интересах социально не защищенных групп граждан. Если обратиться к судебной прак-

тике, то можно заметить, что ценность исковой работы ярко просматривается в общей статистике роста числа исковых заявлений. Случаи отказа в удовлетворении заявлений единичны, а принятые меры гражданско-правового характера способствовали оперативному реагированию на любые нарушения прав граждан, общества и государства.

Что касается второй формы, вступая в гражданское дело для дачи заключения, прокурор способствует реализации задач правосудия по тем категориям дел, которые напрямую затрагивают основные неотчуждаемые права потенциально уязвимых граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. Заключение в гражданском судопроизводстве определяется как форма выражения мнения специального органа — прокурора по конкретному гражданскому делу, содержащее государственное-властное веление, выраженное в письменной (устной) форме и направленное на индивидуальное регулирование общественных отношений, имеющее рекомендательный характер для суда. Данная форма в юридической науке у правовых деятелей вызывает особенно много дискуссий и неоднозначные точки зрения. Как отмечает Бобров Е. А., процессуальный статус прокурора при вступлении в уже начатый процесс по инициативе других лиц с целью дачи заключения однозначно и конкретно не определен ни в ГПК РФ, ни в науке процессуального права. И лишь очевидно, что, проводя параллель между сторонами и третьими лицами, имеющими самостоятельные требования по отношению к предмету спора, прокурор, дающий заключение, относится к другим участвующим в деле лицам [2, с. 3–5]. Основной почвой для дискуссий по поводу целесообразности второй формы выступает то, что заключение прокурора не является фундаментальным для суда, так как доказательством оно не является и не имеет обязательной силы, а имеет только лишь рекомендательный характер, однако требует оценки.

Существовало немало проектов ГПК РФ относительно изменений в формах участия прокурора. Некоторые проекты ГПК РФ ярко ограничивали полномочия прокурора и его роль, некоторые — вовсе носили идею отказаться от второй формы участия прокурора в деле. Данная новела подверглась критике со стороны правоведов, в том числе Маслова Т. Н. утверждает, что отказ от второй формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве является провальным и противоречащим нормам законодательства РФ в части, предусматривающей обязательное участие прокурора в процессе по ряду категорий гражданских дел [4, с. 7–9.]. Отказ от второй формы участия прокурора значительно ограничивал бы его возможности в осуществлении им своих функций, но, тем не менее, такой отказ бы привел к усилению эффективности, результативности и расширению доступности первой формы.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что роль прокуратуры в гражданском судопроизводстве снова остается актуальной и недостаточно разработанной проблемой науки и практики. Представляется, что для

повышения эффективности участия прокурора в гражданском процессе по укреплению законности и правопорядка, защите прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или публичных образований необходимо прежде всего дальнейшее совершенствование законодательства, закрепляющего полномочия прокурора и отдельно его роль в гражданском судопроизводстве во всех формах его участия в деле. Так

же необходимо определить круг прав и обязанностей прокурора как процессуальной фигуры, отличный от других участников гражданского судопроизводства. Ведь правовая определенность, точность, четкость, конкретизация — неотъемлемая черта любой нормы права. Еще Жан Жак Руссо говорил: «Мудрый законодатель начинает не с издания законов, а с изучения их пригодности для данного общества».

Литература:

1. Бацанина против РФ: Постановление ЕСПЧ от 26.05.2009 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2010. N 2.
2. Бобров, Е. А. О проблеме эффективности дачи заключения как формы участия прокурора в гражданском процессе («Российская юстиция», 2019, N 4) с. 3–5
3. Ярков, В. В. Гражданский процесс: Учебник для студентов высших юридических учебных заведений («Статут», 2017) с. 68–71.
4. Маслова Тамара Николаевна. Проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве: Дис. канд. юрид. наук, 2002. — с. 7–9.
5. Менчинская против Российской Федерации: Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2009. N 12.
6. Плешаков, А. Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М., 2002. с. 224–228

К вопросу о правовом статусе туристического агентства

Асатрян Заруи Артемовна, студент
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

На рынке туризма в России прослеживается очевидная зависимость туристических операторов от туристических агентств. Туроператоры нередко диктуют собственные условия, которые можно назвать дискриминационными. Однако, если создать партнерские союзы туристических агентств, которые, объединившись смогут заявить о своих проблемах, то ситуация может измениться в лучшую сторону не без участия государства.

Ключевые слова: туроператор, турагентство, агентский договор, условия сотрудничества.

Туристическое агентство, туристический оператор и турист — основные субъекты тех правоотношений, которые складываются на рынке туризма [1]. И в данном треугольнике в наиболее уязвимом, на наш взгляд, положении находится туристическое агентство.

Существуют некоторые характерные особенности в договорных взаимоотношениях между оператором и агентом. Подобные соглашения ставят туристические агентства в более уязвимое положение. Например, если турист, он же потребитель продукта, который предлагается туристическим агентством, откажется от совершения путешествия, то у турагентства возникнут финансовые задолженности перед туроператором. В рассматриваемом случае турагентство обязуется возместить понесенные затраты. Известно, что в подобной ситуации турагентству придется выплатить штрафные санкции, ведь считается, что туристическое агентство нарушило условия договора и реали-

зации турпродукта, что отражено в ФЗ «О защите прав потребителей». Но если турист приобретает страховку от невыезда, то у его контрагента появляется возможность обезопасить себя от штрафов. Добавим также, что страховые агентства признают в качестве страхового случая такие обстоятельства, смерть или болезнь туриста или его родственника; госпитализация туриста; повестка из военкомата или в суд; отказ в выдаче визы. Все остальные причины, по которым турист не совершает путешествие, не спасут туристические агентства.

Также дискриминационным условием для турагентства является изменение стоимости турпродукта, даже если бронирование было подтверждено. Обычно, причиной увеличения стоимости может стать изменение курсов валюты или же рост транспортных тарифов. Если туриста не устраивают изменения в стоимости, то тур может быть аннулированным, и опять же турагентство возмещает туро-

ператору понесенные затраты. Действительно, если турист уже совершил бронирование тура, и после оплаты стоимость тура изменилась, и туроператором был выставлен новый счет, то соответственно турагентство вынужденно оплачивать разницу из собственных средств, так как не имеет права требовать доплату с туриста в соответствии с ФЗ «О защите прав потребителей». Бывают случаи, когда, как констатируют работники туристической отрасли, причиной подобной ситуации могут быть и «технические ошибки менеджера», и «сбой в системе онлайн-бронирования», «неточные данные, представленные туроператору принимающей компанией» и т. п. И в таком случае финансовые потери так же несет турагентство.

Есть ещё одно неблагоприятное условие, которое так же является неким грузом в деятельности турагентства. Встречаются случаи, когда по договору туроператор имеет право производить замену туристических услуг, входящие в турпродукт. Это значит, что турист перед отъездом в тур узнает об каких-либо изменениях, например, таких как: изменение отеля, рейса, аэропорт вылета и т. д. Как правило, столкнувшись с этим, турист, предъявляет свои обвинения в адрес турагентства, менеджер которого, по мнению туриста, совершил ошибку при бронировании, либо выбрал недобросовестного туроператора. Подобные обстоятельства приводят к потери доверия туристического агентства со стороны потребителя конечного продукта.

Нередко туристическое агентство может пострадать и в силу так называемых технических ошибок туроператора. Причинами этого может служить недостаточный контроль деятельности сотрудников со стороны руководства.

Примерами подобных ситуаций могут быть:

1. Недостовверная информация, полученная от менеджера туроператорской фирмы, когда агент, обратившийся в call-центр, получает неверную информацию по курорту.

2. Отсутствие на сайтах туроператоров достоверной, актуальной информации о курорте, в связи с этим агенту приходится перепроверять указанную информацию на сайте в более достоверных источниках.

Пожалуй, единственной положительной стороной отечественного законодательства в деле защиты прав туристического агентства может послужить тот факт, что данные субъекты правоотношений могут самостоятельно

решить, с кем из туроператоров могут быть построены взаимовыгодные отношения.

Считается, что оценить туроператоров в целях налаживания сотрудничества возможно на основе сравнения по критериям правоспособности, кредитоспособности и дееспособности.

1. Правоспособность показывает наличие юридического основания заниматься туристической деятельностью, оно подтверждается с помощью свидетельства о регистрации идентификационным номером в Едином федеральном реестре туроператоров.

2. Кредитоспособность туроператора демонстрирует наличие финансовых средств для своевременных и полных расчетов по заключаемым сделкам. Оно подтверждается финансовым обеспечением.

3. Дееспособность — есть наличие возможности выполнять все обязанности, из условий заключенной сделки, подтверждается опытом работы, объемами продаж, уровнем специализаций, ассортиментом предлагаемых туров и услуг и т. д.

Как правило, для проверки качественной работы контрагенты обращаются к сайту операторов. Также о профессионализме работы туроператора можно сделать некоторые выводы на основе телефонных звонков. Ну а о финансовой стабильности туроператора может сказать вознаграждение агента. Реальное фактическое вознаграждение, как правило, меняется в пределах 9—12 % от стоимости тура. Также при выборе партнера-туроператора учитываются мнение коллег, агентов, отзывы туристов.

«Туризм на современном этапе развития экономики России занимает все более значимое место» [2]. Однако на рынке туризма существует определенная зависимость турагентств от туроператора. Пока еще отечественный законодатель не предусмотрел способы решения данной проблемы. Но ситуация может измениться не только после внесения принятия необходимых нормативно-правовых актов, но и с помощью создания ассоциаций и партнерских союзов, при котором уязвимые субъекты правоотношений, объединившись, смогут массово заявить о своих проблемах и добиться внесения изменений в отечественное законодательство.

Литература:

1. Правовое обеспечение туризма: учебник. / коллектив авторов; под общ. ред. Е. Л. Писаревского. — М.: Федеральное агентство по туризму, 2014.
2. Гольц, Т. В. Проблемы регулирования защиты прав потребителей в сфере туристического обслуживания в России // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. — 2010. — № 1. — с. 53—60.

Общие условия предварительного расследования, связанные с обеспечением прав и законных интересов его участников

Бабкина Анна Анатольевна, студент магистратуры

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

Наличие в положениях УПК РФ отдельной главы, регулирующей общие условия предварительного расследования несомненно подчеркивает важность при производстве уголовно-процессуальной деятельности в стадии предварительного расследования их соблюдения дознавателем, следователем либо органом дознания при производстве по уголовному делу. Кроме того, общие условия предварительного расследования основаны на принципах уголовного процесса, но, в отличие от них, действуют только в этой стадии процесса и направлены на последовательное и полное их применение дознавателем, следователем либо органом дознания при производстве по уголовному делу. Статья посвящена исследованию норм отечественного законодательства, устанавливающих условия для правильного и законного проведения предварительного расследования. В рамках данной работы обращается внимание на особенности каждой категории общих условий.

Ключевые слова: предварительное расследование, участники уголовного судопроизводства, права и свободы человека и гражданина, общие условия предварительного расследования.

В современный период законности проведения процедуры предварительного расследования придается особое значение. Будучи одной из форм исполнения принципов неприкосновенности личности (ст.10), охраны прав и свобод человека и гражданина (ст.11), неприкосновенности жилища (ст.12), тайны переговоров и сообщений (ст.13), а также ряда иных принципов, закрепленных Уголовным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1], данные положения служат гарантией соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса. По мнению Б. Я. Гаврилова: «Эффективность уголовного судопроизводства связана прежде всего с действенной защитой прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. В досудебном производстве не только отдельные нормы, но и ряд процессуальных институтов требуют совершенствования, поскольку в силу, с одной стороны, деформированности процессуальных правил расследования и, с другой стороны, забюрократизированности уголовного процесса они значительно затрудняют доступ граждан к правосудию, не отражают реального положения дел в борьбе с преступностью и не позволяют государству вырабатывать адекватные меры» [2].

В целях реализации процессуальных норм законодательством известным профессором В. П. Божьевым [3] были выделены основные условия, обусловленные необходимостью должного уровня проведения расследования дела, как: обязательность рассмотрения ходатайств; меры по защите участников процесса; меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества; меры по обеспечению гражданского иска; судебный порядок получения разрешения на производство ряда следственных действий; участие переводчика. Рассмотрим некоторые из указанных.

1. Обязательность рассмотрения ходатайства как одно из условий предварительного расследования находит свое

отражение в ст.ст.119–122 УПК РФ. Наряду с этим выделяются и особенности в применении указанных норм. Например, в случае вынесения отказа в удовлетворении ходатайства о проведении следственных действий является обязательным указание на отсутствие признака относимости в отношении сведений, которые могут быть получены в рамках проведения следственных действий. Такой отказ должен быть установлен в отсутствие всяких разумных сомнений.

Также к числу особенностей в рамках данного условия следует относить также разумность и обоснованность представления участниками ходатайств. Следователь вправе отказать в рассмотрении предъявленного заявления в случае, если является очевидным явная избыточность, неразумность и намеренное затягивание сроков проведения расследования. Такое обстоятельство обусловлено недопустимостью злоупотребления собственными правами сторон и обеспечением самостоятельности процессуальных действий. При этом в мотивировочной части отказа должно содержаться обоснование принятого решения. Следует отметить, что допускается обжалование отказа посредством направления прокурору либо руководителю следственного органа (ст.124 УПК РФ), либо в суд в рамках, предусмотренных ст. 125 УПК РФ.

При этом существенной проблемой является мотивированность и обоснованность решений, выносимых в результате рассмотрения ходатайств. В большинстве случаев постановления об отказе в удовлетворении ходатайств не отражают мотивы и обоснования принимаемых решений. Обоснование решения чаще всего сводится к следующим формулировкам: «отказать в удовлетворении ходатайства», «отказать, так как запрашиваемая информация не имеет отношения к рассматриваемому делу», «отказать в удовлетворении ходатайства ввиду его нецелесообразности» [4].

2. В рамках применения мер, направленных на защиту участников процесса, следует руководствоваться положениями Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [5], а именно статьей 6, предусматривающей такие меры безопасности, как охрана и выдача средств индивидуальной защиты, соблюдение конфиденциальности представляемых сведений, переезд в другое место жительства, изменение внешности, места работы и пр. Кроме того, в юридической доктрине разграничивают в рамках данного условия меры государственной поддержки на меры безопасности, применяемые в отношении сохранения жизни, здоровья и имущества участников, и меры социальной защиты, подлежащие применению в случаях гибели участника или повреждения состояния его здоровья [6]. Особую важность для законодателя имеет соблюдение интересов свидетелей и потерпевших, что явилось причиной для внесения изменений в ч.9 ст.166 УПК РФ. Однако в целях соответствия международным стандартам реализация указанных положений должно применяться в совокупности с дополнительными гарантиями (например, наличие процессуальных доказательств о существовании действительной угрозы жизни, здоровью; достоверное подтверждение личности свидетелей; возможность опроса «секретных» свидетелей и другие). Представляется возможным считать, что такие меры должны быть вызваны острой необходимостью, поскольку их необоснованное применение влечет ограничение прав лиц.

3. Меры попечения о детях, иждивенцах подозреваемого или обвиняемого, а также меры по обеспечению его сохранности имущества предусмотрены ст. 160 УПК РФ. Ключевым моментом в ходе применения этих положений является передача лиц, не способных к самостоятельному существованию, на попечение родственников либо в соответствующие социальные учреждения. В свою очередь, имущество может быть передано доверенным лицам либо организации, оказывающей услуги по обеспечению сохранности имущества.

4. Одной из не менее значимых гарантий является соблюдение судебного порядка в целях получения разрешения на проведение некоторых следственных действий. Ввиду будущей возможности ограничения конституционных прав граждан является необходимым наличие решения суда, допускающего такое ограничение в отношении конкретного лица (ст.23–25, 35 Конституции РФ). Вследствие указанного следователь при наличии предварительного согласия со стороны руководителя следственного органа, либо дознаватель, предварительно получив согласие прокурора, уполномочен на вынесение мотивированного постановления о необходимости проведения следственного действия перед судебным органом. Такое ходатайство должно быть рассмотрено не позднее 24 часов с момента его поступления судом, расположенным либо по месту производства следствия либо по месту производства конкретного следственного действия. При этом

в особо экстренных ситуациях допускается возможность проведения следственного действия без наличия на то необходимого согласия и судебного решения (ч.5 ст. 165 УПК РФ). В силу внезапности появления обстоятельств, создающих угрозу для утраты следов преступления либо сокрытия лиц, его совершивших, а также утраты возможности возмещения ущерба, следователь только лишь уведомляет прокурору и суд о начале производства следственного действия. Однако в последующие 24 часа действия следователя подлежат проверке на законность их проведения.

Наряду с этим необходимо отметить, что любое соединение уголовных дел должно быть обоснованным и строго соответствовать основаниям, перечисленным в законе, в противном случае это приведет к бюрократизации процедуры предварительного расследования, а также к нарушению его процессуальных сроков, вместе с тем будут нарушаться сроки судебного заседания, а значит и сроки содержания под стражей [7]. Османова Н. В. считает, что ежегодно более 5 % уголовных дел передается между территориальными органами и службами два и более раз [8]. Безусловно, данный факт негативно отражается на эффективности расследования уголовных дел, процесс расследования затягивается, затрудняется, из-за это нарушаются процессуальные сроки. Также основная проблема заключается в том, что доказательства, собранные должностным лицом, к компетенции которого не относится расследование данного уголовного дела в суде, скорее всего, будут признаны недопустимыми, что приводит к тому, что лицам удается избежать уголовной ответственности.

5. Необходимость привлечения переводчика в процессе расследования обстоятельств произошедшего дела ориентировано на соблюдение государственного права на использование родного языка и на самостоятельный выбор языка для общения (ст. 26 Конституции РФ, ст. 18 УПК РФ). Следственный орган привлекает переводчика посредством вынесения мотивированного постановления, при этом все финансовые расходы возлагаются на счет государства. Необходимым действием считается предупреждение переводчика об уголовной ответственности в случае заведомо неверного перевода при осуществлении процессуальных действий (устный либо письменный перевод процессуальных документов).

Подводя итоги вышеизложенному, следует сделать вывод о том, что в целях соблюдения прав и интересов в ходе проведения предварительного расследования считается необходимым применение законных и обоснованных мер. Законодателем установлен определенный порядок для реализации полномочий властных органов с минимально возможным ограничением прав лиц, а также наличие должного обоснования для применения конкретных следственных действий. Соблюдение установленных принципов позволяет сделать процесс предварительного расследования более ориентированным на установление баланса их участников. Хотелось бы также

обратить внимание и на необходимость разрешения важнейших проблем предварительного расследования, а именно: повышение квалификации следователей и работников дознания; поднятие престижа должности следователя; усиление процессуальной самостоятельности следователя; определение процессуальных прав всех

участников предварительного расследования; увеличение материально — технического обеспечения следственного аппарата. Именно это является необходимым для выполнения задач уголовного процесса — быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличение виновных и правильного применения закона [7].

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ// Собр.законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч.1). — Ст. 4921.
2. Гаврилов, Б. Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция для совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. N 1(37). с. 18–25.
3. Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / В. П. Божьев [и др.]; под ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — с. 251
4. Ухтверов, Н. С. Актуальные проблемы участия защитника на стадии предварительного расследования // Вестник БСТУ. 2017. № 3. URL: https://bstudy.net/634239/pravo/aktualnye_problemy_uchastiya_zaschitnika_stadii_predvaritelnogo_rassledovaniya.
5. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ// Собр.законодательства РФ. — 2004. — № 34. — Ст. 3534.
6. Калиновский, К. Б. Уголовный процесс [Электронный ресурс]. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/p/lecture_notes/ Дата обращения: 25.03.2019 г.
7. Хайдаров, А. А. Соединение уголовных дел: Актуальные проблемы теории и практики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3 (25) с. 102.
8. Османова, Н. В. Институт подследственности в досудебном уголовном производстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — М., 2013. — с. 19.

Криминологическая характеристика личности сотрудников правоохранительных органов, совершающих преступления

Берегова Зульфия Равшановна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

На сегодняшний день наблюдается рост правонарушений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов. Как показало выборочное исследование, только за период 2014–2017 гг. к реальному сроку отбывания наказания было осуждено 76,6 % из числа осужденных сотрудников правоохранительных органов. О росте преступлений среди сотрудников правоохранительных органов говорят и другие исследователи [2].

Поэтому нами будут рассмотрены некоторые особенности личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления. Криминалистика рассматривает личность преступника через свойства и качества, которые получили отражение в следах преступления. Отметим, что именно социология дает больше возможностей для изучения личности преступника. Методы социологического исследования позволяют выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления, найти техники для ресоциализации преступника, а также разработать методики профилактики правонарушений и преступлений.

По мнению, Ю. Р. Герасимовой, на сегодняшний день изучение личности преступника — одно из основных направлений не только современной криминологии, но и социологии, девиантологии, психологии, педагогики, уголовного и уголовно-исполнительного права [3]. Личность преступника является ключевым предметом во всех областях наук юридического профиля, а также психологических и социологических.

Нами будут рассмотрены социально-демографические особенности сотрудников правоохранительных органов, совершающих преступления. Одним из основных демографическим показателем является возраст. Другие показатели такие, как семья, образование, наличие детей и другое зависят именно от возраста [4, с. 72]. Возраст сотрудников, совершивших преступления, приходится на период большей активности, то есть возраст от 31 до 35 лет 27,4 %. В это время когда адаптация к условиям службы у сотрудника уже пройдена, а до завершения службы еще далеко. 20,5 % приходится на возраст

от 41 до 50 лет, это время, когда профессиональная деформация у сотрудника неизбежна. Отметим, что возраст 30—40 лет является самым трудоспособным как в физическом, так и в карьерном смысле, это возраст наибольшей активности человека. Как видно, активность проявляется не только в законопослушной деятельности, но и в противоправной, ведь именно в этом возрасте совершаются преступления.

Одной из особенностей личности сотрудника правоохранительных органов, совершивших преступления является его национальность. В СМИ можно встретить упоминание о национальной принадлежности подозреваемых, обвиняемых, осужденных, тем самым формируя в сознании общества негативное отношение к лицам определенной национальности. Среди сотрудников правоохранительных органов, 83,4 % осужденных сотрудников свою национальную принадлежность указали как «русский», 3,4 % — бурят, 3 % — татарин и остальные 10,2 % приходится на другие национальности (украинцы, белорусы, армяне, евреи, азербайджанцы и др.).

На формирование личности в какой-то степени влияет место жительства. Большинство сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления, проживали в крупных городах или краевых и областных центрах (более 50 % всех сотрудников). Остальные сотрудники (около 25 %) проживали в городах и оставшаяся часть в поселках городского типа или деревнях.

Высокие показатели приходятся на города федерального значения, на что есть вполне логичное объяснение.

Во-первых, это города с миллионным населением, так население г. Москва составляет свыше 12 миллионов человек, г. Санкт-Петербург — свыше 5 миллионов.

Во-вторых, согласно Указа Президента от 1 января 2014 г. установлена предельная штатная численность органов внутренних дел 1087064 единицы, в том числе сотрудников органов внутренних дел 904868 (из них сотрудников полиции — 782001 единица), федеральных государственных гражданских служащих — 4851 единица, работников — 117345 единиц). Это без учета органов юстиции, судейского аппарата, ФСБ и других структур. Соответственно доля распределения сотрудников правоохранительных органов в Центральной части России будет выше, чем в регионах, как и проявление противоправных деяний с их стороны.

В-третьих, ч. 1. ст. 73 УИК РФ предусматривает, что осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. В исключительных случаях по состоянию здоровья осужденных или для обеспечения их личной безопасности, либо с их согласия они могут быть направлены для отбывания наказания в соответствующее исправительное учреждение, расположенное на территории другого субъекта Российской Федерации.

Особенностью личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления, является об-

разование. В настоящее время идет тенденция к получению высшего образования сотрудниками правоохранительных структур. Процент лиц со средним образованием становится значительно меньше 13,5 %, на среднее специальное и незаконченное высшее образование приходится 23,7 % и 24,4 % соответственно. 38,4 % имеют высшее образование, это говорит о том, что квалификационные требования к сотрудникам повышаются и наличие высшего образования становится обязательным требованием как вновь поступающим на службу, так и работающим сотрудникам. Однако сдерживающим фактором наличие образования не стало.

Немаловажную роль в формировании личности сотрудника правоохранительных органов играет семья. Так, из сотрудников правоохранительных органов 3,6 % никогда не состояли в брачных отношениях и 9,9 % — разведены. Несомненно, семья имеет важное значение для профилактики преступлений, но и играет важную роль в ресоциализации сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления. 34,2 % сотрудников имеют одного ребенка, 31,3 % — два ребенка, 10,6 % — три и более детей, и у 23,9 % сотрудников детей нет. У большинства исследуемой нами социальной категории сотрудников были семья и дети, то есть охарактеризовать такую семью можно как благоприятную.

В заключении можно отметить, что сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления, никак нельзя назвать криминальным контингентом или лицами, ведущими асоциальный образ жизни. К особенностям личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления, можно отнести следующие характеристики:

— Пол. Как показало наше исследование, большинство лиц рассматриваемой категории — мужчины;

— Возраст 31—35 лет. В правоохранительных органах данный возраст относится к наиболее активному, когда время адаптации прошло, идет активный рост по служебной лестнице;

— Большинство респондентов указали свою национальность как «русский», отметим, что это не связано с национальными особенностями, а с тем, что людей, идентифицирующих себя как «русских», значительно больше, чем лиц иной национальности;

— большинство респондентов имеют хорошее образование, в том числе 64,1 % — высшее юридическое, что не характерно для иных лиц, совершающих преступления;

— 76 % сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления, состоят в официальном браке или проживают фактически.

Исследование личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления, имеет важное практическое значение, особенно в системе профилактики преступлений такой социально-профессиональной группы и минимизации пенитенциарной преступности, а также для выявления и осмысления тех свойств и характеристик, которые порождают их преступное поведение [8, с. 276].

Литература:

1. Варьгин, А. Н. О преступности сотрудников органов внутренних дел и ее тенденциях // Вестник Казанского юридического института МВД России. Казань, 2013. № 11. с. 21–25.
2. Уразаева, Г. И. Преступность сотрудников органов внутренних дел: формы ее проявления и психологические особенности // Вестник Казанского юридического института МВД России. Казань, 2015. — № 4. с. 6–12
3. Касперович, Ю. Г. Особенности личности сотрудника ОВД, совершающего преступления коррупционной направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1. с. 52–55.
4. Герасимова, Ю. Р. К вопросу об изучении личности осужденного к лишению свободы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012, № 2. с. 31–38.
5. Гайдай, М. К., Герасимова Ю. Р. Основные характеристики социального облика женщин, лишенных свободы // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур. Иркутск, 2015. с. 72–81.
6. Калманов, Г. Б., Караваев А. Ф., Лебедева Ю. К. Механизмы социально-психологической деформации у сотрудников ОВД: уголовно-правовой аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. М., 2001. № 1 (15). с. 73–79.
7. Сторчилова, Н. В. Особенности криминологической характеристики личности сотрудников органов внутренних дел, совершающих коррупционные преступления // Теория и практика общественного развития: Научный журнал. 2009, № 3–4.
8. Осинский, И. И., Гылыкова Э. В. Бурятская городская семья на рубеже XX–XXI вв. Социологический анализ / И. И. Осинский, Э. В. Гылыкова. Улан-Удэ: Издательство бурятского госуниверситета, 2013. — 143 с.
9. Гайдай, М. К. Криминологическая характеристика осужденных к лишению свободы бывших работников судов и правоохранительных органов // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 5 (96). — с. 273–276.

Общая характеристика преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов

Берегова Зульфия Равшановна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Немаловажную роль в защите человека, его прав и свобод от противоправных посягательств принадлежит правоохранительным органам. Как утверждает Тамазов Э. И., «именно поэтому совершение преступлений лицами, на которых возложены функции обеспечения безопасности и защиты других людей, не только подрывает основы демократического правового государства, препятствует построению гражданского общества, наносит ущерб авторитету государственной власти, препятствует нормальному функционированию органов власти и управления, ухудшает имидж правоохранительных органов, но и содействует деформации правосознания граждан, морально развращает общество, приучая его к мысли, что несправедливость стороны власти допустимы и естественны» [1, с. 174].

Совершение преступлений сотрудниками правоохранительных органов не просто увеличивает общее количество преступлений, а также обуславливает совершение преступлений другими лицами.

Большинство исследователей, которые занимаются изучением преступности в сфере правоохранительной деятельности чаще всего выделяют две группы преступлений

среди сотрудников правоохранительных органов: «профессиональные» преступления, связанные с выполнением своих служебных обязанностей (превышение должностных полномочий вследствие азарта, неправильной оценки обстановки; преступления, имеющие своей целью получение имущественной или иной выгоды; преступления, совершаемые из иных низменных побуждений), и общеуголовные преступления (совершаемые умышленно или по неосторожности).

Использование служебного положения в сфере правоохранительной деятельности делится на два вида действий:

1. Совершение сотрудником действий, связанных с предоставленными ему полномочиями, с выполняемыми функциями, т. е. осуществление их в сфере служебной деятельности (например, фальсификация материалов уголовного дела, незаконное содержание под стражей и т. д.);

2. Совершение сотрудником действий вне служебных обязанностей, но благодаря занимаемому служебному положению (например, злоупотребление служебным положением (ст. 285 УК РФ), превышение служебных полномочий (ст. 286 УК РФ), присвоение полномочий должностного лица (ст. 288 УК РФ), получение взятки

(ст.290 УК РФ), служебный подлог (ст.292 УК РФ), совершаемые из корыстной заинтересованности» [3, с. 5].

Согласно статистике Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2017–2018 годы, больше всего выявленных правонарушений совершены в Министерстве внутренних дел (далее — МВД) — 3819, меньше всего сотрудниками прокуратуры — 38. При этом необходимо отметить, что общая штатная численность МВД более чем в десять раз превышает штатную численность органов прокуратуры.

Статистика общего количества уголовных дел против сотрудников правоохранительных органов, возбужденных в 2018 году, выглядит так: МВД — 3819 (рост на 10,4 % по сравнению с 2017 годом), Федеральная служба исполнения наказаний — 1018 (рост 2,3 %), Федеральная служба судебных приставов — 681 (уменьшение на 18 %), Министерство чрезвычайных ситуаций — 391 (рост 23,3 %), Федеральная служба безопасности (далее — ФСБ) — 178 (рост 69,5 %), Федеральная таможенная служба — 177 (уменьшение на 15,7 %), сотрудники судов — 118 (рост 118,5 %), Следственный комитет — 110 уголовных дел (рост 52,8 %), войска национальной гвардии Российской Федерации — 83 (рост 277 %), Генеральная прокуратура — 38 (уменьшение на 5 %) [4].

Исходя из вышеприведенных данных, можно сделать вывод о том, что лидирующие позиции по уровню роста числа уголовных дел против своих сотрудников занимают: войска национальной гвардии Российской Федерации, судебные органы, ФСБ и Следственный комитет.

Преступления, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов весьма разнообразны. Наиболее распространенными преступлениями чаще всего являются: мелкое взяточничество (ст. 291² УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ч.ч. 1, 2, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ), внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (ст. 285³ УК РФ), организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ч. 3 ст. 210 УК РФ), принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ), оказание противоправного влияния на результат официального спортивного со-

ревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ч. 1, 2 ст. 184 УК РФ), присвоение или растрата (ч.ч. 3, 4 ст. 160 УК РФ).

По результатам статистики в 2018 году сотрудники правоохранительных органов совершили 1258 эпизодов мошенничества, 85 грабежей, 78 нападений с умышленным причинением вреда здоровью, 32 убийства и покушения на убийства, а также 26 разбоев. Необходимо отметить, что большое количество преступлений связано с управлением транспортными средствами (1158).

В качестве отдельной группы преступлений, по мнению автора, следует рассматривать коррупционные преступления сотрудников правоохранительных органов. Коррупционные преступления будут относиться к «профессиональным» преступлениям, т. е. к таким преступлениям, которые непосредственно связаны с исполнением сотрудниками своих профессиональных или служебных полномочий. Данные преступления совершаются при исполнении сотрудниками своих полномочий как правило, в рабочее время или же вне его, но когда виновный выполнял обязанности, вытекающие из его правового положения сотрудника, например, при задержании правонарушителя, пресечении преступления [1, с. 175].

Корыстные побуждения этих деяний, ориентированность на извлечение имущественной выгоды, конечно, отличаются от должностных обязанностей, которые возложены на сотрудников правоохранительных органов в соответствии с законом, зачастую указанные деяния совершаются в совокупности с другими преступлениями. Учитывая специфику служебного статуса сотрудники правоохранительных органов имеют реальные возможности для осуществления длительной безнаказанной преступной деятельности [7, с. 3].

Сотрудник правоохранительного органа наделен специфическими полномочиями, обладает соответствующими знаниями уголовного, уголовно-процессуального закона, а также специальными навыками, которые могут быть использованы как при совершении преступления, так и при сокрытии своего участия в преступлении, следов преступления и т. д. [5, с. 99].

Необходимо отметить, что особенностями криминологической характеристики преступлений сотрудников правоохранительных органов на сегодняшний день являются: чрезвычайно высокий уровень латентности, повышенная общественная опасность, взаимосвязь с правовым статусом сотрудника, умышленная форма вины и корыстная мотивация как основные характеристики субъективной стороны большинства деяний, а также связь преступной деятельности сотрудников с организованной преступностью, коррупционная направленность [6, с. 12]. Режим секретности и недостаточность общественного контроля дает правоохранительным органам поддерживать кажущуюся видимость благополучия относительно состояния преступности в целом, и состояния законности в самих правоохранительных органах в частности [8, с. 340].

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Несмотря на принятые меры профилактики преступлений среди правоохранительных органов, наблюдается значительный рост числа этих преступлений. Совершение преступлений сотрудниками правоохранительных органов негативно сказывается на доверии граждан правоохранительной системе. Действующие формы статистической отчетности не дают полного анализа данных о состоянии преступности в соответствии с разными формами их деятельности, а несут в себе лишь обобщенные данные. Наиболее высокий уровень латентности существует среди таких преступлений, как взяточничество (ст. 290–2912 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (ч.ч. 1, 2, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ), а также мошенничество (ст. 159 УК РФ), незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 2281 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. Высокий уровень латентности

преступности среди сотрудников правоохранительных органов связан с той или иной степенью секретности деятельности этих органов [9, с.77]. Исходя из анализа судебно-следственной практики, преступления среди сотрудников правоохранительных органов чаще всего обусловлены корыстной мотивацией и носят коррупционный характер, а также характерной чертой совершения преступлений сотрудников правоохранительных органов является совершение ими преступлений в составе группы лиц. Следует также отметить, что при совершении сотрудником правоохранительного органа общеуголовного преступления, не связанного с исполнением служебных обязанностей, он может предпринять действия, которые могут значительно затруднить расследование преступлений, т. к. знает всю специфику деятельности. Увеличение количества преступлений не только снижает эффективность деятельности правоохранительных органов, но и объясняет формирование в массовом сознании мнения о некомпетентности, коррумпированности сотрудников данных органов. Также положительная динамика привлечения сотрудников правоохранительных органов к уголовной ответственности говорит о недостаточности принимаемых мер профилактического характера и необходимости разработки дополнительных мер, направленных на усовершенствование механизма противодействия указанным преступлениям.

Литература:

1. Тамазов, Э. И. Общая криминологическая характеристика коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — №. — с. 174–180.
2. Игнатов, А. Н. Криминологическая характеристика насилия в правоохранительных органах (по материалам ОВД Украины) // Право и экономика. — Минск: ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь», 2012. — с. 69–73.
3. Елинский, В. И., Ануфриева Е. А., Фролова Е. Ю. Криминологическая характеристика преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел в связи со служебной деятельностью // Российский следователь. — 2013. — № 20. — с. 2–5.
4. «Преступления силовиками совершаются каждый день» // Интернет-газета «Znak». URL: https://www.znak.com/2019-08-07/za_god_chislo_prestupleniy_v_rosgvardii_uelichilos_na_277_v_fsb_pochti_na_70 (дата обращения: 12.11.2019).
5. Игнатов, А. Н. Проявления организованной преступности работников правоохранительных органов // Европейские перспективы. — 2011. — № 1. — с. 97–102.
6. Дьяченко, Н. Н. Характеристика преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в связи с их служебной деятельностью, и меры по их предупреждению: автореф. дис.... канд. юрид. наук:12.00.08. М., 2011.
7. Смирнов, А. Ю. Корыстные должностные преступления, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел: уголовно-правовая и криминологическая характеристики: автореф. дис.... канд. юрид. наук:12.00.08. Томск, 2010.
8. Тамазов, Э. И. Латентность коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. — 2019. — № Т. 5 (71). № 1. — с. 336–344.
9. Алтухов, С. А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды, особенности профилактики) // — 2001. — №. — с. 271. Алтухов С. А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды, особенности профилактики). — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. — 271 с.

К вопросу об определении понятия правоохранительных органов в Российской Федерации

Берегова Зульфия Равшановна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Важная роль в механизме управления государством принадлежит правоохранительным органам в Российской Федерации. Эффективность работы правоохранительных органов определяет уровень законности и правопорядка в стране, безопасность граждан, защиту их прав и законных интересов. Необходимо отметить, что эффективность деятельности правоохранительных органов напрямую зависит от сотрудников, которые и образуют данную систему [1, с. 354].

Впервые информация о правоохранительной деятельности появилась в конце 50-х — начале 60-х годов XX века [2, с. 73]. Первый раз термин «правоохранительный орган» был употреблен в Законе СССР от 30 ноября 1979 года «О прокуратуре СССР», причем законодателем он использовался как общепринятый [3, ст. 843].

В настоящее время в законодательстве отсутствует акт, в котором закреплено понятие правоохранительных органов, их полный перечень, классификация. В тоже время, несмотря на отсутствие сформулированного определения, в отдельных нормативных правовых актах указан перечень служб, тем самым законодатель предпринимает попытку определения рассматриваемого вопроса [4, с. 262].

В Указе Президента РФ от 18 апреля 1996 года № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» предлагается следующий перечень правоохранительных органов: органы внутренних дел Российской Федерации, органы федеральной службы безопасности, войска национальной гвардии Российской Федерации, органы уголовно-исполнительной системы, таможенные органы Российской Федерации, следственные органы Следственного комитета Российской Федерации и другие правоохранительные органы [5, п.1]. Но исчерпывающий перечень правоохранительных органов по прежнему отсутствует, что приводит к многообразию мнений ученых по данной проблеме.

В настоящее время существует несколько подходов к изучению данной проблемы. «Так, одна группа исследователей предлагает к правоохранительным органам относить только те органы, которые осуществляют борьбу с преступностью, другая группа ученых сюда относит органы власти, занимающиеся поддержанием порядка в общественных местах, суд и т. д». [4, с. 263].

Причиной разнообразия мнений является вопрос включения или наоборот исключения судов из перечня правоохранительных органов. Основываясь на том, что суд имеет принудительные функции, часть ученых относит суд к правоохранительным органам.

По мнению Добродеева С. А., «несмотря на то, что суд выполняет функцию по охране законности и правопорядка,

защите прав и свобод человека, борьбе преступностью, он не является органом исполнительной власти, а обособлен в отдельную ветвь власти — судебную» [6, с. 184]. В соответствии с законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» судьи выделены в отдельную категорию [7]. Судебная власть обладает такими признаками как самостоятельность и независимость от законодательной и исполнительной властей. По мнению автора, было бы верным рассматривать суд как орган государственной власти, исключая из системы правоохранительных органов.

Автор статьи придерживается такой точки зрения, которая не включает судебные органы в понятие правоохранительных органов власти [8, с.26]. Подтверждение можно найти в основном законе государства в пункте «л» части 1 статьи 72 [9]. Основываясь на этой норме, можно сделать вывод, что к правоохранительным органам не относятся — нотариат, адвокатура и судебные органы. Это находит отражение и в Федеральном законе от 20 апреля 1995 года № 45 «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [10], в соответствии с нормами которого в перечень правоохранительных органов можно включить значительное количество органов государственной власти, причем разделение на правоохранительные и контролирующие органы отсутствует, но судебные органы четко выделены из общего числа правоохранительных.

Очень часто в научной литературе, в частности В. В. Щукин, заменяют понятие «правоохранительный орган» на «правоохранительная служба» [11, с. 57–58]. Термин «правоохранительная служба» был закреплен в статье 7 Федерального закона от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [12]. Но федеральным законом от 13 июля 2015 года № 262-ФЗ правоохранительная служба унифицируется и вливается в новое понятие «иные виды федеральной государственной службы», а статья 7 Федерального закона № 58 признается утратившей силу [13]. Таким образом, указанная проблема остается нерешенной.

Проведенный анализ законодательства свидетельствует о том, что в настоящее время прохождение правоохранительной службы закреплено только в таможенных органах. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» определяет, что служба в таможенных органах является особым видом государственной службы граждан Российской Федерации, осуществляющих профессиональную деятельность по реализации функций, прав и обязанностей

таможенных органов, входящих в систему правоохранительных органов Российской Федерации [14]. В законодательстве иных служб отсутствует указание отношения к правоохранительной службе.

Исходя из анализа научной литературы, под термином правоохранительные органы понимается группа органов власти, выполняющих правоохранительную функцию наряду с другими функциями [4, с. 263].

По мнению Ильиной Н. Е., «под правоохранительным органом следует понимать специально учрежденный орган государственной власти, опирающийся в необходимых случаях на меры принуждения, выполняющий правоохранительную функцию, целью которого является обеспечение соблюдения законности и правопорядка в обществе и государстве в целом, посредством решения круга определенных задач, специальных функций по охране и защите прав, свобод и законных интересов граждан и организаций» [4, с. 264].

Таким образом, к правоохранительным органам автор относит: Министерство внутренних дел, Федеральную службу безопасности, Федеральную службу судебных приставов, Федеральную службу исполнения наказаний, Следственный комитет Российской Федерации, Федеральную таможенную службу, т. к. главным направлением деятельности вышеуказанных служб является выпол-

нение функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью.

По мнению автора, отсутствует необходимость включения в правоохранительные органы: прокуратуры, суда, Министерства чрезвычайных ситуаций, хотя отчасти наделены правоохранительными функциями. Частные охранные предприятия и частные детективные агентства не могут быть отнесены к правоохранительным органам, так как не являются органами государственной власти. Установление статуса сотрудника правоохранительного органа важно для реализации мер уголовно — правовой защиты правоохранителей от преступных посягательств, а также имеет немаловажное значение для правильной квалификации преступлений со специальным субъектом — сотрудником правоохранительного органа, назначения наказания и решения других вопросов уголовного права.

Проанализировав вышеизложенное, автор статьи считает необходимым принятие нормативного акта, в котором будет указано определение рассматриваемого понятия, задачи, функции, перечень органов. Установление статуса сотрудника правоохранительного органа необходимо в целях правильной квалификации преступлений со специальным субъектом. Отсутствие закона о правоохранительных органах является существенным пробелом в российском законодательстве.

Литература:

1. Шурыгина, А. А. Понятие «сотрудник правоохранительных органов» // Молодой ученый. — 2019. — № 4(242). — с. 354–355.
2. Заводок, С. Ю. Развитие полицейских органов Российской империи во второй половине XIX-начале XX в. Саратов, 2004.
3. Ведомости ВС СССР. 1979. № 49, ст. 843.
4. Ильина, Н. Е. К вопросу об определении понятия правоохранительных органов // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 1(33). — с. 262–265.
5. Указ Президента РФ от 18.04.1996 N 567 (ред. от 07.12.2016) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112962/ (дата обращения: 03.11.2019).
6. Добродеев, С. А. Понятие сотрудника правоохранительного органа в российском уголовном законодательстве // Бизнес в законе. — 2014. — № 2. — с. 182–187.
7. Закон РФ от 26 июня 1992 г. N 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10103670/> (дата обращения: 07.11.2019).
8. Давыдов, В. А. Судостроительство и правоохранительные органы в Российской Федерации. — М., 1996.
9. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.11.2019).
10. Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20.04.1995 N 45-ФЗ (последняя редакция) // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6425/ (дата обращения: 07.11.2019).
11. Щукин, В. В. Правоохранительная служба в системе государственной службы Российской Федерации // Российский следователь. — 2005. — № 8. — с. 56–59.
12. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 N 58-ФЗ (последняя редакция) // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/ (дата обращения: 07.11.2019).

13. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 13.07.2015 N 262-ФЗ (последняя редакция) // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182636/ (дата обращения: 07.11.2019).
14. Федеральный закон «О службе в таможенных органах Российской Федерации» от 21.07.1997 N 114-ФЗ (последняя редакция) // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15264/ (дата обращения: 10.11.2019).
15. Ванюшин, Я. Л. Законодательное регулирование правоохранительной службы Российской Федерации // Правовопорядок: история, теория, практика. — 2015. — № 1(4). — с. 132–136

Правовое регулирование публичного договора

Букатарь Наталья Владимировна, студент магистратуры;
 Адаменко Алла Петровна, кандидат юридических наук, доцент
 Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Являясь исключением из принципа свободы договоров, публичный договор занимает значительное место среди гражданско-правовых договоров, основной особенностью публичного договора является необходимость его заключения коммерческой организацией в обязательном порядке (ст. 445 ГК РФ). Подобного рода исключение из общего правила правового регулирования договорных отношений вызвано необходимостью государственной защиты общественных интересов, прав граждан-потребителей, а также в сфере экономических отношений. В статье анализируется правовое регулирование публичного договора, исследуются его особенности, рассматривается история возникновения и общая характеристика публичного договора по Гражданскому праву России, описывается состояние общественных отношений, которые им урегулированы.

Ключевые слова: публичный договор, институт гражданского права, экономическое неравенство, Гражданский кодекс РФ, правовой режим, потребности, права потребителей, положение коммерческой организации, ответственность.

Legal regulation of a public contract

Being an exception to the principle of freedom of contracts, a public contract takes a significant place among civil law contracts, the main feature of a public contract is the need for it to be concluded by a commercial organization on a mandatory basis (Article 445 of the Civil Code of the Russian Federation). Such an exception to the general rule of legal regulation of contractual relations is caused by the need for state protection of public interests, the rights of citizens-consumers, as well as in the field of economic relations. The article analyzes the legal regulation of a public contract, explores its features, examines the history and general characteristics of a public contract under Russian Civil Law, describes the state of public relations that it has settled.

Keywords: public contract, civil law institution, economic inequality, Civil Code of the Russian Federation, legal regime, needs, consumer rights, position of a commercial organization, responsibility.

Цель статьи: Анализ правового регулирования публичного договора в судебной практике РФ.

Для достижения цели были определены следующие задачи:

- Изучить особенности публичного договора;
- Исследовать общие положения публичного договора;
- Выявить, что является целью публичного договора;
- Проанализировать судебную практику правового регулирования публичного договора.

Переход Российской Федерации на капиталистическую экономику повлек за собой реформирование всей отрасли гражданского права, в результате чего в 1994 году был принят новый Гражданский кодекс [1], где в ст. 426 содержалось понятие «публичного договора».

Первоначальное определение было таково: публичным договором признается договор, заключенный коммерческой организацией и устанавливающий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такая организация по характеру своей деятель-

ности должна осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т. п.).

Определение публичного договора: ФЗ от 8 марта 2015 г. «Публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т. п.)» [11;12]. Данное определение действует уже более года и именно на его основе будет дан дальнейший анализ публичного договора в гражданском праве.

Публичный договор это правовой режим (под этим термином в теории понимается специфика юридического регулирования определенной сферы общественных отношений с помощью различных юридических средств) [8, с. 272], который отражает публично-правовые начала в гражданском законодательстве.

Наиболее полно характеризует публичный договор как специфический правовой режим именно норма, закрепляющая возможность в случае, предусмотренном законом, посредством актов Правительства и уполномоченных им федеральных органов исполнительной власти, издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (п. 4 ст. 426). Как отмечает Брагинский потребность в ограничении прав Правительства РФ на издание нормативных актов в рассматриваемых случаях отражает общую тенденцию законодателя к жесткому регулированию публичных договоров [4, с. 248].

Публичный договор заключается путем направления публичной оферты, т. е. предложения, содержащего все существенные условия договора, из которого усматривается воля лица, делающего предложение, заключить договор на указанных в предложении условиях с любым, кто отзовется (п. 2 ст. 437 ГК РФ).

Главное, что следует выделить среди общих особенностей публичного договора, это его направленность на защиту «экономически слабой» стороны в договоре, а так же то, что в строгом смысле слова публичный договор является скорее специфическим правовым режимом, обеспечивающим регулирование обязательственных отношений с участием, прежде всего потребителей, а не договором как таковым.

Функцией любого государства как публично-правового образования является, прежде всего, обеспечение публичных интересов, это цель его существования. Одним из наиболее важных направлений данной функции является обеспечение жизненно необходимых для населения интересов: энергоснабжения, общественной связи

и транспортного сообщения, обеспечения продовольствием и т. п., что вытекает из положений самой Конституции РФ [1, ст.2; 11; 12; 13].

В условиях динамично развивающегося рынка государство потеряло возможность монопольно предоставлять всем гражданам все соответствующие услуги, выполнять работы и продавать необходимые товары. В настоящий момент большинство таких предоставлений осуществляют коммерческие субъекты — лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность. В частности, такие субъекты осуществляют розничную куплю-продажу, услуги связи, пассажирских перевозок, гостиничного обслуживания, ремонтных работ и т. д. При этом интерес в этих предоставлениях (товарах, работах и услугах) не перестал быть публичным (всеобъемлющим), а соответственно, не пропала необходимость государственного вмешательства в деятельность коммерческих субъектов, которые его обеспечивают.

В современном российском праве данная государственная прерогатива нашла отражение в институте публичного договора, посредством которого государство устанавливает ряд понятий, правил и запретов, целью которых является непрерывное, своевременное и в полном объеме обеспечение всех нуждающихся в указанных потребностях [11; 12]. В свою очередь, такое законодательное воздействие существенно ограничивает коммерческого субъекта в правах по сравнению со «свободными» договорными правоотношениями, запрещая отдавать кому-либо предпочтение в выборе контрагента [10]. Подобное вмешательство направлено на обеспечение равного предоставления всем нуждающимся гражданам товаров, работ и услуг.

Каждый человек ежедневно вступает в отношения с коммерческими субъектами по поводу удовлетворения повседневных потребностей, и нарушение его права на заключение публичного договора недопустимо [11]. На такой правовой позиции настаивают Конституционный Суд РФ и бывший Высший Арбитражный Суд [3, 4].

Но исследование российского правового института публичного договора указывает на тенденцию ухудшения уровня добросовестности коммерческих организаций в отношениях с потребителями, что выражается в возрастающем неуважении к правам потребителя и злоупотреблении доминирующим положением в рамках договорных обязательств [11;12]. Причина этому видится, в сущности, и содержании правового института публичного договора, а именно в недостаточности законодательного регулирования рассматриваемых общественных отношений.

Публичным признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится [2, ст.426; 13]. Вмешатель-

ство государства в частноправовые отношения осуществляется с целью защиты публичного интереса, при этом таким интересом в договорных отношениях между коммерческими субъектами и гражданами является направленность данных отношений на массовое применение, ежедневно, неоднократно и в отношении неопределенного круга лиц [11;12].

Представляется логичным, что основным контрагентом коммерческого субъекта по публичному договору выступают, безусловно, граждане, и в гораздо меньшем соотношении — юридические лица. Это подтверждается и тем, что большинство публичных договоров в силу сложившейся «обычности» их использования и одностороннего установления условий, заключаются в форме договора присоединения [8]. При этом интересы юридических лиц, поскольку они являются коллективными субъектами, и их жизнедеятельность напрямую не зависит от удовлетворения массовых общественных потребностей, могут быть эффективно защищены действующим правовым регулированием [11;12]. При этом очевидно и то, что публичным (государственным) интерес становится тогда, когда он приобретает высокую значимость именно для граждан, что также вытекает из статьи 2 Конституции РФ [1].

Социальная значимость рассматриваемого института определяется тем, что публичный договор важен для каждого по отдельности и для всего общества в целом [9, с. 17]. Это определяется широчайшим кругом массовых общественных потребностей, которые обеспечиваются заключением публичного договора. Вся совокупность таких публичных интересов можно разделить на три большие группы: жизнеобеспечение населения (газо-, водо-, электроснабжение, продовольствие, медицина, платное образование и т.д), комфорт общественной жизни (услуги связи, транспорта, киновидеообслуживания, телевизионного вещания, распространения периодики, ремонтные работы и техническое обслуживание и т. д.) и рекреационные интересы (общественное питание, отдых, гостиницы, развлечения, услуги автостоянок, реализации туристского продукта и т. д.) [11; 13].

Ежедневно миллионы людей покупают продукты питания и средства гигиены, пользуются водоснабжением и услугами путей сообщения, общественного питания, поэтому интересы каждого индивида перерастают в интересы групп, социальных общностей, а через них и в интересы самого общества [11].

Следует отметить, что о публичности договорных отношений во всех из перечисленных сфер общественной жизни свидетельствует дополнительная регламентация на подзаконном уровне Постановлениями Правительства РФ от 19.01.1998 N 55, от 21.07.1997 N 918, от 15.08.1997N 1025, от 15.08.1997N 1036, от 17.11.2001 N 795, от 02.03.2005 N 111, от 10.09.2007 N 575, от 15.08.2013 N 706, от 09.12.2016 N 1342 и другими, что является подтверждением государственного признания социальной значимости института публичного договора [11].

Целью публичного договора является поддержание публичного порядка в тех договорных отношениях, обеспечение которых требуется для должного уровня социальной стабильности [4]. Соответственно, задачей публичного договора является обеспечение населения тем объемом массовых общественных потребностей, который необходим для спокойствия и размеренности общественной жизни [11]. Для осуществления поставленных целей правом вводится разумное ограничение принципа свободы, договора: организации обязаны заключить договор с любым, кто к ним обратится, а граждане не имеют возможности повлиять на условия договора, которые изложены в публичной оферте [2, ст. 437;12].

При этом граждане как субъекты, испытывающие обусловленную нужду, являются более слабой стороной в таком договоре. Доминирование коммерческого субъекта выражается как в возможности монопольного установления условий договора, так и в самом факте господства над тем благом, без которого массовые общественные потребности не могут быть удовлетворены [12].

Практика показывает, что в силу декларативности многих правовых норм о публичном договоре интересы граждан в рамках действующего правового поля не могут быть надлежащим образом защищены, если им необоснованно отказывают в удовлетворении перечисленных потребностей [11]. Если гражданину без объяснения причин отказывают в заключении публичного договора, к примеру, авиаперевозки, то единственное, что он может сделать — обратиться за защитой своих прав с иском в суд о понуждении к заключению договора [абз. 2 п. 3 ст. 426; п. 4 ст. 445 ГК РФ; 11; 12].

Сроки гражданского судопроизводства легально могут занимать до двух месяцев со дня подачи заявления, поэтому весьма вероятно, что суд понудит организацию заключить договор к тому моменту, когда в этом уже не будет интереса (ценности) для гражданина. И при этом организация не понесет никакой публичной ответственности за нарушение публичного порядка коммерческой деятельности и причинение морального вреда. Потребители, боясь затяжного процесса, ищут защиты у Роспотребнадзора, который не может им ничем помочь ввиду отсутствия рычагов ответственности за такое правонарушение. Подобные случаи в области водоснабжения и энергоснабжения населения, общественного питания и отдыха, перевозки пассажиров, банных услуг, нашли отражение в соответствующих актах правосудия и изданиях СМИ [5; 6; 7; 11; 12; 14].

Способы злоупотребления доминирующим положением в настоящее время самые разнообразные, самыми трендовыми и латентными из которых являются фейс-контроль, элитарное обслуживание и т. д. Таким образом, закон порождает такую возможность, при которой тысячи граждан повседневно сталкиваются со злоупотреблениями коммерческими организациями своим правом, причиняющими первым моральный вред [11; 12].

Общественная опасность таких злоупотреблений обусловливается объективной опасностью для стабильности общественной жизни. На коммерческие организации неспроста возложена именно юридическая обязанность по заключению публичного договора абсолютно с любым на равных условиях (абз. 2 п. 1, п. 2 ст. 426 ГК РФ). Но в отсутствие надлежащей ответственности за нарушение нормы публичного права такого характера возникает угроза самой государственности, поскольку в условиях рыночной экономики государство не должно и не может самостоятельно обеспечить всех граждан указанными потребностями [11; 12]. Особенно такая безнаказанность опасна в тех сферах коммерческой деятельности, в которых есть предрасположенность к естественной монополии. Отказ субъектов естественной монополии гражданам в предоставлении товаров и услуг и убеждение первых в попустительстве со стороны права могут привести к общественным волнениям и конфликтам.

Анализ структуры правовой нормы о публичном договоре и практики её применения позволяет выявить правовой пробел, выражающийся в отсутствии негативной санкции, а соответственно в безнаказанности субъекта правонарушения [11; 12]. Без санкции правовая норма является бессильной (тем более публичного права) и не может быть обеспечена, не исключение и норма статьи 426 ГК РФ [3, 135]. Понуждение к заключению публичного договора нельзя рассматривать как институт ответственности, поскольку коммерческие субъекты при применении данных правил не претерпевают никаких лишений и негативных последствий за нарушение публичного права и публичных интересов [7, ст. 445; 11; 12].

Необходимость в санкции подтверждается и тем, что неправомерный отказ от заключения публичного договора

имеет все признаки публичного правонарушения (общественный вред, противоправность, виновность), кроме наказуемости. Без последнего признака не осуществляются ни общая, ни частная превенции, что крайне неблагоприятно сказывается на добросовестности коммерческих организаций [6, с. 218; 11].

Существующий сегодня способ решения поставленной проблемы неэффективен. Поэтому представляется необходимым внести соответствующие изменения в Гражданский кодекс и КоАП РФ, которые установят ответственность, соответствующую опасности правонарушения и позволят эффективно применять норму статьи 426 ГК РФ, своевременно восстанавливая нарушенные права. При этом субъектом рассмотрения дел о подобных правонарушениях следует установить Роспотребнадзор, который сможет своевременно реагировать на поступающие заявления граждан в рамках своей компетенции [11; 12].

Учитывая характер и степень общественной опасности правонарушения, субъект правонарушения, а также в правовом анализе с иными правонарушениями в области прав потребителей, было бы разумным установить ответственность в виде административного штрафа в размере до 5 тысяч рублей для индивидуальных предпринимателей, до десяти тысяч — для юридических лиц. В целях обеспечения эффективности частной превенции за повторное тождественное правонарушение предлагается установить штрафы в двойном размере, соответственно до десяти и до двадцати тысяч рублей для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц [11; 12].

Abusus non tollit usum — злоупотребление не отменяет употребление, а значит, граждане каждый день будут сталкиваться с нарушениями до тех пор, пока не наступит надлежащей реакции федерального законодателя.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: официальный текст // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31 — Ст. 4398
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 16.12.2015) // Собрание законодательства РФ 05.12.1994. — № 32. — С. 3301.
3. Постановление Правительства РФ Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров от 19.01.1998 № 55 (ред. От 05.01.2015) // Собрание законодательства РФ. — 26.01.1998. — № 4. — с. 482.
4. Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2014 году: Государственный доклад. — М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2015.
5. Брагинский М.И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга пятая. Том 2. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. © Фархиуллина О. Р., 2015
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 1В.12.2015 года по делу № 33–43997 // СПС «КонсультантПлюс»
7. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 8.09.2015 по делу № 33–6010/15 // ГАС «Правосудие». — URL: <http://kraevoy.stv.sudrf.ru/>
8. Идрышева, С. К. Публичный договор в гражданском праве Республики Казахстан: проблемы теории и практики. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук — 2012, № 6
9. Каширин, И. О. Публичный договор как элемент защиты слабой стороны // Юридическая наука. 2012. № 1. с. 50–53
10. Капица, Л. С., Бушков Д. В. Публичный договор и договор присоединения: тождественность и судебная практика. // Бизнес в законе. Экономикоюридический журнал. 2014. № 5. с. 127–130

11. Лесив, Б. В. Публичный договор как институт правового воздействия на коммерческую деятельность, осложненную публичным интересом: проблемы законодательной регламентации. Статья в журнале — научная статья. Номер: 5 (29). 2016 г. С 390—395.
12. Лесив, Б. В., Медведева Н. М. О необходимости введения административной ответственности за неправомерный отказ от заключения публичного договора (нарушение законного порядка осуществления коммерческой деятельности, направленной на массовое применение). Статья в журнале — научная статья. Номер: 12 Год: 2016 С: 138—140.
13. Медведева, Н. М., Лесив Б. В. Проблемы обеспечения публичного порядка в договорных отношениях, направленных на удовлетворение массовых общественных потребностей. Статья в журнале — научная статья. Номер: 2 (79). 2017 г. С: 138—146.

Сущность и правовое регулирование договора присоединения

Букатарь Наталья Владимировна, студент магистратуры;
Адаменко Алла Петровна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Договор о присоединении можно назвать одним из самых противоречивых в российском гражданском праве. Его нормативное закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации происходит в главе 27 среди предварительных соглашений; особенность договора о присоединении заключается в том, что он ограничивает применение принципа свободы договора. В целом, договор о присоединении представляет собой объективно установленную правовую конструкцию, основной договор, который влечет за собой правовые последствия для сторон, и независимый вид договора, к которому применяется общий правовой режим. В статье раскрывается понятие договора присоединения, анализируются основные нововведения действующего законодательства, регулирующего договор присоединения, раскрываются проблемы исполнения договора присоединения.

Ключевые слова: договор присоединения, принцип публичность договора, гражданское законодательство, гражданско-правовой договор, потребительский договор.

Essence and legal regulation of the accession agreement

The accession agreement can be called one of the most controversial agreements in Russian civil law. Its normative enshrining in the Civil Code of the Russian Federation, takes place in chapter 27 among preliminary agreements, the peculiarity of the contract of accession is that it limits the application of the principle of freedom of contract. In general, the contract of accession is an objectively established legal construction, the main contract that gives rise to legal consequences for the parties and an independent type of contract to which the general legal regime applies. The article reveals the concept of a merger agreement, analyzes the main novelties of the current legislation governing the merger agreement, discloses the problems of enforcement of the merger agreement.

Keywords: accession agreement; principle of publicity of the contract; civil law; civil contract; consumer contract.

Актуальность статьи обусловлена тем, что с 1 июня 2015 г. действует новая редакция ст. 428 ГК РФ, регулирующая договор присоединения, и складывается судебная практика по ее применению.

Цель статьи: Изучить сущность и особенности правовой конструкции договора присоединения, его значение в современных условиях, правовое регулирование.

Задачи:

— Рассмотреть новеллы законодательства РФ в сфере договоров присоединения.

— Проанализировать, на какие договоры может распространяться правовой режим договора присоединения.

— Выявить договоры, имеющие публичный характер;

— Исследовать законодательство и судебную практику, с целью выделить группы договоров присоединения.

Возникновение договоров присоединения связано с рационализацией права и основывается на потребностях участников гражданского оборота в массовом заключении однородных соглашений. Необходимость использования стандартных форм обусловлена практической невозмож-

ностью согласования условий сделки с каждым из контрагентов [10].

Правовой режим дает возможность выявить особенности правового регулирования определенной сферы деятельности, особенности правовых инструментов. Под «режимом» в целом понимают конкретные пути и средства достижения функций правового регулирования.

Специфика правовых режимов заключается в том, что к конкретному сектору общественных отношений применяются особые нормативные требования, которые нельзя использовать как общеотраслевые. Сложность и значительная оригинальность многих общественных отношений, подпадающих под сферу правового регулирования, требуют использования нетривиальных правовых инструментов для их упорядочения с целью достижения эффективности правового воздействия. [1] Именно поэтому классические принципы гражданского права (особенно принцип свободы договора) применяются к соглашениям о присоединении с определенными ограничениями. Использование специальных правовых режимов не нарушает целостность отрасли, а, напротив, опосредует ее гибкость в регулировании определенных групп общественных отношений.

Правовой режим договоров о присоединении характеризуется использованием методов и средств компенсационного характера: неспособность аффилированной стороны влиять на условия будущей сделки сочетается с ее полномочиями расторгнуть договор на дополнительных основаниях.

Следует отметить, что существующие правовые инструменты не в полной мере соответствуют задачам, которые возложены на него законодателем. Целевая направленность правового режима договоров о присоединении заключается в обеспечении оптимального баланса интересов договаривающихся сторон. Между тем, вряд ли возможно говорить о юридическом равенстве сторон в договоре присоединения.

Правовой режим договора о присоединении должен быть в большей степени ориентирован на предоставление присоединяющейся стороне дополнительных юридических гарантий. В отношении контрагента, разрабатывающего стандартную форму, должны быть предусмотрены ограничительные меры. Такие ограничения должны быть всеобъемлющими. Во-первых, законодательство должно однозначно определять возможности применения соглашений о присоединении для регулирования конкретных отношений. Во-вторых, общие требования к содержанию стандартной формы должны быть обязательными, что даст присоединяющейся стороне определенные базисные правовые гарантии. [11]

Учитывая особенности правового режима, следует отметить, что его функционирование обеспечивается применением мер государственного влияния. Что касается правового режима договоров о присоединении, то обеспечительные меры должны носить имущественный характер.

Говоря о классическом общеотраслевом методе воздействия на гражданско-правовые отношения, нельзя не учитывать административно-правовые средства, положительное использование которых будет дисциплинировать участников гражданского оборота. Конечно, административное воздействие на договорную сферу должно быть соразмерным и соответствовать целям, которые на нее возложены. Применение таких мер не чуждо российскому гражданскому праву, и их успешное функционирование уже подтверждено устоявшейся практикой (прежде всего речь идет о государственной регистрации прав).

В юридической литературе было уделено внимание правовому режиму сделок, при этом было отмечено, что этот правовой режим создан для выполнения функций сделок и представляет собой набор нормативных требований к ним [5].

Ученые отмечают, что правовой режим позволяет направить метод на конкретную область правового регулирования и дает возможность указать методы и методы правового регулирования применительно не к отрасли в целом, а к ее отдельным институтам как элементы индустрии.

Учитывая целевую направленность правового режима договоров о присоединении, этот режим должен характеризоваться сочетанием всех методов правового регулирования. Более того, каждый из этих методов (запрет, авторизация, позитивное обязательство) может выступать в качестве эффективного инструмента обеспечения баланса интересов сторон в договорах о присоединении.

Правовой режим договоров присоединения должен характеризоваться следующими признаками:

— во-первых, само понятие правового режима договоров присоединения представляет собой целостную систему инструментов правового регулирования, применяемых к общественным отношениям по поводу использования стандартных форм;

— во-вторых, данный правовой режим применяется в сфере гражданского оборота к его участникам, характеризующимся юридическим равенством, автономией воли и имущественной самостоятельностью;

— в-третьих, характер правового режима договоров присоединения определяется спецификой возникающих общественных отношений;

— в-четвертых, основой данного правового режима являются юридические отраслевые и межотраслевые нормы, применяемые с учетом особенностей возникающих отношений;

— в-пятых, правовой режим договоров присоединения имеет целью предотвращение недобросовестного поведения контрагентов.

Несмотря на широкое использование договоров присоединения в современных условиях, российское законодательство не уделяет большого внимания вопросам правового регулирования этих соглашений. Гражданский кодекс содержит только общие положения, оставляя широкие возможности для усмотрения сторон. Нередки ситуации,

когда договоры о присоединении являются способом навязывания неблагоприятных для присоединяющейся стороны условий и предотвращения преддоговорных споров. Стандартные формы включают условия, которые создают дисбаланс в правах и обязанностях сторон, условия, направленные на одностороннюю выгоду контрагента, предлагающего форму. Присоединяющаяся сторона оказывается лишенной правовой защиты. Экономически сильные контрагенты используют соглашения о присоединении в качестве удобного инструмента для навязывания своей собственной воли: доминирующая сторона устанавливает договорные преимущества по отношению к себе, которых она не может получить, используя свободное обсуждение условий договора. Эти обстоятельства не способствуют добросовестности контрагентов, негативно влияют на характер регулирования договорных отношений, постепенно превращая гражданское право в отрасль формальных соглашений. Наиболее важные принципы гражданского права — равенство субъектов и свобода договора — приносятся [10].

В научной литературе неоднократно высказывалось мнение относительно необходимости совершенствования правового режима договора присоединения, однако ст. 428 ГК РФ оставалась неизменной более 20 лет.

Наконец, Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» внес определенные коррективы в законодательное регулирование данных договоров, направленные на последовательное проведение в правовую жизнь принципа добросовестности и достижение баланса интересов участников гражданско-правовых отношений, которые заслуживают внимания и надлежащей оценки [10].

В первую очередь изменения коснулись п. 2 ст. 428 ГК РФ. Статья дополнена новым абзацем, нормами которого устанавливается, что если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства, в случае изменения или расторжения договора судом по требованию присоединившейся к договору стороны договор считается действовавшим в измененной редакции либо соответственно не действовавшим с момента его заключения [10].

Особый интерес представляет новая редакция п. 3 ст. 428 ГК. Справедливости ради отметим, что новой редакцией именован ее возможно только с высокой долей условности, поскольку фактически прежняя норма п. 3 ст. 428 ГК утратила силу, а ст. 428 ГК дополнена пунктом абсолютно нового содержания.

Ранее действующая формулировка п. 3 ст. 428 ГК фактически не оставляла возможностей для расторжения договора присоединения субъектами предпринимательской деятельности по основаниям п. 2 ст. 428 ГК. Хотя законодатель и предусматривал возможность применения специальных оснований изменения или расторжения договора в отношении присоединившегося контрагента-предпринимателя, на практике такая возможность ис-

ключалась в силу того, что предприниматель всегда знал или должен был знать, на каких условиях заключает договор [10].

Обновленный п. 3 ст. 428 ГК по сути устанавливает дополнительное основание для изменения или расторжения гражданско-правового договора при неравенстве переговорных возможностей сторон, при котором одна из сторон поставлена в положение, существенно затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора, определенных контрагентом [10].

В данной норме предпринята попытка преодолеть договорный произвол сильной стороны договора. Принятая поправка является воплощением устоявшейся судебной практики.

В п. 9 постановления пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» было разъяснено, что в тех случаях, когда будет установлено, что при заключении договора, проект которого был предложен одной из сторон и содержал в себе условия, являющиеся явно обременительными для ее контрагента и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия), а контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора (то есть оказался слабой стороной договора), суд вправе применить к такому договору положения п. 2 ст. 428 ГК РФ о договорах присоединения, изменив или расторгнув соответствующий договор по требованию такого контрагента. Подобная позиция суда вполне понятна, однако говорить об ее соответствии действующему на тот момент законодательству возможно только при условии признания подобных договоров договорами присоединения, разъяснение же о необходимости распространения положений ст. 428 ГК на в общем-то, свободно обсуждаемые договоры можно квалифицировать как попытку нормотворчества, а не правоприменение [10].

Согласимся, что новеллы п. 3 ст. 428 ГК пока еще лишены должной теоретической подготовки. Формулировка данного пункта содержит в себе ряд положений, затрудняющих его применение. В частности, остается открытым вопрос относительно доказывания явности неравенства переговорных возможностей сторон.

Обозначенные недостатки правового регулирования договоров присоединения указывают на необходимость дальнейшего развития и совершенствования действующего законодательства о договорах присоединения [10].

Для применения статьи 428 ГК РФ на практике важно понять, какие гражданско-правовые договоры могут являться договорами присоединения. В законе не закреплен перечень таких договоров, следовательно, договором присоединения может быть признано любое соглашение, отвечающее признакам, перечисленным в статье 428 ГК РФ. Это подтверждается и определением Конституционного Суда РФ от 17 июня 2010 г. N 888-0-0, в котором указано, что пункт 1 статьи 428 ГК РФ сам по себе лишь уста-

навликает способ упрощения порядка достижения соглашения в отношении условий договора и не указывает на то, какие виды договоров могут быть заключены подобным способом [11].

Договоры присоединения можно разделить на следующие группы:

1) Договоры, в отношении которых законодателем прямо указано на то, что они являются договорами присоединения. Так, в отношении договора розничной купли-продажи в статье 493 ГК РФ законодатель, ссылаясь на статью 428 ГК РФ, указывает, что данный договор может быть заключен путем присоединения покупателя к условиям формуляров или иных стандартных форм. [11]

2) Договоры, имеющие публичный характер. В соответствии со ст. 426 ГК РФ дано определение публичного договора. В законе очерчена примерная сфера применения таких договоров: розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т. п. Данная группа договоров присоединения наиболее обширна, так как они сильнее всего распространены в потребительской сфере, что связано с необходимостью быстрого массового заключения однотипных сделок. При этом договор розничной купли-продажи, который в соответствии со статьей 493 ГК РФ является договором присоединения, одновременно относится к договорам присоединения, имеющим публичный характер. Все его условия, за исключением наименования и количества товара, в большинстве случаев определяются продавцом в одностороннем порядке в формулярах или иных стандартных формах. [11] Конституционный Суд РФ в постановлении от 23.02.1999 N 4-П указал, что к договорам присоединения, имеющим публичный характер, относится и договор срочного банковского вклада с гражданами (п. 2 ст. 834 ГК РФ), условия которого в соответствии с п. 1 ст. 428 ГК РФ определяются банком в стандартных формах. [11]. Данное постановление Конституционного Суда РФ оказывает значительное влияние на судебную практику. Проведенный анализ решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов показал, что подавляющее большинство случаев применения статьи 428 ГК РФ относится к сделкам с финансово-кредитными учреждениями.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) // Справочная правовая система «Консультант+».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 01.01.2016) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 86. — Ст. 1097.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 01.01.2016) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 84. — Ст. 1034.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27–29 / В. В. Витрянский [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2016. — 223 с.
5. Мандрюков, А. В. Основные изменения положений ГК РФ о договорах // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. — 2015. — № 6. — с. 60–69.

3) Иные договоры, не относящиеся к первым двум выделенным группам, но соответствующие признакам договора присоединения. В частности, интересен вопрос о том, распространяется ли статья 428 ГК РФ на договор найма. Так, Московский городской суд в решении от 22 июля 2013 г. указал, что действующим законодательством публичными по своей юридической природе, относящимися к договорам присоединения (ст. 428 ГК РФ) являются только договор социального найма и найма специализированных жилых помещений. Суд аргументировал свою позицию тем, что в связи с существованием типовых договоров фактически отсутствует согласование условий указанных договоров между сторонами (ч. 2 ст. 63, ч. 8 ст. 100 ЖК РФ). В отношении договора коммерческого найма же, напротив, типовой договор может применяться по желанию сторон, следовательно, возможно индивидуальное согласование условий. [11] Полагаем, что изложенная судом позиция не совсем верна. Во-первых, статья 428 ГК РФ действует и в отношении договоров, не являющихся публичными (поскольку иное не следует ни из указания закона, ни из правовой природы договора присоединения). Во-вторых, при коммерческом найме наймодатель, являясь сильной стороной, может отказаться согласовывать условия договора с нанимателем, который будет вынужден присоединиться к типовому договору или отказаться от его заключения. В таком случае будут основания признать такое соглашение договором присоединения. Рассуждая, таким образом, в определенных случаях к договорам присоединения можно также отнести договор поставки (ст. 506 ГК РФ), перевозки груза (ст. 785 ГК РФ) и т. д. [11].

Таким образом, договоры присоединения можно разделить на следующие группы: 1) договоры, в отношении которых законодателем прямо указано на то, что они являются договорами присоединения (ст. 493 ГК РФ, ст. 1286, ст. 1286.1 ГК РФ); 2) договоры, имеющие публичный характер; 3) иные договоры, соответствующие признакам статьи 428 ГК РФ [11].

На основании анализа изученной судебной практики можно сделать вывод, что суды склонны применять статью 428 ГК РФ только в отношении первых двух групп договоров. Можно полагать, что это связано со сложностью доказывания наличия признаков договора присоединения в конкретном соглашении.

6. Новак, Д. Реформа договорного права: некоторые итоги / Д. Новак [и др.] // Закон. — 2015. — № 6. — С. 22–33.
7. Сафарьянова, И. Р. Правовая сущность договора присоединения // Гражданское законодательство Российской Федерации: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник научно-практических статей Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», 2016. с. 96–98.
8. Решение Московского районного суда от 22.05.2014 по делу N 2–2345/2014 // [Электронный ресурс] — режим доступа. — СПС «Консультант-плюс» (дата обращения 26.05.2018).
9. Пашенцев, Д. А., Чернявский А. Г. Социальные основания гражданско-правовой ответственности. М., 2015. с. 15.
10. Мечетин, Д. В. ДОГОВОР ПРИСОЕДИНЕНИЯ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. Статья в журнале — научная статья, 2016. С 47. Мечетин Д. В. Договоры присоединения в гражданском праве. 2010
11. Ахвердова, Т. А. К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДАХ ДОГОВОРОВ ПРИСОЕДИНЕНИЯ. Статья в журнале — научная статья, 2018. С 14.

Иммунитет в праве и правовая неприкосновенность: аспекты соотношения

Волков Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Вопрос о соотношении понятий «иммунитет» и «правовая неприкосновенность» представляется достаточно сложным и дискуссионным.

Если рассматривать их в качестве общеправовых категорий, то более объемным, широким понятием выступает неприкосновенность.

«Неприкосновенность — это состояние защищенности от каких бы то ни было посягательств со стороны. Его содержание зависит прежде всего от объекта, применительно к которому оно используется... Однако независимо от объекта, к которому она применяется, неприкосновенность — установленный Конституцией РФ, другими законодательными актами, а также нормами международного права и международными договорами Российской Федерации запрет совершать какие-либо действия вопреки воле государства или отдельных лиц. Отступления от этого запрета возможны только в случаях, установленных законом, или на основании судебного решения» [1, с. 9].

Право на неприкосновенность включает в себя предусмотренные Конституцией право на жизнь, достоинство личности, на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища.

«Применительно к населению — совершенно справедливо писал О. Е. Кутафин, — неприкосновенность выступает прежде всего в качестве гарантии свободы личности, ее автономии, самоопределения, защиты человека от любого вмешательства в сферу личной свободы. ...Абсолютно естественным является то, что перечисленные выше права характеризуют общий (конституционный)

статус субъектов. «Проведение юридической дифференциации на стадии общего (конституционного) статуса явилось бы причиной его дестабилизации, неопределенности. Базовый характер подобного статуса делает недопустимым установление каких-либо изъятий, дополнений» [1, с. 10–11]

Лица, занимающие особое положение в государстве и обладающие в данной связи специальным статусом, обладают гораздо более высокой степенью неприкосновенности [2, с. 105–126].

Правовая неприкосновенность таких субъектов выступает в виде гарантий, создающих качественно иной, по сравнению с общим, уровень неприкосновенности. Так, специальная неприкосновенность судей дополняет их общегражданскую неприкосновенность (ст. 22, 23, 25 Конституции РФ). Например, ограничение свободы гражданина путем заключения его под стражу допускается на основании судебного решения. В отношении же судьи, наделенного неприкосновенностью, такое решение подлежит исполнению ещё и с согласия соответствующей квалификационной коллегии судей.

В этой связи можно согласиться с мнением, что неприкосновенность выступает либо как право, либо как право-привилегия. Правом неприкосновенность выступает всегда, когда она распространяется на все население страны, правом-привилегией — когда она касается лишь отдельных групп населения (депутатов, разного рода должностных лиц, дипломатов и т. п.).

Поэтому не совсем уместными выглядят неоднократно предпринимаемые попытки сблизить неприкосновенность, относящуюся к населению, с неприкосновенностью представителей власти.

По-видимому, причина подобного сближения или отождествления понятий коренится в термине «неприкосновенность». Но более внимательное рассмотрение этого вопроса приводит к другим выводам.

В историческом плане депутатский иммунитет возник значительно раньше неприкосновенности личности.

Но главное различие кроется в социальном назначении данных институтов. Ведь термин «неприкосновенность» относится здесь к разным субъектам общественных отношений. В одном случае речь идет о неприкосновенности индивидуума, в другом — члена народного представительства. Правом неприкосновенности личности обеспечивается личная безопасность отдельных лиц. Право депутатской неприкосновенности предназначено для иных целей. Его назначение, состоит в том, «чтобы гарантировать бесперебойную работу и полную независимость парламента. Иммунитет установлен в интересах парламента, а не в личных интересах его членов.

Тем самым, «понятие депутатской неприкосновенности шире понятия неприкосновенности «обычной» личности. Причем не только потому, что эта неприкосновенность предполагает более существенные гарантии, но и потому, что депутатская неприкосновенность включает не только собственно неприкосновенность, но также и безответственность, т. е. освобождение депутата от ответственности за целый ряд действий, объем и характер которых устанавливается законодательством. Такое понимание неприкосновенности можно отнести также к различным должностным лицам, пользующимся неприкосновенностью» [1, с. 17].

Вместе с тем, в отечественной правовой литературе не сложилось единой точки зрения на соотношение понятий «иммунитет» и «правовая неприкосновенность» при восприятии их в качестве особых исключений, устанавливающих дополнительные права и освобождающие от обязанностей при реализации правосудия и привлечении к ответственности.

По нашему мнению, депутатская неприкосновенность «в собственном смысле слова охватывает лишь часть иммунитетов».

Правовая неприкосновенность выступает в виде дополнительных гарантий и преимуществ в случаях привлечения к юридической ответственности и выполнения связанных с ней процессуальных обязанностей. По большей части эти гарантии относятся к сфере уголовного и административного судопроизводства. Правовая неприкосновенность отдельных категорий должностных лиц закрепляется в нормативных актах и освобождает этих лиц от применения к ним прежде всего норм административной и уголовной ответственности». Подобное положение обусловлено возможностью применения достаточно жестких санкций при наступлении уголовной или административной ответственности, а также влекущие ограничения прав и свобод личности процессуальных обязанностей.

Уголовный процесс образует область широкого и интенсивного применения мер государственного принуж-

дения. В уголовно-процессуальной науке сложилось справедливое мнение, что к таким мерам относятся целиком и полностью отдельные следственные действия — выемки, обыски, освидетельствования, получение образцов для сравнительного исследования, помещение в медицинское учреждение и т. п. — поскольку они носят объективно принудительный характер. Тем самым эти меры влекут реальное ограничение личных прав и свобод граждан и более всего права на свободу и личную неприкосновенность. Тоже можно сказать и о мерах принуждения административного права — доставлении, задержании, досмотре, приводе (ст.ст. 27.2, 27.3, 27.7, 27.15 КоАП РФ), а также административном аресте и выдворении (ст.ст. 3.9, 3.10 КоАП).

Учитывая, что «государственно-принудительная форма реализации юридической ответственности немыслима без процессуальной формы осуществления» [3, с. 51], можно сделать вывод, что правовая неприкосновенность — чисто процессуальный институт. Иного, как думается и не может быть, т. к. особый порядок судопроизводства, наряду с общим, всегда выражается в процессуальных нормах.

Правовая неприкосновенность не представляет собой монолитного образования. В силу специфики регулируемых отношений она делится на институт уголовного процесса и институт административного права. Каждый из них следует рассматривать как сложный правовой институт, содержащий в своей структуре несколько субинститутов [4, с. 40]. Например, таковыми служат, субинституты задержания, ареста, возбуждения уголовного дела, иные особенности порядка производства конкретных процессуальных действий в отношении лиц, обладающих соответствующими исключительными правами.

Таким образом, правовая неприкосновенность есть многоступенчатое объединение процессуальных субинститутов, нормы которых регулируют особый (усложненный) порядок уголовного (или административного) судопроизводства, выражающийся в установлении специальных гарантий и юридических преимуществ для отдельных категорий российских и иностранных граждан.

Возвращаясь к проблеме соотношения иммунитета и правовой неприкосновенности, прежде всего надо отметить, что иммунитет, как уже сказано выше, комплексная правовая категория, в которой процессуальные нормы производны, вторичны. Конечно, без процедурно-процессуальных форм, нормы материального права перестают быть регулятором общественных отношений и ограничивают диапазон своего воздействия лишь уровнем правовой информации о должном в правовом регулировании. Правовая неприкосновенность, как процессуальная составляющая иммунитета, как раз и обеспечивает прямой выход на непосредственное, рабочее регулирование. В этом и заключается диалектическое единство иммунитета и неприкосновенности, не означающей, однако, их полного тождества.

Литература:

1. Кутафин, О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве России. М.: Юрист, 2002. 407 с.
2. Малько, А. В., Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза: ИИЦ ПГУ, 2005. 180 с.
3. Мироненко, М. Б. Принципы юридической ответственности. Тольятти: Волж. ун-т им. В. Н. Татищева, 2001. 202 с.
4. Киримова, Е. А. Правовой институт: понятие и виды / под ред. Сенякина И. Н.; Саратов: СГАП, 2000. 54 с.

Совершенствование механизма привлечения к гражданско-правовой ответственности корпораций

Диденко Алексей Алексеевич, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В последнее время ввиду активного развития экономического оборота одним из актуальных направлений развития государственной политики становится совершенствование механизма привлечения к гражданско-правовой ответственности корпораций. Особенно остро стоит вопрос об определении условий, критериев, субъектов и пределов применения подобных мер воздействия.

По общему правилу, главным условием наступления гражданско-правовой ответственности выступает наличие состава гражданского правонарушения, включающего следующие элементы: причинение вреда (убытков), противоправный характер действий или бездействий субъекта, установление причинно-следственной связи между этим поведением и негативным результатом в виде убытков, субъективный элемент — вина в форме неосторожности или умысла. Эти условия привлечения лиц к гражданско-правовому виду ответственности определены в гл. 25 и 29 Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах, возникающих в результате причинения вреда, и применяются в той части, в которой не противоречат специально установленным правилам.

Вместе с тем, закрепленные общие правила, применительно к участникам корпоративных правоотношений, и, в частности, к корпорациям, как к более организованно сложному субъекту экономического оборота по сравнению с гражданами (например, клиентом той или иной корпорации), представляются достаточно условными. Так, например, у крупных предприятий зачастую наблюдаются случаи привлечения этих лиц к «безвиновной» ответственности субъектов предпринимательской деятельности. Так, например, обстоятельства, при которых установлены недостатки товаров, недобросовестность действий контрагентов и в иных случаях, связанных с наличием предпринимательского риска корпорации, не подлежат к освобождению от гражданско-правовой ответственности.

Поэтому наличия такого субъективного основания в составе гражданского правонарушения в отношении

корпораций недостаточно, необходимо рассматривать такую категорию экономического оборота как риск, то есть осознанное лицом представление о возможных негативных имущественных последствиях поведения организации при осуществлении правомерных действий или бездействий [6]. Полагаем, что действующие положения законодательства по этому вопросу свидетельствуют о том, что правовые нормы призваны, в первую очередь, охранять интересы незащищенных участников гражданских правоотношений, с целью недопущения злоупотреблений со стороны крупных корпоративных организаций, которые имеют более массивный опыт в предпринимательской деятельности и систематичность участия в экономическом обороте, что не относится ко многим физическим лицам без статуса индивидуального предпринимателя, единично вступающим в корпоративные правоотношения для удовлетворения своих личных нужд или получения прибыли.

Недостатком действующего гражданского законодательства в отношении правового регулирования института ответственности субъектов корпоративных правоотношений, выступает отсутствие разграничения понятий обычных условий гражданского оборота или обычного предпринимательского риска, что может привести к необоснованному привлечению юридических лиц к ответственности. Кроме того, нельзя не отметить, что предпринимательский риск выходит за пределы гражданско-правового правонарушения и не является основанием для привлечения корпорации к ответственности. Однако нельзя не заметить, что последние тенденции законодательства отражают стремление государства к повышению уровня качества работы и «менеджмента» крупных юридических лиц, что проявляется в переходе от номинально закрепленных норм к реально функционирующим и применяющимся в сфере гражданско-правового регулирования.

Несмотря на то, что законодатель не определил легальной дефиниции «вины» корпорации или иных участников гражданских правоотношений, в ст.401 Граждан-

ского кодекса Российской Федерации [1] назван перечень оснований невинности. На мой взгляд, этот элемент гражданского правонарушения в рамках ответственности отдельных организаций следует определять детально и точно. Представляется, что в соответствии с действующими нормами гражданского законодательства вина корпорации может проявляться в непринятии или несвоевременном принятии мер для предотвращения нарушения прав иных участников хозяйственного оборота и неисполнении или ненадлежащем исполнении взятых на себя обязательств со стороны юридического лица, учредителей (участников) корпорации или членов органов управления — причинителей вреда. При этом, как верно подчеркивает С. И. Алексеев, меры, которые должны предпринять названные субъекты, прямо или косвенно вытекают из договорных и внедоговорных обязательств [3].

Следует отметить, что действующие правовые нормы также не раскрывают такие категории, принципиально важные для определения состава гражданско-правового правонарушения, как «добросовестность» и «разумность». Основные рекомендации, которые приняты по вопросу их разграничения и установления недобросовестного или неразумного поведения в правоприменительной практике содержатся в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 [2]. Данные рекомендации также называют критерии недобросовестности или неразумности

членов коллегиальных органов юридического лица или коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции) хозяйственного общества, к которым могут относиться крупные организации в лице корпораций [4].

Нельзя не согласиться мнением О. В. Гутникова о том, что «в свете проводимой в стране реформы гражданского законодательства особо актуальным становится вопрос о природе, границах и пределах этой ответственности с точки зрения перспектив развития соответствующих правовых норм» [5]. Полагаем, что необходимо разработать специальные нормы, предусматривающие ответственность в сфере корпоративных отношений, где будут раскрыты вопросы привлечения корпораций к гражданско-правовой ответственности в частности.

Таким образом, представляется, что для решения противоречивых и проблемных аспектов правоприменительной практики о привлечении корпораций к ответственности, с целью обеспечения эффективности применения уже принятых нормативных положений гражданско-правового характера, целесообразно конкретизировать в гражданском законодательстве и специальных федеральных законах условия, основания, критерии освобождения лиц от ответственности, с учетом объективно установленных характеристик обычного предпринимательского риска и справедливого его распределения между хозяйствующими субъектами.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Российская газета, № 238–239. 08.12.1994.
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность, № 31. 28.08–04.09.2013.
3. Алексеев, С. И. Проблема установления вины корпорации как одно из условий гражданско-правовой ответственности // Молодой ученый. — 2018. — № 6. — с. 116–119.
4. Гутников, О. В. Ответственность перед кредиторами в корпоративных отношениях: тенденции и перспективы развития правовых норм // Журнал российского права. 2014. № 7. — с. 51–59.
5. Гутников, О. В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. — 2014. — № 6. — с. 51–117.
6. Трофимов, Д. И. Правовая природа и характерные особенности юридической ответственности в корпоративных отношениях // Молодой ученый. — 2018. — № 23. — с. 141–143.

Проблемы определения природы гражданско-правовой ответственности корпораций

Диденко Алексей Алексеевич, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В последнее время активно развивающимся направлением правового регулирования отечественного законодательства выступает совершенствование норм корпоративного права. В судах Российской Федерации

увеличивается количество рассматриваемых дел в отношении участников корпоративных правоотношений, что связано со стремительным развитием экономического оборота отдельных хозяйствующих субъектов.

Гражданско-правовой вид ответственности крупных предприятий приобретает высокое значение, поскольку она непосредственным образом ориентирована на обеспечение законных прав и интересов хозяйственных обществ, товариществ и их контрагентов. В юридической литературе не найден консенсус в отношении определения самостоятельности этого института. Кроме того, низкое качество правовой регламентации, которая в том числе связана с неточностями юридической техники законодателя, создает своеобразная «питательная среда» среду и способствует увеличению количества нарушений закона со стороны участников корпоративных правоотношений.

Специфические особенности гражданско-правовой ответственности крупных предприятий проявляются, прежде всего, в определении и содержании самих корпоративных правоотношений, а также их субъектным составом, правами и обязанностями участников экономического оборота. Согласно положениям п. 1 ст. 2 ГК РФ [1] предмет гражданского законодательства также составляют корпоративный вид отношений, которые связаны с участием в корпоративных организациях или с их управлением. Из этого следует, что на законодательном уровне корпоративные правоотношения были включены в сферы гражданско-правового регулирования.

В цивилистической доктрине принято разграничивать меры гражданско-правовой (частной) и меры публично-правовой ответственности в законодательстве. Целью последней является не восстановление нарушенных субъективных прав граждан, а защита публичных интересов, а также закрепление отдельных мер защиты субъективных гражданских прав. В этой связи особый интерес представляет ответственность корпораций, поскольку имеет черты как публичного, так и частного права.

Так, И. С. Шиткина справедливо отмечает, что в отношении корпоративных правоотношений между мерами защиты и между мерами ответственности существует достаточно тонкая грань [2], поскольку даже в ситуации упоминания законодательными актами отдельных мер воздействия в качестве ответственности корпораций скорее речь идет о способах защиты субъективных прав лиц. С этим мнением нельзя не согласиться. Так, например, до момента создания хозяйственного общества ответственность учреждений по взятым корпорацией обязательствам, а также ответственность корпорации по обязательствам учредителей, ответственность участников, которые не оплатили или не полностью оплатили акции (доли) целесообразней относить к мерам защиты, а не мерам ответственности. Это объясняется также тем, что в поведении учредителей или участников этих обществ может не быть вины как одного из субъективных элементов и условий наступления ответственности, более того, может отсутствовать причинная связь между неоплатой уставного капитала и убытками, возникшими в результате.

Особенно важным вопросом в этой связи встает вопрос об отнесении ответственности корпораций и иных участников корпоративных правоотношений к самостоятель-

ному виду ответственности. На этот счет мнения ученых существенным образом разделились. Сторонники первого подхода, среди которых О. В. Гутников, А. В. Габов и С. А. Сеницын, обосновывают позицию, в соответствии с которой ответственность за нарушение корпоративных обязанностей является самостоятельным типом гражданско-правовой ответственности, а также подчеркивают, что ответственность корпораций необходимо отграничивать от договорной или деликтной ответственности [3].

А. Е. Молотников рассматривает этот вид ответственности, не только как самостоятельный, но также обнаруживает в ней признаки полиотраслевого характера, поскольку санкции в отношении участников корпоративных правоотношений содержатся не только в гражданском, но и иных отраслях права [4]. В этой связи целесообразно конкретизировать, что данный вид ответственности регулируется нормами не только частного права (гражданское право, отдельные специальные законы о деятельности юридических лиц), но и нормами публичного права, поскольку отдельные положения, затрагивающие механизм привлечения к ответственности крупных предприятий регламентирован антимонопольным правом, законом о несостоятельности (банкротстве), административным правом и т. д.

Другие теоретические воззрения таких ученых как И. С. Шиткиной, Д. В. Ломакина сводятся к тому, что в рассматриваемом нами институте отсутствует и полиотраслевой, и самостоятельный характер [5]. Полагаем, что все перечисленные подходы имеют свое право на существование. Однако в настоящий момент необходимо выбрать те позиции, которые с точки зрения, правового регулирования будут наиболее целесообразным образом регулировать ответственность корпораций.

Данным подходом выступает последний, поскольку, на мой взгляд, очевидно, что ответственности в сфере корпоративных правоотношений не обладает признаками отдельного типа ответственности.

Несмотря на то, что имеет место полиотраслевой характер правового регулирования ответственности, однако это вовсе не свидетельствует о полиотраслевой природе института ответственности корпораций. Наоборот, это обосновывает отсутствие самостоятельной сущности и собственных мер ответственности. Поэтому при нарушении закона, к участникам корпоративных отношений применяются меры соответствующей отрасли права.

В рамках действующего правового регулирования, полагаем, что корпоративную ответственность следует признать разновидностью такого вида гражданско-правовой ответственности как имущественная ответственность.

Это можно обосновать в первую очередь, тем, что ответственность корпораций как вид имущественной ответственности, устанавливается не только нормативными актами законодательного уровня, но и иными нетрадиционными и нехарактерными другим отраслям источниками, которыми выступают договор и внутренние документы предприятия.

Кроме того, ответственности участников корпоративных правоотношений присуща восстановительная, превентивная, стимулирующая и компенсаторная направленность, в то время как карательная функция не в полной мере реализуется в рамках этого вида имущественной ответственности, ее главное предназначение состоит в предупреждении противозаконного и ненадлежащего поведения субъектов, а также в стимулировании участников действовать с позиции добросовестности и разумности интересов корпорации. При наличии убытков проявляется направленность этого вида ответственности на компенсацию убытков по нарушенному праву субъектами хозяйствующими субъектами.

Третьей особенностью рассматриваемого вида ответственности является то, что соотношение между гражданско-правовой ответственностью и ответственностью корпораций должно представляться как общее и частное, поскольку основания, условия и механизм привлечения соответствующих субъектов имеет много смежных черт. Однако нельзя не отметить, что основания и условия ответственности корпоративного вида во многом определяются характеристиками субъектного состава и права статуса участников этих правоотношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Российская газета, № 238–239. 08.12.1994.
2. Шиткина, И. С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2015. № 2. с. 2–26.
3. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 1 Общие положения о юридических лицах / отв. ред. А. В. Габов, О. В. Гутников, С. А. Сеницын. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. 384 с.
4. Ответственность в акционерных обществах / Молотников А. Е. М.: Волтерс Клувер, 2006. 240 с.
5. Корпоративное право: учебный курс. В 2т. / отв. ред. И. С. Шиткина. Т.2. М.: Статут, 2018. 990 с.
6. Трофимов, Д. И. Правовая природа и характерные особенности юридической ответственности в корпоративных отношениях // Молодой ученый. — 2018. — № 23. — с. 141–143.
7. Радчина, Ю. М. Особенности привлечения корпорации к юридической ответственности // Молодой ученый. — 2019. — № 2. — с. 143–145.

Из предыдущей особенности вытекает четвертая характеристика ответственности в сфере корпоративных отношений, которую верно подчеркнул Д. И. Трофимов, отсутствие унифицированной, единой ответственности в корпоративных правоотношениях [6]. Возможность привлекать корпорацию к ответственности самых различных видов обуславливает особенную черту корпоративной ответственности — за одно и то же правонарушение к виновному лицу возможно применить санкции, указанные сразу несколькими правовыми отраслями [7]. Это связано с тем, что ответственность, установленная публичным правом, разрешает применять за одно и то же правонарушение карательно-штрафные наказания и меры гражданско-правовой ответственности.

Итак, правовая природа корпораций имеет сложный характер. Этот вид ответственности, предполагает сочетание в качестве источников не только нормы права различных отраслей, но и внутренние акты корпорации. Полагаем, что, несмотря на специфические черты, присущие этому виду ответственности, публичный характер отдельных норм, следует признать, что ответственность участников корпоративных правоотношений относится к гражданско-правовому виду имущественной ответственности как частное и общее.

Отдельные вопросы, возникающие при применении особого порядка судебного разбирательства мировым судьей

Донцова Екатерина Андреевна, студент
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье приводится анализ норм, направленных на рассмотрение уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства, с обозначением коллизий и пробелов в законодательстве, направленном на применение главы 40 УПК РФ, а также предложения по совершенствованию указанных в статье пробелов.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства, обвиняемый, суд, потерпевший, приговор.

Особый порядок судебного разбирательства появился в Российской Федерации с принятием нового уголовно-процессуального законодательства (УПК РФ от 18 декабря 2001 года N 174-ФЗ), и особый порядок судебного разбирательства получил свое закрепление в отдельной главе.

Сама сущность поступления и рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства состоит в том, что дело в таком порядке может быть рассмотрено только лишь по ходатайству обвиняемого о согласии с предъявленным ему обвинением и постановление приговора без судебного разбирательства, согласием участников процесса со стороны обвинения — государственного обвинителя и потерпевшего [5].

Постановлению приговора в особом порядке судебного разбирательства — это упрощенная процессуальная процедура рассмотрения уголовного дела, которая всегда без исключения включает в себя стадию назначения судебного разбирательства.

При возникновении и решении вопроса о рассмотрении уголовного дела в порядке особого производства должны быть соблюдены и учтены все условия, предусмотренные ст. 314 УПК РФ [4]. Так, исходя из положений указанной нормы, наказание за преступление, по которому предъявлено обвинение, должно составлять не более десяти лет лишения свободы, а в случае рассмотрения уголовных дел в особом порядке на уровне мировой юстиции, все уголовные дела, рассматриваемые мировыми судьями, наказание лишение свободы не превышает 3 (трех) лет.

В данном случае, речь идет также как об умышленных преступлениях, так и о неосторожных. Кроме вышеизложенного, не имеет значение форма предварительного расследования (в форме дознания или следствия), а также подсудность дела. Основопологающим условием для реализации особого порядка имеет категория преступления, в совершении которого обвиняется лицо, то есть особый порядок судебного разбирательства допускается лишь при совершении преступления небольшой, средней тяжести и тяжких преступлений.

Кроме вышеизложенного, обвиняемый должен быть полностью согласен с предъявленным обвинением (не допускается признание вины в частичном виде). В соответствии с п. 5 Постановления пленума Верховного Суда Рос-

сийской Федерации № 60 от 05.12.2006 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» под обвинением, с которым обвиняемый соглашается, при заявлении ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, понимаются фактические обстоятельства содеянного обвиняемым, форма вины, юридическая оценка содеянного, мотивы совершения деяния, а также характер и размер вреда, нанесенного деянием обвиняемого.

Что касается личности обвиняемого, то хотелось бы отметить, что при производстве уголовного дела в особом порядке обвиняемый не может быть несовершеннолетним или лицом, которое совершило преступление в несовершеннолетнем возрасте, а также лицом, в отношении которого должен быть решен вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, то есть совершено уголовно-наказуемое деяние.

Другим обязательным элементом рассмотрения уголовного дела в порядке особого судопроизводства является наличие заявленного обвиняемым ходатайства о согласии с обвинением и постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. При этом обвиняемый должен осознавать характер и последствия заявленного ходатайства. Данное ходатайство должно быть подано обвиняемым в добровольном порядке на предварительном следствии, либо после поступления уголовного дела в суд. Если в уголовном деле два и более обвиняемых и ходатайство о постановлении приговора без судебного разбирательства заявлено только лишь одним обвиняемым, а другие обвиняемые такого ходатайства не заявили, то уголовное дело подлежит рассмотрению лишь в общем порядке судебного разбирательства.

Согласно ст. 314 УПК РФ недостаточно для постановления приговора без судебного разбирательства в особом порядке только лишь ходатайства одного обвиняемого, необходимо согласие всех участников процесса на стадии судебного разбирательства — потерпевшего и государственного обвинителя. Судья не вправе рассмотреть уголовное дело в особом порядке без согласия последних.

Кроме того, в силу ст. 314 УПК РФ в случае наличия всех необходимых условий для рассмотрения уголовного

дела в особом порядке, суд самостоятельно выносит решение, либо рассматривать уголовное дело в особом порядке, либо вынести постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначить общий порядок, поскольку это право, а не обязанность судьи, рассматривать в особом или общем порядке уголовное дело при согласии всех участников процесса с тем или иным порядком судебного разбирательства.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что не только от волеизъявления участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения или защиты зависит порядок рассмотрения уголовного дела, но и в первую очередь от самого мирового судьи.

Кроме того, хотелось бы отметить, что в случае отсутствия в материалах дела, указанных в главе 40 УПК РФ условий, уголовное дело в особом порядке судебного разбирательства ни при каких обстоятельствах делает его возможным.

Изложенное свидетельствует о том, что только лишь при совокупности всех необходимых условий судья имеет право рассмотреть уголовное дело и вынести приговор без проведения судебного разбирательства и в особом порядке.

Что касается оснований, при которых судья может отказать в удовлетворении ходатайства обвиняемого о рассмотрении дела в особом порядке, то следует отметить следующие: если обвиняемый признает свою вину не полностью, а в части (частично); если отсутствует согласие участников процесса (потерпевшего, государственного обвинителя); если лицо совершило особо тяжкое преступление; если будет установлено, что ходатайство обвиняемого было заявлено под давлением каких-либо лиц, или наличие каких-либо обстоятельств, следовательно ходатайство может быть вынужденным, и обвиняемый может не осознавать последствия заявленного ходатайства.

Из пункта 3 Постановления пленума Верховного суда Российской Федерации «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [1] следует, что судам разъяснено, что, если возник вопрос о возможности применения особого порядка судебного разбирательства по уголовному делу, следует обратить внимание и иметь в виду, что в нормах гл. 40 УПК РФ указаны условия постановления приговора без судебного разбирательства в общем порядке, а не условия назначения уголовного дела к рассмотрению. Следовательно, при наличии ходатайства обвиняемого о применении особого порядка судебного разбирательства и отсутствии обстоятельств, исключающих разбирательство уголовного дела в особом порядке, мировой судья при назначении судебного заседания принимает решение о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства.

Однако, если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что все условия для рассмотрения уголовного дела в особом порядке соблюдены, то мировой судья продолжает рассмотрение уголовного дела в особом по-

рядке, но в случае отсутствия по делу каких-либо условий, необходимых для постановления приговора без проведения судебного разбирательства в особом порядке, мировой судья в соответствии с ч. 3 ст. 314 и ч. 6 ст. 316 УПК РФ выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке.

Стоит рассмотреть вопрос о том, в чем же заключается преимущество особого порядка судебного разбирательства над общим.

Из ч. 7 ст. 316 УПК РФ, ч. 5 ст. 62 УК РФ следует, что если судья приходит к выводу, что обвинение, с которым подсудимый согласился, обосновано и подтверждается всеми собранными по уголовному делу доказательствами, то судья постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, кроме того, в силу п. 10 ст. 316 УПК РФ с подсудимого процессуальные издержки, предусмотренные ст. 131 УПК РФ, связанные с назначением защитника в порядке ст. 51 УПК РФ — взысканию не подлежат, а возмещаются за счет средств федерального бюджета, однако в случае постановления приговора без судебного разбирательства в особом порядке осужденный, при апелляционном обжаловании в соответствии со ст. 317 и п. 1 ст. 389.15 УПК РФ не может обжаловать приговор в связи несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

Что же касается самого суда и применения особого порядка судебного разбирательства, то для суда в первую очередь это более быстрый процесс, уголовное дело в особом порядке судебного разбирательства при соблюдении всех условий и явке всех участников процесса может быть рассмотрено при проведении одного судебного заседания с вынесением приговора, поскольку не требуется допрашивать и вызвать свидетелей, исследовать все материалы дела. Также уголовное дело в особом порядке может быть рассмотрено, если при производстве предварительного расследования использовалась сокращенная форма дознания, либо следствие, судья в судебном процессе исследует только лишь материалы дела, характеризующие личность подсудимого, которые могут повлиять на назначение наказания.

Законодательство Российской Федерации, а также судебная практика в принципе сформировали понятие порядка рассмотрения уголовных дел с применением особого порядка судебного разбирательства и порядок вынесения решения.

Однако, автору данной статьи представляется необходимым обратить внимание на конкретные отдельные вопросы и коллизии, которые возникают при применении особого порядка судебного разбирательства.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на потерпевшего, его позицию при производстве уголовного

дела в особом порядке. Законодатель и Верховный суд РФ не дают ответ на вопрос — должна ли позиция потерпевшего, который возражает против особого порядка судебного разбирательства, быть мотивирована? Статья 314 УПК РФ говорит только лишь о выяснении мнений участников процесса относительно особого порядка судебного разбирательства, без указания мотивов.

Для наглядности коллизии рассмотрим пример судебной практики, который отражает пробел законодательства в рассматриваемом вопросе.

Представим, что такое преступление как кража (ст. 158 УК РФ) была совершена в г. Москве, обвиняемый является также жителем данной населенного пункта, как и большинство свидетелей, потерпевший при этом, являясь также жителем данного города, являясь знакомым обвиняемого в совершенном инкриминируемом деянии, отбывает наказание в исправительной колонии Ярославской области. Уголовное дело рассматривается в особом порядке, доставленный из Ярославской области потерпевший заявляет, что не согласен на рассмотрение дела в особом порядке, при этом не мотивируя свой отказ. Следовательно, ввиду заинтересованности потерпевшего в том, чтобы иметь возможность не возвращаться в колонию как можно дольше или выезжать еще не единожды, он начинает затягивать судебный процесс, судебные сроки безусловно также продолжают течь, сумма судебных издержек увеличивается, возлагаются следовательно они на обвиняемого, при выходе из особого порядка в общий, что увеличивает вероятность при участии, допустим, маргинального обвиняемого, судебные издержки осужденный не оплатит,

а судебному-приставу исполнителю взыскать с осужденного будет не с чего, следовательно, денежные средства на оплату труда адвоката, назначенного по ст. 51 УК РФ будут выданы из средств федерального бюджета, а возмещения этих средств государству не произойдет. Более того, законодателем в ч. 5 ст. 62 УК РФ [3] указано, что срок или размер наказания, назначаемого лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, а в случае, указанном в статье 226.9 УПК РФ — одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Однако, в данном случае, законодателем не установлено, применяется ли указанная норма при назначении наказания лицу, которое все же заявило ходатайство о согласии с предъявленным обвинением и рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

Если смотреть буквально, то, следовательно, данная норма применяется лишь только к тем лицам, чье дело было в конечном итоге рассмотрено в особом порядке.

Между тем, анализ стадии предварительного расследования показывает, что обвиняемый практически всегда, заявляя ходатайство о проведении судебного разбирательства в особом порядке после ознакомления с материалами уголовного дела, с самого начала предварительного расследования, после консультации с защитником дает признательные показания, способствует расследованию преступления и заглаживает по возможности причиненный вред, что говорит об его изначальном желании на применение судебного разбирательства в особом порядке.

В практике встречаются случаи не только несогласия потерпевшего с рассмотрением уголовного дела в особом порядке, но и несогласие государственного обвинителя, при соблюдении всех условий, предусмотренных гл. 40 УПК РФ. В таком случае судья принимает решение рассмотреть все же уголовное дело в общем порядке.

И по результатам рассмотрения дела в общем порядке, оценив все доказательства по делу, исследовав материалы дела, судья должен постановить приговор, однако каким должно быть наказание, должно ли оно соответствовать размеру, указанному в ч. 5 ст. 62 УК РФ и ч. 7 ст. 316 УПК РФ неизвестно, и законодателем на этот счет никаких примечаний, отсылок и исключений не установлено.

Исходя из всего вышеизложенного, учитывая рассматриваемый пример, а также с целью защиты прав обвиняемых, равноправия сторон уголовного судопроизводства, автору данной статьи видится необходимым внести дополнения и изменения в уголовный и уголовно процессуальный кодекс, а именно:

В статью 314 УПК РФ внести пункт или примечание в части — обязать потерпевшего развернуто в письменном или устном виде давать мотивированный отказ от рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства;

— В ч. 5 ст. 62 УК РФ и ч. 7, 10 ст. 316 УПК РФ внести поправки

— в части распространения действия указанных норм, на тех лиц, которые заявили ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства, но в отношении которых дело по независящим от него причинам, было рассмотрено в общем порядке.

Вышеуказанные нормы также автор считает возможным закрепить в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, для того чтобы сформировать единое толкование закона и наработать единую судебную практику по указанном уголовным делам.

Литература:

1. Постановление Пленума ВС РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета, 13, 24.01.2007.

2. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета, № 7, 21.01.2009.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. — № 249. — 22.12.2001;
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ // под. Ред. А. Я. Сухарева. 11-е изд., перераб. И доп. — М.: Проспект, 2012. — 752 с.
6. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // В. В. Дорошков. — М., 2009.

Особенности квалификации розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции

Доровских Анастасия Игоревна, студент магистратуры
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Ключевые слова: уголовная ответственность, алкогольная продукция, этиловый спирт, розничная продажа, несовершеннолетние.

Статья 151.1 УК РФ предусматривает ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно.

Объектом данного преступления являются интересы нравственного и психофизиологического формирования личности несовершеннолетнего, а в качестве дополнительного объекта может выступать здоровье несовершеннолетнего.

Криминообразующим признаком состава преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, является его предмет, в качестве таковым выступает алкогольная продукция. Ее понятие раскрывается в п. 7 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее — Федеральный закон № 171-ФЗ). Согласно этому закону под алкогольной продукцией следует понимать пищевую продукцию, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции, за исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством Российской Федерации [1].

Специфика состава преступления, закрепленного в ст. 151.1 УК РФ, состоит также в том, что потерпевшим в данном случае является несовершеннолетний, то есть лицо, не достигшее 18-летнего возраста.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления заключается в неоднократной розничной продаже алкогольной продукции несовершеннолетнему. Согласно примечанию к ст. 151.1 УК РФ под неоднократным

совершением характеризуемого уголовно-наказуемого деяния следует понимать розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания).

Однократное совершение указанного деяния влечет административную ответственность по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ [2]. Таким образом, ст. 151.1 УК РФ относится к числу уголовно-правовых норм с административной преюдицией.

Неоднозначным является распространение действия рассматриваемой нормы на так называемую торговлю с рук. Например, частными лицами осуществляется продажа самодельных алкогольных напитков (вин, самогона, пива и т. д.). Также имеют место случаи продажи алкоголя развозным, разносным, дистанционным, посылочным способами. Например, алкогольные напитки могут доставить таксисты. Алкоголь можно заказать через Интернет. Думается, что такая продажа алкоголя несовершеннолетним при наличии всех необходимых признаков должна также влечь за собой уголовную ответственность по ст. 151.1 УК РФ.

Помимо этого, передача алкоголя несовершеннолетним может быть безвозмездной, либо взамен на какие-либо вещи. В связи с чем, в науке уголовного права предлагается термин «продажа» заменить термином «сбыт», поскольку он охватывает более разнообразные формы отчуждения алкогольной продукции и спиртных напитков кустарного производства [3, с. 33].

Также спорным является вопрос о субъекте характеризуемого преступления.

Уголовный закон не содержит прямого указания на достижение субъектом состава ст. 151.1 УК РФ совершеннолетнего возраста. Однако такой вывод позволяют сделать требования ст. 265 Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которым запрещается применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию (игорный бизнес, работа в ночных кабаре и клубах, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и иными токсическими препаратами, материалами эротического содержания) [4].

Также субъект данного преступления обладает дополнительными признаками, связанными с осуществляемой торговой деятельностью. Сторонами договора розничной купли-продажи выступают продавец и покупатель. Под продавцом следует понимать организацию любой допустимой организационно-правовой формы, а также индивидуального предпринимателя, осуществляющих продажу товаров по договору розничной купли-продажи.

Руководители организаций, а также индивидуальные предприниматели, которые непосредственно не осуществляют продажу алкогольной продукции несовершеннолетнему, но способствуют либо подстрекают лицо, связанное с ними трудовыми отношениями, к совершению преступления, подлежат ответственности по данной статье со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК РФ.

На практике зачастую возникают ситуации, когда трудовые отношения фактически сложились, но правового оформления не получили, при этом лицо допущено к осуществлению торговли, в том числе и алкогольной продукцией. В такой ситуации, думается, «латентные» трудовые отношения должны оцениваться, как и реальные. Соответственно, в случае неформальной занятости субъектом преступления при продаже алкогольной продукции несовершеннолетнему будет считаться лицо, непосредственно осуществившее ее отпуск.

Кроме того, трудности при вменении розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции вызывает установление субъективной стороны данного состава преступления, представленной в форме прямого умысла. В частности, неоднозначным является вопрос относительно того, должен ли продавцу быть известен возраст покупателя достоверно или лишь предполагаться с большей или меньшей степенью вероятности.

Так, согласно ст. 16 Федерального закона № 171-ФЗ в случае возникновения у лица, непосредственно осуществляющего отпуск алкогольной продукции (продавца), сомнения в достижении покупателем совершеннолетия продавец вправе потребовать у этого покупателя документ, позволяющий установить возраст этого покупателя.

По мнению Сытникова В. О., необходимо устранить неоднозначность существующего правового регулирования (продавец вправе, но не обязан попросить документ, позволяющий установить возраст покупателя алкогольной продукции) и предусмотреть обязанность продавца в со-

ответствующих случаях потребовать документ, позволяющий установить возраст этого покупателя [5, с. 77]. Представляется, что данное суждение является обоснованным и позволит исключить трудности в доказывании вины лиц, осуществивших розничную продажу несовершеннолетним алкоголя.

Примечательно, что судами норма об истребовании документов, удостоверяющих личность у покупателей лицами, осуществляющими отпуск алкогольной продукции, расценивается как обязывающая, а не как управомочивающая.

Так, Б., обвинялась в том, что находясь на своем рабочем месте, в торговом павильоне в нарушении Федерального Закона № 171-ФЗ, не убедилась путем истребования документов, удостоверяющих личность, в достижении покупателем возраста 18 лет, понимая, что по внешним признакам перед ней находится несовершеннолетний покупатель, незаконно осуществила розничную продажу несовершеннолетней бутылку пива «Miller». За совершение указанных действий Б. была осуждена по ст. 151.1 УК РФ [6].

Также Федеральным законом № 171-ФЗ закреплен ряд ограничений, связанных с местом, временем, способом реализации алкоголя вне зависимости от возраста покупателя (например, запрещается продажа алкоголя без лицензии, дистанционным способом, в нестационарных торговых объектах и т. д.). За нарушение данных ограничений законодателем в 2017 году была введена уголовная ответственность по статье 171.4 УК РФ — «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, если это деяние совершено неоднократно, за исключением случаев, предусмотренных статьей 151.1».

В связи с чем, сложности вызывает соотношения составов ст. 171.4 и 151.1 УК РФ. Так, на сегодняшний день ни в научной литературе, ни в правоприменительной практике не выработана единая позиция по вопросу квалификации случаев неоднократной продажи без лицензии алкогольной продукции домашней выработки несовершеннолетнему. Представляется, что исходя из формулировки разграничиваемых составов преступлений приведенная ситуация охватывается ст. 151.1 УК РФ и не требует квалификации по совокупности со ст. 171.4 УК РФ.

Подводя итог анализу уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, можно отметить, что при квалификации действий виновных лиц зачастую возникают сложности, связанные с установлением субъективной стороны данного состава преступления, а также разграничением ст. 151.1 УК РФ со смежными составами. Кроме того, с течением времени появляются все новые способы совершения данного преступления, в частности, продажа алкоголя через сеть Интернет, которые также должны влечь за собой уголовную ответственность. В связи с чем, для формирования единообразной судебной практики в данной сфере необходимо соответствующее разъяснение Пленума Верховного суда Российской Федерации.

Литература:

1. Федеральный закон от 22.11.1995 N 171-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [Электронный ресурс] // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях принят Гос. Думой 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. 02.08.2019) [Электронный ресурс] // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Берндт, А. А. Уголовно-правовая характеристика розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. — Сургут. — 2017. — с. 29–33.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации принят Гос. Думой 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 02.08.2019) [Электронный ресурс] // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Сытников, В. О. Способ совершения преступления, предусмотренного ст. 151.1. УК РФ // Бизнес в законе. — 2014. — № 1. — с. 76–78.
6. Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Центрального судебного района г. Кемерово от 11 мая 2017 года по делу № 1–62/2017 // [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «СудАкт» Режим доступа: <https://www.sudact.ru/magistrate/doc/2EFqXuwhDoNc/> (дата обращения 26.10.2019).

К вопросу о полномочиях органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере миграции населения

Елисеева Кристина Андреевна, студент магистратуры
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Положение иностранных граждан, прибывших на территорию России, регулируется как на федеральном уровне государственной власти, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Участие субъектов Российской Федерации возможно при соблюдении ряда условий.

Ключевые слова: мигрант, органы исполнительной власти, сфера миграционных отношений, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации.

Вопрос разграничения предметов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации нашел свое закрепление в основном законе нашего государства, а именно в Конституции Российской Федерации. [1]

Закрепление данных перечней обусловлено федеративной формой государственного устройства России. Динамика общественных отношений исключает возможность конкретизации всех отношений, которые могли быть отнесены к ведению указанных субъектов. В качестве примера можно привести «миграцию населения», которая не относится ни к ведению Российской Федерации, ни к совместному ведению ее субъектов.

Необходимо отметить, что отношения в области миграции затрагивают интересы не только федерального, но и регионального уровня государственной власти. В отечественном законодательстве отсутствует запрет на участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации в регулировании миграционных отношений.

В соответствии с пунктом 5 статьи 1 Федерального закона от 06 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих прин-

ципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» возможна ситуация по наделению органов государственной власти субъектов Российской Федерации федеральными полномочиями. В данном пункте закреплена информация о том, что «разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется Конституцией Российской Федерации, Федеративным договором и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий». [2]

В качестве переданных полномочий могут выступать полномочия в сфере миграции населения. Однако возникает вопрос о финансировании таких мероприятий. Бюджетный кодекс Российской Федерации закрепляет возможные способы пополнения регионального бюджета, а также способы распределения указанных денежных средств. [3] Несмотря на отсутствие поддержки федерального уровня власти, субъекты Российской Федерации

правомочны осуществлять мероприятия за счет средств собственного бюджета.

Важным является факт того, что не могут использоваться финансовые средства, передаваемые из федерального бюджета бюджету субъекта Российской Федерации на целевые расходы. Такие мероприятия могут повлечь различного рода ответственность.

О несовершенстве механизма регулирования миграционных отношений рассуждает Р. Э. Эдилов. Автор акцентирует внимание на том, что «действующее законодательство Российской Федерации о миграции пока не позволяет в достаточной степени обеспечить осуществление эффективной миграционной политики в России». [4, с. 204] Современная миграционная ситуация характеризуется динамичным развитием, которое должно сопровождаться совершенствованием законодательства на федеральном и региональном уровне.

Государственная политика направлена на поддержание равного уровня развития субъектов, входящих в состав Российской Федерации. Однако экономический потенциал субъектов Российской Федерации не является равным. Поток мигрантов ориентирован, в большей мере, на экономически развитые районы страны, что обусловлено многими факторами. Например, наличие рабочих мест. Рациональным решением было бы предоставить дополнительные гарантии социальной помощи и поддержки для мигрантов, в особенности для тех, кто прибыл со своими семьями.

Прибытие на территорию России мигранта сопровождается возникновением ряда проблем. Во-первых, у мигрантов отсутствует жилье на территории нашего государства, что вызывает потребность в его съеме. В настоящее время формирование рынка рабочей силы за счет мигрантов обусловлено объективно низкой стоимостью данных трудовых ресурсов. В сложившейся ситуации у данных категорий граждан отсутствует возможность снять себе доступное жилье.

Во-вторых, на уровне субъектов Российской Федерации отсутствуют в достаточных объемах пригодные для проживания дешевые жилые помещения. Выход из данной ситуации работодатели находят в размещении рабочих в помещениях, которые по своим санитарно-гигиеническим характеристикам не пригодны для проживания.

В-третьих, проблемы медицинского обслуживания мигрантов. Возможность получения соответствующей медицинской помощи человеку и его семье является одним из важнейших факторов его существования в современном мире. Контроль над оказанием такой помощи должен входить в компетенцию субъектов Российской Федерации. [5, с. 65–66]

Решение возникших проблем напрямую зависит от финансирования субъекта Российской Федерации программ по обеспечению достойного уровня жизни мигрантов. Отечественное законодательство закрепляет положения о том, что финансирование указанных полномочий не является обязанностью субъекта Российской Федерации.

Реализация полномочий возможно лишь при наличии соответствующей возможности конкретного региона.

Итак, финансирование вопросов жилья и медицинского обеспечения возможно лишь при выделении на федеральном уровне соответствующих субсидий на эти цели или же за счет средств самого региона. Такой подход к решению этих проблем приводит к тому, что они продолжают существовать длительный период времени. Анализ положений Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» позволяет сделать вывод о том, что, действительно, в ведении органов исполнительной власти субъектов Федерации находится небольшое количество полномочий в сфере миграции населения. Законодатель относит к компетенции исполнительных органов субъектов Российской Федерации следующие полномочия:

1) предоставление по итогам года Правительству Российской Федерации сведений о возможном количестве квот для иностранных граждан на выдачу разрешений на временное проживание в данном субъекте,

2) определение эффективности использования иностранной рабочей силы, вклада мигрантов в развитие региона,

3) осуществление контроля над трудовой деятельностью мигрантов,

4) создание специализированных учреждений для содержания иностранных граждан, подлежащих депортации или выдворению с территории России и другие полномочия. [6]

Отсутствует разграничение полномочий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в таких нормативно-правовых актах как Федеральный закон от 19 февраля 1993 года № 4528–1 «О беженцах», Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 года № 4530–1 «О вынужденных переселенцах».

Проблема перенасыщенности рынка рабочей силы в некоторых регионах и ее отсутствие в других регионах могла бы быть решена на уровне политики, проводимой в данных местах. Безусловно, объективную ситуацию в регионе могут наблюдать исполнительные органы власти этой территории, но это полномочие сосредоточено в руках федеральных органов исполнительной власти. Такие авторы как Л. В. Андриченко призывают отделить полномочия в сфере миграции из компетенции федеральных органов власти в руки народа, однако не конкретизируют, как именно должна осуществляться передача данных полномочий. [7, с. 9]

Спорность данного суждения обусловлена тем, что государство проводит единую провозглашаемую политику в сфере миграции, но и участие субъектов Российской Федерации в данном процессе не должна исключаться.

Одним словом, рассуждения по поводу полномочий органов государственной власти в субъектах Российской Федерации в сфере миграции привели нас к следующим выводам. Так, пробелы в полномочиях указанных органов

в сфере миграции приводят к тому, что проблемы данной системы не решаются ни на федеральном уровне, ни на региональном уровне. Каждый субъект Российской Федерации должен проводить объективную оценку потребности

в мигрантах, а также возможности их размещения на своей территории. Дальнейшее развитие политики в сфере миграции в субъектах Российской Федерации должно быть ориентировано на социальную поддержку мигрантов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 14.11.2019).
2. Федеральный закон от 06 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 14.11.2019).
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 14.11.2019).
4. Эдилова, Р. Э. Нормативно-правовое регулирование миграционных отношений в России: проблемы и пути их преодоления // Молодой ученый. — 2012. — № 2. — с. 204–206. — URL <https://moluch.ru/archive/37/4300/> (дата обращения: 12.11.2019).
5. Смольяков, А. А., Смольяков А. А. Проблемы реализации социальных прав мигрантов в РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2016. — № 1. — с. 63–68.
6. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 14.11.2019).
7. Адриченко, Л. В. Миграционное законодательство в системе российского законодательства // Журнал российского права. — 2018. — № 3. — с. 5–16.

Правовые аспекты биоэтики в конституционно-правовой практике

Епифанова Екатерина Андреевна, студент магистратуры
Хабаровский государственный университет экономики и права

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, Семейный кодекс РФ, правовое регулирование, биоэтика, биомедицинская деятельность, суррогатное материнство.

Деятельность Конституционного Суда РФ в направлении охраны здоровья населения многогранна, охватывает широкие группы общественных отношений, в рамках которых высший орган судебного конституционного контроля формулирует свои правовые позиции. Поэтому целесообразно уделить внимание отдельным проблемам такой охраны, являющимся актуальными в настоящее время. В первую очередь, это касается вопросов биоэтики.

В законодательстве отсутствует определение биоэтики. В научных кругах нет единства во мнении о сущности биоэтики и её соотношении с охраной здоровья населения. Так, И. В. Силуяновский определяет биоэтику как современную форму традиционной профессиональной биомедицинской этики, в которой регулирование человеческих отношений подчиняется сверхзадаче сохранения жизни человеческого рода [17, с. 8]. Н. Н. Седова утверждает, что рассматриваемая категория есть научная дисциплина, а также сфера практической деятельности по нефор-

мальной регуляции отношений в области медицинского обслуживания [16, с. 12]. Н. Г. Иванов пишет, что биоэтика представляет собой набор нормативов, выполнение которых неукоснительно обязательно при выборе варианта лечения, в процессе лечения, при внесении коррективов в процесс медицинского воздействия [13, с. 3].

Таким образом, биоэтика — это довольно широкое понятие, включающее в себя отношения возникающие между различными субъектами по поводу применения современных биомедицинских технологий в различных сферах: трансплантация, суррогатное материнство, генетика и т. п. Подобные отношения могут возникать между:

- а) отдельным индивидуумом и субъектом биомедицинской деятельности;
- б) между несколькими субъектами биомедицинской деятельности;
- в) между государством и одним или несколькими субъектами биомедицинской деятельности.

Таким образом, сложность решения биоэтических вопросов заключается в столкновении различных моральных, религиозных, этических, правовых норм при решении вопросов о выживании человека, о сохранении его здоровья, о влиянии биомедицинских технологий на здоровье населения, здоровье будущих поколений и т. п.

Ещё большую сложность порождает отставание уровня правового регулирования от развития биомедицинских технологий. В настоящее время биомедицина стремительно попирает устоявшиеся правовые институты, вынуждая законодателя а, тем более, судебные органы принимать решения, которые могут находиться на стыке правовых, моральных и этических норм.

В нашем государстве действует несколько законов, которые в той или иной степени регулируют некоторые биоэтические вопросы. К их числу отнесены федеральные законы: Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [9], О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности [6], О государственной геномной регистрации в Российской Федерации [5], О трансплантации органов и (или) тканей человека [8], О биомедицинских клеточных продуктах [4].

Несмотря на значительный, но при этом даже неполный, перечень соответствующих законов, некоторые авторы отмечают их недостатки. Например, предмет регулирования Закона «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» весьма узок и не распространяет своего действия на сам порядок осуществления генно-инженерной деятельности, возможности использования генной инженерии в отношении человека, его тканей, за исключением генной диагностики и генной терапии. Как результат, названный Закон не призван защитить человека от злоупотреблений в регулируемой им сфере общественных отношений.

Таким образом, слабая развитость законодательства, связанная с биомедицинскими технологиями, обуславливает необходимость задействования органов конституционного контроля (в первую очередь, Конституционного Суда РФ) при возникновении споров в биоэтической сфере. Сразу отметим, что перед Конституционным Судом РФ до настоящего времени не так часто ставились вопросы медицины и биоэтики, но в будущем их может возникнуть большое количество. Как отмечает П. Д. Блохин, подобная ситуация связана не только с фактически нечастым характером возникновения соответствующих проблем, а с тем, что среди судей и сотрудников Суда практически нет специалистов в области медицинского права, т. е. людей, обладающих достаточными знаниями в области биоэтики, а заявитель, как правило, не в состоянии самостоятельно составить жалобу настолько грамотно, чтобы добиться, как минимум, её принятия к рассмотрению [11, с. 134].

Примечательно, что Конституционный Суд Германии активно вмешивается в сферу биоэтики. Так, гражданин подобрал жвачку, которую выплюнула его дочь. Он отнёс жевательную резинку в медицинскую лабораторию и попросил провести экспертизу ДНК. По результатам экспер-

тизы оказалось, что данный гражданин не является отцом дочери, которую он таковой считал. Гражданин обратился в суд, чтобы оспорить факт отцовства, однако суды отказали ему, ссылаясь на то обстоятельство, что экспертизу он провёл тайно, без ведома матери. Конституционный Суд Германии подтвердил правильность решений судов общей юрисдикции. Более того, орган высшего судебного конституционного контроля вообще запретил брать тайно анализы на факт установления отцовства, запретил проводить любые генетические тесты без всякого медицинского обоснования, например, для выявления пола ребёнка, находящегося в утробе матери [14, с. 100].

Обратимся к институту суррогатного материнства. С позиций биоэтики и практического ажиотажа в настоящее время именно он вызывает большой интерес не только в юридическом сообществе, но и в обществе, в целом. Примечательно, что частичная урегулированность института суррогатного материнства породила массу юридических проблем не только биоэтического характера, но и чисто юридического толка.

Приведём пример, связанный с суррогатным материнством, который рассматривался Конституционным Судом РФ, и породил множество споров. Между супругами и гражданкой был заключён договор об оказании услуг суррогатного материнства. Однако после рождения ребёнка суррогатная мать нарушила условия договора и в органы ЗАГСа подала заявление о регистрации себя в качестве матери, а своего бывшего супруга — в качестве отца, вместо генетических родителей. Генетические родители были вынуждены обратиться в суд за защитой своих прав, требовали признать действия суррогатной матери незаконными и недобросовестными. Суды, которые рассматривали дело, отказали в удовлетворении требований, поскольку п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ предусмотрено, что генетические родители становятся родителями ребёнка только в том случае, если имеется согласие суррогатной матери на совершение соответствующей записи в книге регистрации.

Генетические родители были вынуждены обратиться в Конституционный Суд РФ с жалобой о признании п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ не соответствующим Конституции РФ: принципам равенства и защиты всех перед законом и судом, защиты материнства и детства, конституционному праву и обязанности родителей заботиться о своих детях и воспитывать их. Отказывая в принятии к рассмотрению жалобы, Конституционный Суд РФ указал, что федеральный законодатель вправе в рамках норм Конституции РФ осуществлять правовое регулирование общественных отношений, а модель правового регулирования, установленная п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ, не будучи единственно возможной, не выходит за пределы прерогативных полномочий федерального законодателя [10].

Подобной формулировкой можно оставить без рассмотрения любую жалобу в Конституционный Суд РФ. Однако уникальность рассматриваемой ситуации заключа-

ется в том, что к Определению были сделаны сразу два особых мнения судей, что является исключительным случаем, так как обычно особые мнения прилагаются к постановлениям. При этом доводы, изложенные в особых мнениях, представляются весьма убедительными и значимыми с позиции противопоставления норм этики, морали, права и современных биомедицинских технологий.

Так, судья Конституционного Суда РФ С. Д. Князев поставил под сомнение соответствие Конституции РФ п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ, приведя следующие аргументы.

Во-первых, закрепляя исключительную прерогативу суррогатной матери в разрешении вопроса о наделении генетических (биологических) родителей материнскими и отцовскими правами, законодатель остаётся безучастным к интересам лиц, чьи половые клетки использовались для оплодотворения женщины, вынашивающей плод. Тем самым создаётся легальная почва для нарушения баланса конституционных ценностей и умаления прав и законных интересов не только генетических родителей, но и ребёнка, рождённого в результате применения соответствующей вспомогательной репродуктивной технологии.

Во-вторых, отказ суррогатной матери от исполнения своих обязательств перед лицами, являющимися биологическими родителями ребёнка, не может перечеркнуть их «природных» прав.

В-третьих, лишение генетического отца родительских прав исключительно «по прихоти» суррогатной матери оставляет открытым целый ряд вопросов.

Интерес представляют и доводы ещё одного судьи Конституционного Суда РФ, давшего особое мнение, Г. А. Гаджиева. Он указал следующее.

Во-первых, следует признать оставление суррогатной матерью ребёнка себе отказом от исполнения обязательств, что влечёт обязанность возместить супругам-заказчикам все понесённые по договору расходы и компенсировать моральный вред. Но такая позиция противоречит принципу биоэтики, закреплённому в ст. 21 Конвенции о правах человека, и биомедицине (запрет на коммерциализацию тела человека). Таким образом, обстоятельства дела усугублены тем, что в нарушение принципа биоэтики суррогатная мать прикрывается принципом свободы договора.

Во-вторых, в российском законодательстве отсутствует чёткое определение термина «мать ребёнка» и неоднозначен вопрос о том, насколько справедливо с правовой точки зрения применять этот термин к суррогатной матери.

Таким образом, перечисленные доводы могли бы лечь в основу принятия Конституционным Судом РФ постановления о несоответствии Конституции РФ п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ, однако этого не произошло, а соответствующий запрет существует и по сей день. Вместе с тем, важно отметить, что в 2017 году Верховный Суд РФ дал свои разъяснения по спорному положению Семейного кодекса РФ, где указал, что если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями указанных выше

лиц (потенциальных родителей), то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребёнка и передаче им ребёнка на воспитание. При рассмотрении подобных дел судам необходимо учитывать все обстоятельства: наличие заключённого договора на оказание услуг по суррогатному материнству, условия такого договора, являются ли истцы генетическими родителями ребёнка, причины несогласия матери передать ребёнка генетическим родителям.

Однако даже такой подход не исключает безоговорочного приоритета суррогатной матери права на ребёнка. С одной стороны, договор об оказании услуг суррогатного материнства не имеет никакого значения исходя из п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ, его нарушение суррогатной матерью в виде отказа в передаче ребёнка генетическим родителям не влечёт никаких правовых последствий для неё. С другой стороны, в свете изложенного Постановления Верховного Суда РФ заключение договора является безусловным основанием отказа в удовлетворении требований генетических родителей при наличии спора с суррогатной матерью. В противном случае небольшой шанс всё-таки имеется. Как отмечает В. В. Момотов, таким шансом может быть корыстный мотив суррогатной матери при оставлении ребёнка себе [15, с. 34].

Таким образом биоэтические вопросы непросты с точки зрения юридической науки. Даже Конституционный Суд РФ не всегда способен дать однозначные ответы на них, предоставляя законодателю возможность самому их решать, устанавливая ту или иную модель правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере.

Подытоживая исследование практики деятельности Конституционного Суда РФ по вопросам биоэтики, отметим следующее.

Во-первых, вопросы биоэтики достаточно разнообразны и не все отражены в действующем законодательстве РФ. Более того, нет единого подхода к пониманию категории «биоэтика». В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно принятие единого федерального закона, посвящённого вопросам биоэтики, который бы на комплексной основе способствовал разрешению множеству спорных ситуаций при применении биомедицинских технологий, стремительно развивающихся в современном мире. Это в будущем позволит снизить нагрузку на Конституционный Суд РФ по соответствующим вопросам.

Во-вторых, вопросы биоэтики практически не находят своего отражения в практике деятельности Конституционного Суда РФ в отличие от практики в некоторых зарубежных странах, например, в Германии. Более того, спорный вопрос о соответствии Конституции РФ достаточно резонансного п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ так и не был принят к рассмотрению органом конституционного контроля, несмотря на противоположные мнения отдельных судей Конституционного Суда РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; 2018. № 45. Ст. 6823.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2019. № 22. Ст. 2671.
4. О биомедицинских клеточных продуктах: Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3849; 2018. № 32 (ч. II). Ст. 5116.
5. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (ред. от 17.12.2009) // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5740; 2009. № 51. Ст. 6150.
6. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3348; 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4291.
7. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 19; 2019. № 12. Ст. 1227.
8. О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62; СЗ РФ. 2016. № 22. Ст. 3097.
9. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2019. № 22. Ст. 2675.
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС КонсультантПлюс. 2019.
11. Блохин, П. Д. О спорных моментах в понимании института *apicis curiae* и его возможного облика в российском конституционном судопроизводстве // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 1. с. 130–143.
12. Воронина, И. А., Савошикова Е. В., Саблин Д. А. Интеграция биомедицины и биоэтики в правовое пространство как основа охраны и защиты прав граждан на здоровье и медицинскую помощь // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. с. 67–70.
13. Иванов, Н. Г. Биоэтика и медицинская деонтология в современных условиях правового риска // Медицинское право. 2018. № 3. с. 3–7.
14. Кашкин, С. Ю. О работе секции права Европейского союза на Кутафинских чтениях 28 ноября 2012 г. // Lex russica. 2013. № 3. с. 302–319.
15. Момотов, В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex russica. 2019. № 1. с. 29–39.
16. Седова, Н. Н. Правовой статус биоэтики в современной России // Медицинское право. 2005. № 1. с. 11–15. 18
17. Силуянова, И. В. Биоэтика в России: ценности и законы. М.: Грантъ, 2001. 192 с. 19
18. Социальное законодательство: научно-практическое пособие / Е. Г. Азарова, В. Н. Зенков, В. В. Лапаева и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. Н. Зенков. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2005. 352 с.

Значение и функции государственного кредита

Журба Илья Игоревич, студент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Ростов-на-Дону)

В целях финансирования расходов, которые идут на удовлетворение массы разнообразных потребностей граждан, государство порой старается привлекать свободные финансы хозяйствующих субъектов и населения в целом. Одним из путей их получения выступает государственное кредитование как одна из форм кредита, при котором кредитором, заёмщиком и гарантом выступает само государство. В случае внутреннего государственного кре-

дита само государство чаще выступает заёмщиком средств, в то время как население, различные предприятия и организации уже являются его кредиторами. В случае же международных отношений государство уже выступает и как заёмщик и как кредитор. Если государство становится ответственным за выполнение обязательств, которые были взяты гражданами или иными хозяйствующими субъектами, то оно выступает в роли гаранта. Когда складыва-

ется ситуация, при которой правительство может гарантировать безусловное погашение займа, выпущенного нижестоящими органами власти и управления или отдельными хозяйственными организациями, а также выплату процентов по нему в случае неплатежеспособности плательщика, то речь идет об условном государственном кредите, то есть гарантированных займах. [1; с. 401]

Государственный кредит выступает и в качестве средства привлечения дополнительных финансов для покрытия бюджетного дефицита в случаях крайней необходимости. Погашение самого кредита и выплата процентов по нему осуществляется за счёт бюджетных средств. Поскольку государственный кредит напрямую влияет на движение бюджетных средств, он может рассматриваться как часть финансовых отношений общества.

По сути, можно говорить о том, что государственное кредитование является отношением вторичного распределения стоимости валового общественного продукта и части национального богатства. В рассматриваемые отношения включается лишь часть доходов и денежных фондов, которые формировались на стадии первичного распределения. Чаще всего это свободные финансовые активы населения, организаций, не предназначенные для текущего потребления.

Необходимость привлечения дополнительных средств в бюджет посредством государственного кредита обуславливается постоянным ростом потребностей общества, которые необходимо удовлетворять, и недостатком бюджетных средств, направляемых на их удовлетворение. Все направления внутренней и внешней политики государства требуют постоянного увеличения расходной части бюджета. В то же время его доходная часть ограничивается определённой законодательством планкой налогообложения. В связи с этим в случае наличия свободных финансовых активов у населения, предприятий или иных хозяйствующих субъектов государство может прибегнуть к государственному кредитованию. [2; с. 138–141]

Как средство формирования дополнительных бюджетных средств государственный кредит обладает значительно меньшим количеством негативных последствий для финансовой системы и денежного обращения страны, сравнивая его с монетарными приёмами балансирования доходов и расходов правительства (как пример можно привести эмиссию денежных средств, которая всегда влечёт за собой увеличение уровня инфляции). Обусловлено это тем, что в данном случае происходит перемещение спроса от граждан и юридических лиц к государственным структурам без увеличения совокупного спроса или денежной массы в обращении.

Возможность функционирования института государственного кредита основана на особенностях формирования и продолжительности пользования доходов, получаемых физическими и юридическими лицами. Граждане часто владеют временно свободными финансами, что зачастую обусловлено неравномерным получением доходов

либо же сознательным ограничением текущих потребностей для накопления денежных средств.

Функции государственного кредита раскрывают его сущность как экономической категории.

Основной функцией является распределение финансовых ресурсов исходя из потребностей экономики в целом и отдельных экономических направлений в частности. В современной России источником государственного кредитования служит соответствующий бюджет, в расходной части которого утверждаются необходимые средства на кредитование.

Распределение финансовых средств осуществляется между:

- федеральным бюджетом и региональными бюджетами;
- региональным бюджетом и бюджетами муниципальных образований;
- международными финансово-кредитными институтами и федеральным бюджетом;
- иностранными юридическими и физическими лицами, федеральным и региональными бюджетами;
- федеральным, региональными, местными бюджетами и юридическими лицами-резидентами и др.

Именно в рамках данной функции происходит формирование и использование централизованных фондов денежных средств. [3; с. 131–134]

Следующей функцией государственного кредита выступает контрольная функция, которая органически вплетается в контрольную функцию финансов, а также имеет свою специфику, связанную с особенностями этой категории. В рамках данной функции происходит контроль рационального и целевого использования государственного кредита. Осуществляется рассматриваемая функция уполномоченными институтами на всех уровнях государственной власти.

В частности, происходит контроль за:

- движением денежных потоков, осуществляемых через органы федерального казначейства или уполномоченные банки;
- соблюдением условий кредитного договора;
- целевым использованием заемщиком выделенных средств.

Ещё одной функцией государственного кредита является регулирующая, через которую происходит воздействие государства на состояние денежного обращения, уровень процентных ставок на рынке денег капиталов и занятость. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов, когда выделение денежных средств на безвозмездной основе не всегда оправдано, наиболее эффективно использовать их на возвратной и платной основе. Данная функция находит своё проявление в случаях получения Россией внешних займов от МВФ на финансирование бюджетного дефицита, проведение структурных реформ и реструктуризацию экономики, поддержку приватизации, фондового рынка и в иных подобных случаях. Также в рамках регулирующей функции осуществляется

воздействие на заёмщиков, обязующихся эффективно использовать полученные от государства бюджетные ссуды. [7; с. 169–178]

Подводя итог, можно сказать, что финансовые средства, привлекаемые в бюджет посредством государствен-

ного кредита, используются напрямую для реализации государственных экономических и социальных программ. В связи с этим можно говорить о государственном кредите как о возможном факторе ускорения социально-экономического развития страны.

Литература:

1. Финансы / И.И. Глотова, Е.П. Томилина, О.Н. Углицких, Ю.Е. Клишина — Ставрополь: Альфа Принт. — 2012. — 401 с.
2. Проблемы муниципальных финансов России на современном этапе/ Ковалева О.Г., Клишина Ю.Е.// Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 2 (7). с. 138–141.
3. Венчурное финансирование России: проблемы и перспективы/ Канзюба В.А., Клишина Ю.Е.// Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 2 (7). с. 131–134.
4. Проблемы финансовой поддержки сельскохозяйственных организаций/ Клишина Ю.Е.// Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 30. с. 15–23.
5. Финансовая политика ставропольского края: оптимизация уровня расходов/ Углицких О.Н., Шишкова Н.В.// Региональная экономика: теория и практика. 2006. № 11. с. 53–55.
6. Инновационно-инвестиционная привлекательность региона и проблемы ее повышения/ Клишина Ю.Е., Углицких О.Н.// Kant. 2015. № 1 (14). с. 10–14.
7. Финансовое обеспечение деятельности некоммерческих организаций/ Клишина Ю.Е., Углицких О.Н.// В сборнике: Финансово-экономические и учетно-аналитические проблемы развития региона Материалы Ежегодной 78-й научно-практической конференции. 2014. с. 169–178.

Проблемы совершенствования законодательства о гражданстве в миграционной политике Российской Федерации

Зинченко Анастасия Александровна, студент магистратуры;
 Рузметов Сергей Атаханович, кандидат юридических наук, доцент
 Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В конституционно-правовой доктрине гражданство рассматривается прежде всего в качестве права, представляющего собой основу возникновения особых отношений между личностью и государством¹. Законодательное регулирование института гражданства, помимо наделения лица соответствующим конституционным статусом, может выполнять в государстве и иные функции. Оно опосредует решение ряда задач, в том числе повышение государственных гарантий защиты прав человека и гражданина; укрепление государственного суверенитета, обеспечение стабильности и сплоченности общества; установление баланса между интересами личности, общества и государства.

Решения, связанные с гражданством, являются непосредственным проявлением государственного суверенитета. Это означает, что основания, критерии и условия предоставления гражданства государство может регулировать самостоятельно. В то же время институт граждан-

данства занимает существенное место в миграционном процессе [2]. Это приводит к тому, что, регулируя гражданство, государство самостоятельно выбирает основное направление своей миграционной политики: либо упрощает иностранному гражданину возможность стать его частью, либо вводит ограничения для натурализации. Государство посредством самостоятельности определения политики в вопросах предоставления гражданства позволяет в рамках миграционных процессов учитывать интересы и потребности общества, решать свои внутренние и внешнеполитические задачи.

Количество лиц, получающих ежегодно гражданство России, с 2010 г. немного сократилось, но после 2014 г. увеличилось и остается стабильно высоким — около 260 тыс. ежегодно². Современный период развития законодательства о гражданстве характеризуется наличием нескольких противоположных тенденций. С одной стороны, формулируется запрос на расширение государственных

¹ В частности, такое определение содержалось в ст. 1 Закона РФ от 28 ноября 1991 г. N 1948-1 "О гражданстве Российской Федерации": в Российской Федерации каждый человек имеет право на гражданство.

² В 2018 г. эта цифра составила 269 362 человека. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>.

гарантий реализации основных прав человека и гражданина, с другой стороны, актуализируется проблема реализации права на безопасность каждого индивида и общества в целом. Усиливающаяся глобализация мира, военные конфликты и неравномерное развитие регионов привели к активизации и расширению миграционных процессов во всем мире. Данный процесс затронул и Российскую Федерацию, в результате тысячи иностранных граждан вынуждены менять место жительства, переезжать в Россию, оформлять российское гражданство.

В силу указанных причин законодательство о гражданстве Российской Федерации потеряло былую стабильность. В то же время принятие множества изменений не всегда улучшает содержание федеральных законов в рассматриваемой сфере. Одним из существенных недостатков правового регулирования института российского гражданства является отсутствие системности в его регулировании, слабая увязка с целями миграционной политики. Это приводит к противоречивости норм, непоследовательности в достижении единых целей.

Приобретение и прекращение гражданства — основополагающие вопросы, оказывающие системное влияние на миграционную политику России. Институт российского гражданства регулируется Конституцией РФ и Федеральным законом от 31 мая 2002 г. N 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее — Закон о гражданстве), некоторые вопросы решаются на основе норм Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее — Закон о правовом положении иностранных граждан). Основные положения современной миграционной политики изложены в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. (далее — Концепция миграционной политики). В пункте 14 указанной Концепции сформулирована цель миграционной политики — создание миграционной ситуации, способствующей решению ряда задач, в том числе: социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России.

Важной задачей миграционной политики является обеспечение потребностей экономики России. В то же время переселение мигрантов на постоянное место жительства в

Российскую Федерацию должно выравнивать плотность населения всей территории России: приток человеческих ресурсов требуется не только в центральные регионы страны, обладающие определенным демографическим потенциалом, но и в малозаселенные регионы России. Внешняя миграция должна стать одним из источников увеличения численности населения отдаленных от центра регионов России.

По официальным данным за первую половину 2018 г. в российское гражданство принято 126412 человек, в Центральном федеральном округе (далее — ЦФО) — 51326 чел., в Сибирском ФО — 15635 чел., Приволжском ФО — 14665 чел., в Уральском ФО — 13165 чел., Южном ФО — 12519 чел., Северо-Западном ФО — 11505 чел., Дальневосточном ФО — 4673 чел., Северо-Кавказском ФО — 2000 чел.² Таким образом, на основе указанной статистики можно сделать вывод, что 40% всех лиц, приобретающих российское гражданство, пополняют население регионов, которые не имеют дефицита работоспособного населения.

Выявить причины сложившейся ситуации можно на примере получения российского гражданства лицами, являющимися участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом³ (далее — Государственная программа). Выбор примера определяется тем, что указанная категория лиц занимает большую долю иностранных граждан в общем объеме лиц, которые приобретают российское гражданство⁴. Кроме того, эффективное решение проблем указанной категории лиц поможет решить еще одну задачу, поставленную в Концепции миграционной политики, — защитить и сохранить русскую культуру, русский язык и историко-культурное наследие народов России.

Одним из условий получения российского гражданства в рамках Государственной программы является переселение в определяемые Правительством РФ регионы. Требование было введено для более равномерного распределения приезжающих соотечественников по регионам России. В настоящее время для ее реализации Правительством РФ согласовано 69⁵ региональных программ переселения. Существенными социальными препятствиями для реализации Государственной программы являются отсутствие жилья и работы для прибывающих соотечественников. С целью решения указанных проблем основная доля участников Государственной программы стремится быть ближе к крупным городским агломерациям центральной части России, преимущественно выбирая регионы Центрального ФО, в частности Тульскую,

¹ Утв. Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. N 622.

² Официальные данные представлены на сайте МВД России.

³ Утв. Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г. N 637.

⁴ Официальная статистика показывает, что в 2014 г. 53 808 человек получили российское гражданство как участники Государственной программы, что составило 34,12% от общего числа принятых в российское гражданство, в 2015 г. их число возросло до 107 032 человек, что составило более 51%, а в 2016 г. их было уже 149 563, или 56,4% всех принявших российское гражданство. В 2017 г. произошел небольшой спад - было принято 136 943 человека, или 53,1%, за первую половину 2018 г. - 61 203 человека, или 48,4%.

⁵ На 1 января 2019г. См.: URL: https://xnblaew.xnplai/mvd/structure/Glavnie_upravlenija/guvnm/compatriots/monitoring/2018 (дата обращения: 05.09.2019)

Калужскую, Воронежскую, Липецкую и другие области. Официальные данные показывают, что основная часть участников прибывает в Центральный ФО. Особенно наглядно это демонстрируют показатели соотношения участников, прибывших в указанный округ, к общему количеству прибывших лиц, зарегистрированных в рамках Государственной программы. В 2015 г. в Центральном ФО зарегистрировано 45,67% от всех прибывших участников Государственной программы, в 2016 г. — 47,14%, в 2017 г. — 41,56%, в 2018 г. — 39,88%. Несмотря на обозначившуюся тенденцию к уменьшению, доля прибывших участников Государственной программы в Центральный ФО остается наибольшей.

Для решения проблем с трудоустройством соотечественников в Законе о правовом положении иностранных граждан закреплено следующее: иностранные граждане, являющиеся участниками Государственной программы, могут осуществлять трудовую деятельность без разрешения на работу или патента (подп. 2 п. 4 ст. 13). Но эта норма не решает всех возникающих трудностей с обеспечением занятости участников Государственной программы.

Еще более острой проблемой получения российского гражданства участниками Государственной программы является требование регистрации по месту жительства [4] как выполнение основного условия приема в гражданство¹. Частично проблемы с трудностями регистрации были решены принятием Федерального закона от 27 декабря 2018 г. N 544-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» (далее — Федеральный закон N 544-ФЗ). В соответствии с действующей редакцией ч. 7 ст. 14 Закона о гражданстве право подать заявление о приобретении российского гражданства возникает для лиц, которые не только имеют регистрацию по месту жительства, но и для лиц, которые состоят на учете по месту пребывания на территории субъекта, выбранного ими для постоянного проживания в соответствии с Государственной программой. Внесенные изменения существенно упростили получение российского гражданства указанной категорией лиц.

Но проблемы остаются²: не все арендодатели соглашаются регистрировать семьи участников Государственной программы по месту их проживания, многие не могут найти постоянную работу, что не позволяет им приобрести или арендовать на длительное время жилье. Таким образом, не все соотечественники могут получить даже регистрацию по месту аренды жилого помещения. Это также затрудняет возможность получения российского гражданства. Законодательное регулирование статуса участников Государственной программы содержит ряд проблем³, решение которых может улучшить ситуацию с интеграцией соотечественников в российское общество. Это станет вкладом в достижение цели защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, обозначенной в Концепции миграционной политики.

Указанная задача по обеспечению защиты и сохранения русской культуры может быть решена путем использования положений, внесенных в законодательство о гражданстве Федеральным законом N 544-ФЗ. В соответствии с новой ч. 7 ст. 14 Закона о гражданстве российское гражданство может быть предоставлено в упрощенном порядке в том числе русскоязычным лицам, в случае, когда в странах их проживания имеет место вооруженный конфликт или массовые грубые нарушения прав данной категории граждан по признакам национальности, родного языка, вероисповедания и т. д. Полномочием по определению указанной категории граждан наделяется Президент РФ. Норма уже принята и действует, но представляется спорным предусмотренное расширение полномочий Президента РФ, поскольку системный анализ законодательства Российской Федерации, в том числе конституционных норм⁴, позволяет сделать вывод, что надлежащей правовой формой регулирования вопросов гражданства являются только федеральный закон и международный договор Российской Федерации, принятие иных нормативных правовых актов возможно только для их последующей конкретизации. Подход, согласно которому гражданство приобретается в соответствии с законом, закреплен в конституциях многих государств⁵.

¹ В соответствии с постановлением Правительства РФ от 15 января 2007 г. N 9 "О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации" постоянно или временно проживающий в России иностранный гражданин, обладающий правом пользования жилым помещением, находящимся на территории Российской Федерации, для осуществления регистрации по месту жительства подает непосредственно в территориальный орган Министерства внутренних дел РФ в месте нахождения жилого помещения заявление, в котором указываются вид и реквизиты документа, подтверждающего право на проживание в Российской Федерации; адрес, по которому иностранный гражданин просит его зарегистрировать; документы, подтверждающие право пользования жилым помещением в соответствии с законодательством Российской Федерации.

² На это косвенно указывает минимальное увеличение количества принятых в российское гражданство лиц даже после принятия рассматриваемого изменения: за первый квартал 2019 г. было принято 63 249 человек, что на 3,37% больше, чем за соответствующий период 2018 г.

³ В частности, можно указать на ограниченность распространения прав участника Государственной программы на всех членов его семьи, которые распространяются только на выехавших вместе с ним родственников. Если родственники не смогли выехать вместе с участником Государственной программы, то они получают все документы для проживания на территории Российской Федерации в общем порядке, что затрудняет воссоединение семей.

⁴ Так, согласно ч. 1 ст. 6 Конституции РФ гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом. В статье 62 Конституции РФ оговаривается возможность наличия гражданства иностранного государства (двойного гражданства), только если это предусмотрено законом или международным договором Российской Федерации. Законом о гражданстве (ст. 2) установлено, что вопросы гражданства Российской Федерации регулируются Конституцией РФ, международными договорами Российской Федерации, данным Федеральным законом, а также принимаемыми в соответствии с ними другими нормативными правовыми актами Российской Федерации.

⁵ См., например, ст. 8 Конституции Бельгии, ст. 4 Конституции Греции, ст. 68 Конституции Исландии, ст. 11 Конституции Испании, ст. 10 Конституции Казахстана, ст. 34 Конституции Польши и др. Гражданами Португалии являются все, кто признан ими по закону или международному соглашению (ст. 4 Конституции Португалии).

Кроме того, как подчеркнул Конституционный Суд РФ в Определении от 5 марта 2009 г. N 528-О-О, Всеобщая декларация прав человека, закрепляющая право каждого человека на гражданство (ст. 15), и Международный пакт о гражданских и политических правах, предусматривающий право каждого человека, где бы он ни находился, на признание его правосубъектности (ст. 16), также исходят из того, что регламентация порядка приобретения и утраты гражданства относятся к компетенции национального законодателя. Таким образом, правовое регулирование вопросов гражданства — прерогатива органов законодательной власти.

В свою очередь, Президенту РФ согласно ст. 89 Конституции РФ принадлежит полномочие по решению вопросов гражданства Российской Федерации. Следует подчеркнуть, что полномочие по решению вопросов гражданства Российской Федерации не является абсолютным, так как реализуется в пределах, установленных законом. Из этого следует, что Президент РФ может принимать решения о предоставлении гражданства в индивидуальном порядке, но не определять категории иностранных граждан и лиц без гражданства, к которым будет применен определенный порядок предоставления гражданства. Это является предметом законодательного регулирования Закона о гражданстве, которым определяются принципы гражданства Российской Федерации и правила, регулирующие отношения, связанные с гражданством Российской Федерации, основания, условия и порядок приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации (ст. 1).

В Законе о гражданстве определены условия и категории лиц, которые могут получить российское гражданство в упрощенном порядке. В отношении новых категорий, которые могут быть определены Президентом РФ, не установлены никакие критерии. Это означает, что Президентом РФ могут устанавливаться категории лиц, которые полностью или частично уже отнесены законом к лицам, имеющим право в упрощенном порядке получить российское гражданство. Однако правила приема для них будут иными. Таким образом, будет создаваться дублирующая система подзаконного регулирования приема в российское гражданство.

Реализация положений ч. 8 ст. 14 Закона о гражданстве нашла отражение в Указах Президента РФ от 24 апреля 2019 г. N 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» и от 29 апреля 2019 г. N 187 «Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации

в упрощенном порядке» (далее — Указ N 187). Содержание указов подтвердило риски, на которые было указано выше. Наличие двух указов с разницей принятия в несколько дней и схожими предметами регулирования с точки зрения принципа системности законодательства может свидетельствовать о непоследовательности в достижении целей миграционной политики. Определение в Указе N 187 в качестве новой категории тех лиц, которые имеют основания для получения российского гражданства по действующему Закону о гражданстве (например, указанных в подп. «в» п. 1), вызывает вопросы: дублирование либо обусловлено неэффективностью регулирующего воздействия норм законодательства о гражданстве, либо свидетельствует о проблеме регулирования миграционной политики.

Принятие большого числа иностранных граждан¹ в российское гражданство несет политические и социально-экономические риски. Не менее серьезные последствия для института российского гражданства повлечет их принятие без учета существующих нормативных требований, установленных Законом о гражданстве. Рассматриваемые изменения регулирования института российского гражданства в том числе появление правовой неопределенности п. 8 ст. 14 Закона о гражданстве и возможность применения различных требований для получения российского гражданства к одинаковым категориям лиц, могут привести к нарушению основополагающего принципа правового государства — принципа равенства, гарантированного ст. 19 Конституции РФ для каждого.

При приеме в российское гражданство у иностранного гражданина не всегда есть возможность отказаться от предыдущего гражданства. Таким образом, многие российские граждане остаются гражданами иностранного государства. Реализация упомянутых выше указов Президента РФ увеличит их число. Однако законодательство Российской Федерации содержит запреты и ограничения для российских граждан, имеющих иностранное гражданство. Решение указанного вопроса может сказаться на обеспечении национальной безопасности Российской Федерации, защита которой указана как цель миграционной политики.

Федеральным законом от 4 июня 2014 г. N 142-ФЗ введен порядок письменного уведомления гражданином Российской Федерации о наличии у него иного гражданства или документа на право постоянного проживания в иностранном государстве в территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции. Это обязанность всех граждан Российской Федерации, имеющих или получивших иное граждан-

¹ В положениях обоих указов перечислено несколько категорий лиц, которые вместе с членами их семей составляют несколько миллионов человек. Например, численность населения ЛНР и ДНР согласно официальной статистике составляет 3,7 млн человек. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/04/16/5cb229979a794766cfbd086b> (дата обращения: 05.05.2019). По официальным данным МВД России на территорию Российской Федерации с 1 апреля 2014 г. по 2 апреля 2019 г. въехало и осталось 925 528 граждан Украины с территорий ДНР и ЛНР. URL: <https://echo.msk.ru/blog/aav/2419361-echo/> (дата обращения: 05.05.2019).

данство либо вид на жительство или иной действительный документ, подтверждающий право на его постоянное проживание в иностранном государстве. Обязанность наступает в течение 60 дней со дня приобретения данным гражданином иного гражданства или получения им документа на право постоянного проживания в иностранном государстве.

Указанные положения содержатся в ст. 6 «Двойное гражданство» Закона о гражданстве. Представляется, что следует различать термины «двойное гражданство», «гражданство иностранного государства» или «множественное гражданство». Как правило, в международно-правовых актах используется понятие «множественное гражданство». Например, в ст. 2 Европейской конвенции о гражданстве 1997 г. дано определение понятия «множественное гражданство» — наличие у одного и того же лица одновременно гражданства двух и более государств. Некоторую путаницу в использование терминов «двойное гражданство» и «гражданство иностранного государства» внесла норма ч. 1 ст. 62 Конституции РФ, из текста которой можно сделать вывод об одинаковом содержании указанных понятий. Не всегда на различие обращается внимание в научной и учебной литературе [1]. В то же время в законодательстве регулирование статуса лица с двойным гражданством и российского гражданина, имеющего гражданство иностранного государства, существенным образом различается.

В отличие от гражданства иностранного государства или «второго гражданства», правовой статус гражданина, имеющего «двойное гражданство», — это особый правовой режим в отношении граждан двух государств, которые заключили между собой договор (соглашение) и урегулировали вопросы, разграничивающие их компетенцию в отношении исполнения прав и обязанностей их граждан. Это могут быть вопросы определения налогообложения, исполнения воинской обязанности, исполнения наказания и т. п. В этом случае каждое государство, заключившее договор (соглашение), официально рассматривает граждан, имеющих двойное гражданство, не только как граждан своей страны. Российского гражданина, имеющего гражданство иностранного государства, Российская Федерация рассматривает прежде всего, как гражданина России, что и отражено в ч. 1 ст. 6 Закона «О гражданстве». Исключением является наличие международного договора. После распада СССР предполагалось, что статус лиц с двойным гражданством поможет га-

рантировать гражданам бывшего СССР соблюдение прав и законных интересов на территориях образованных независимых государств. Однако заложенный в институте двойного гражданства потенциал оказался не реализованным по разным причинам. В настоящее время действует только¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства 1995 г.

Таким образом, исходя из определения двойного гражданства как особого правового режима, возникают сомнения в том, что уведомление о наличии гражданства иностранного государства или документа на право постоянного проживания в иностранном государстве являются вопросами двойного гражданства и должны быть предметом регулирования ст. 6 Закона о гражданстве. Представляется, что это вопросы, связанные со статусом гражданина Российской Федерации, имеющего гражданство иностранного государства. Они должны регулироваться актами, которые регулируют отношения, связанные с ограничением прав соответствующего лица.

Законодательство Российской Федерации содержит существенный перечень ограничений прав российских граждан, имеющих иностранное гражданство или вид на жительство в иностранном государстве², который продолжает расширяться. В то же время в Конституции РФ установлено, что наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации (ч. 2 ст. 62). Это конституционное положение исходит из презумпции равного правового статуса для всех российских граждан. Аналогичные нормы содержатся в законодательстве иностранных государств: как правило, должности государственной гражданской службы могут быть замещены иностранными гражданами и лишь в отношении некоторых должностей установлены ограничения³.

В Конституции РФ установлено, что исключения из общего правового статуса российского гражданина должны быть закреплены в федеральном законодательстве. В частности, для обеспечения национальной безопасности могут потребоваться соответствующие правовые механизмы. Но в законодательстве не могут устанавливаться любые ограничения. Они должны быть обоснованы аргументами, доказывающими невозможность обеспечить защиту ценностей, перечисленных в ч. 3 ст. 55 Конституции

¹ В определенной степени на двойное гражданство указывают нормы Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь "О создании Союзного государства" 1999 г., которыми устанавливается будущее гражданство Союзного государства, с едиными документами, его подтверждающими, однако до принятия союзного нормативного правового акта в области гражданства действует национальное законодательство.

² Указанные нормы содержатся, например, в Федеральных законах от 17 января 1992 г. N 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации", от 21 июля 1997 г. N 114-ФЗ "О службе в таможенных органах Российской Федерации", от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ "О воинской обязанности и военной службе", от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации".

³ Например, иностранные граждане не допускаются к прохождению экзаменов на административную службу Индии и на службу в полицию Индии; во Франции иностранные граждане не могут быть допущены к так называемым должностям суверенитета (emplois dits de souverainet), т.е. должностям в системе правосудия, внутренних дел, обороны, иностранных дел и должностям, определяемым с учетом характера выполняемых функций и обязанностей. Но в приведенных случаях речь идет об иностранцах, а не о собственных гражданах, имеющих второе гражданство иностранного государства.

РФ, без ограничений прав и свобод человека и гражданина. В ином случае речь идет о нарушениях прав человека.

Наличие ограничений для занятия должностей гражданской и муниципальной службы российскими гражданами, имеющими иностранное гражданство, приводит к таким правовым коллизиям, которые с трудом могут быть разрешены правовыми средствами. Например, в связи с принятием Республики Крым и города федерального значения Севастополь в состав Российской Федерации российскими гражданами были признаны по официальным данным более 2 млн жителей Крыма, которые ранее, как правило, состояли в гражданстве Украины. В соответствии с законодательством¹, чтобы избежать наличия иностранного гражданства, российские граждане, проживающие на территории Крыма, должны были подать заявление о нежелании состоять в гражданстве иностранного государства. Вместе с тем представлялся документ, подтверждающий наличие иного гражданства. На практике такие заявления подали немногие жители Крыма. Самодействие по письменному уведомлению органов МВД России об отказе от гражданства Украины не может означать реальный выход лица из гражданства Украины, поскольку уведомление сделано в одностороннем порядке, решение государственных органов Украины отсутствует. Сдав украинский паспорт, лицо не лишается гражданства, никто не помешает заявить о его утрате и восстановить документ в государственных органах Украины. Все это означает, что с момента принятия Республики Крым на территории России фактически складываются разные режимы для российских граждан, имеющих гражданство иностранного государства. Эта ситуация усугубляется при реализации вышеупомянутых указов Президента РФ.

Поскольку ограничения для лиц, работающих на государственную или муниципальную службу и занимающих должности, занятие которых несовместимо с наличием гражданства иного государства, продолжают существовать, предпринимаются законодательные попытки выйти из сложившегося положения неопределенности. Одной из них является проект федерального закона № 547034-7 «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации». В законопроекте закреплен порядок отказа от иного иностранного гражданства и уведомления органов государственной власти Российской Федерации об этом факте. За основу была взята процедура отказа от иностранного гражданства при приеме в российское гражданство граждан Украины (п. «в» ч. 2.1 ст. 14 Закона о гражданстве)². Представляется, что введение режимов отказа от иностранного гражданства не решает полностью проблему выхода заявителя из

гражданства. Закрепленная в Законе о гражданстве процедура при приеме в российское гражданство украинцев направлена на подтверждение факта написания заявления, но не факта его отправки или реального выхода из гражданства.

Таким образом, для снятия правовой неопределенности необходимо выработать и закрепить в законодательстве механизм официального признания Российской Федерацией российского гражданина не обладающим гражданством иностранного государства. При этом следует учитывать, что указанное признание и правовой факт выхода из гражданства иностранного государства могут не совпадать. Но государство не всегда способно получить правовые доказательства отсутствия связи между человеком и иностранным государством. Кроме того, эта связь не всегда бывает официальной. Поэтому федеральное законодательство не должно поддерживать чрезмерные запреты для занятия большого числа государственных и муниципальных должностей, как это сделано в действующем законодательстве. Апокалиптические меры национальной безопасности должны решаться иными методами.

В действующей Концепции миграционной политики не указываются способы обеспечения социально-экономического развития страны и повышения качества жизни ее населения, не определяются требования к качественной характеристике миграционного потока. В предыдущей Концепции миграционной политики³ в качестве стратегической задачи значилось создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, прежде всего на долгосрочной основе (п. 8). Поэтому неясно, каким образом можно достичь экономического развития России в современную цифровую эпоху без требований к качественным характеристикам миграционного потока. Действующее законодательство, регулирующее порядок приобретения российского гражданства, не может самостоятельно ставить и достигать такие цели.

Законодательство о гражданстве Российской Федерации выделяет несколько категорий лиц, обладающих определенной квалификацией, профессией, специальностью или соответствующим образованием и имеющих право на льготы при получении российского гражданства. В соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 13 Закона о гражданстве наличие у лица высоких достижений в области науки, техники и культуры; обладание лицом профессией либо квалификацией, представляющими интерес для Российской Федерации, позволяют ему получить гражданство Российской Федерации в общем порядке при условии проживания на территории Российской Федерации не менее

¹ См.: ч. 4 ст. 4 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

² Изменения внесены Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

³ См.: Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утв. Президентом РФ 8 июня 2012 г. № Пр-1490.

одного года. Это отличается от общего требования проживания не менее пяти лет на территории России для иностранных граждан, желающих получить российское гражданство. Но за период с 2014 г. по первую половину 2018 г. по указанному основанию только четыре человека получили гражданство Российской Федерации.

Не отличается высокими результатами действие нормы ст. 14 Закона о гражданстве, касающееся рассматриваемой категории лиц. На основании п. «е» ч. 2 ст. 14 Закона о гражданстве¹ принимается незначительное количество лиц: за 2015 г. — 255 чел., что составляет 0,12 % от общего числа лиц, получивших российское гражданство, за 2016 г. — 690 чел. (0,26 %), за 2017 г. — 292 чел. (0,11 %) и за первую половину 2018 г. — 257 чел. (0,20 %). Совершенно не работают нормы п. п. «ж», «з» и «и» ч. 2 ст. 14 Закона о гражданстве, введенные (вместе с нормами п. «е» ч. 2 указанной статьи) Федеральным законом от 1 мая 2016 г. N 124-ФЗ с целью оказать влияние на качество миграционного потока и повысить инвестиционную привлекательность Российской Федерации. За все время действия указанных норм не было принято ни одного лица по указанным основаниям. И только в 2018 г. (за первую половину) было принято 20 человек на основании п. «и» ч. 2 ст. 14 Закона о гражданстве (квалифицированные специалисты). Все это означает, что нормы, направленные на изменение качества общего потока лиц, получающих российское гражданство, работают неэффективно. Необходимо скорректировать стратегические цели миграционной политики и искать законодательные решения проблемы повышения качества миграционного потока. Иначе цели повышения социально-экономического развития России и качества жизни ее населения, поставленные в Концепции миграционной политики, не будут достигнуты.

Привлекательным и эффективным правовым решением с точки зрения повышения уровня образования и профессиональной подготовки потенциальных российских граждан представляется законодательное закрепление преференций для иностранных граждан, успешно закончивших российские образовательные организации высшего образования [3]. Законопроект с таким содержанием был разработан, однако его концепция была крайне

неудачной. Лицам, которые завершили обучение в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова или Санкт-Петербургском государственном университете либо в иных федеральных университетах или национальных исследовательских университетах, предлагалось предоставить право обратиться с заявлениями о приеме в российское гражданство в упрощенном порядке. Закрепление конкретных организаций высшего образования, дающих определенные права своим выпускникам, не согласуется с принципом равенства прав граждан, гарантируемого как международными актами, так и ст. 19 Конституции РФ. Кроме того, законопроект устанавливал излишние требования для получения российского гражданства к указанной категории иностранных граждан, среди которых: отличные оценки, владение русским языком, наличие ходатайства образовательной организации высшего образования и др. В целом законодательное установление большого количества условий, обоснованность которых вызывает сомнения, не делает аналогичные законопроекты жизнеспособными. Необходимо минимизировать требования к указанной категории лиц, которые в течение нескольких лет учебы смогли выучить русский язык, получить специальность, соответствующую российским стандартам, адаптироваться в российском обществе и имеют благоприятный возраст, чтобы реализоваться как высококлассные специалисты и как российские граждане. Указанные лица смогут внести вклад в социально-экономическое развитие Российской Федерации, о котором говорится в Концепции миграционной политики. Поэтому необходимы соответствующие законодательные решения.

Эффективное регулирование института гражданства является важным фактором в обеспечении реализации миграционной политики Российской Федерации, в том числе в решении экономических и демографических проблем страны. Для выполнения указанной функции необходимо точно и четко ставить стратегические цели миграционной политики, определять способы их достижения. В процессе обеспечения миграционной политики изменение законодательства о гражданстве должно происходить на основе безусловного соблюдения норм Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Авакьян, С. А. Конституционное право России: Учебный курс: В 2 т. М., 2017. Т. 1.
2. Андриченко, Л. В. Миграционное законодательство в системе российского законодательства // Журнал российского права. 2018. N 3.
3. Плюгина, И. В. Вопросы трудовой деятельности обучающихся в России иностранных граждан // Журнал российского права. 2011. N 6.
4. Плюгина, И. В. Институт регистрационного учета: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. N 3.

¹ Это лица, которые получили после 1 июля 2002 г. профессиональное образование по основным профессиональным образовательным программам, имеющим государственную аккредитацию, в образовательных или научных организациях Российской Федерации на ее территории и осуществляют трудовую деятельность в Российской Федерации в совокупности не менее трех лет до дня обращения с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации.

Налоговые правонарушения и налоговые преступления: вопросы разграничения, проблемы выявления и расследования

Исабеков Руслан Шамильевич, студент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Ростов-на-Дону)

В статье дано понятие налогового преступления, отличие его от налогового правонарушения, рассмотрены формы совершения налоговых правонарушений и преступлений. Произведен анализ проблем при расследовании преступлений и обобщение судебно-следственной практики.

Ключевые слова: налоговые правонарушения, налоговые преступления, общественная опасность.

На сегодняшний день нестабильность и сложность налогового законодательства, вызванная внесением различных поправок в него, невысокий уровень налогового правосознания населения и недоверие физических и юридических лиц к налоговой системе повышает риски уклонения от уплаты налогов, которые формируют отправную точку к развитию теневой экономики, вызывая к тому же угрозу экономической безопасности государства. Количество уклонений от уплаты налогов растёт в геометрической прогрессии из года в год, что несомненно отражается на социальной и экономической ситуации в Российской Федерации.

В статье 106 НК РФ налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное деяние налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность. [1]

Уголовный кодекс в главе «Преступления в сфере экономической деятельности» предусматривает уголовную ответственность за преступления в сфере налогообложения, а именно в статьях 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ. Налоговое преступление в 22 главе раскрывается как совершенное в налоговой сфере противоправное деяние, преступный характер которого признан действующим уголовным законодательством РФ. Из анализа вышеизложенного понятия можно сделать вывод, что налоговое преступление содержит в себе те же самые элементы налогового правонарушения. Поэтому само по себе существование преступления без налогового правонарушения невозможно. Оно же становится налоговым преступлением при наступлении общественно опасных последствий.

ФНС РФ активно содействует органам исполнительной ветви власти, а именно: МВД РФ, ФСБ РФ, Генеральной прокуратура РФ, СК РФ и соответственно особое взаимодействие органов придает деятельности по предупреждению и пресечению налоговых преступлений и правонарушений особое значение. Например, ФНС РФ в своем докладе отразил статистику по результатам проведенных налоговых проверок, которые проводились в отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, по результатам проведенных налоговых проверок в отношении юридических и индивидуальных предпринимателей в 2018 году было выявлено 98,3 тыс. правонарушений. [3, с. 22–23]

Для установления степени общественной опасности правонарушения и в целях отграничения правонарушений от преступлений используется критерий наличия или же отсутствия наступивших тяжких последствий, одним из которых, например, является размер причиненного имущественного ущерба. В УК РФ в целях обозначения размера причиненного ущерба, используются такие критерии, как «значительный», «крупный», «существенный». Например, крупным размером ущерба по статье 199 УК РФ признается сумма налогов, сборов, страховых взносов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более пяти миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов превышает 25 процентов подлежащих уплате сумм налогов, сборов, страховых взносов в совокупности, либо превышающая пятнадцать миллионов рублей, а особо крупным размером — сумма, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более пятнадцати миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов превышает 50 процентов подлежащих уплате сумм налогов, сборов, страховых взносов в совокупности, либо превышающая сорок пять миллионов рублей. [2, ст.199]

Необходимо отметить, что налоговые правонарушения и налоговые преступления имеют характеризующие их особенности по субъектам, субъективной стороне и ответственностью. С одной стороны, субъектом налоговых преступлений могут быть исключительно физические лица, в то время как субъектом налоговых правонарушений являются как физические, так и юридические лица. Особенность ответственности заключается в том, что за налоговые преступления санкциями статьи предусматриваются различные виды наказания, в том числе и лишение свободы, однако за совершение административного правонарушения санкции статьи ограничиваются административным штрафом. Помимо всего вышеизложенного отличие налоговых преступлений определяется также сложностью в доказывании. В процессе доказывания налоговых преступлений, как практика показывает, у органов предварительного следствия возникает сложность, к примеру, создать доказательную базу, подтверждающую умысел подозреваемых (обвиняемых) на совершение преступлений.

Форма совершения налоговых правонарушений может выражаться как умыслом, так и неосторожностью. В то время как налоговые преступления, доктриной уголовного права предполагают возможность совершения налоговых преступлений в форме неосторожности. Однако судебная практика однозначно не допускает подобного толкования. Налоговые преступления совершаются только при наличии прямого умысла в целях полной или частичной их неуплаты.

Исследование судебной практики по налоговым преступлениям, позволяет прийти к выводу о том, что с каждым днем статьи 198 и 199 УК РФ все чаще становятся востребованными правоохранительными органами. Также име-

ется тенденция переквалификации того или иного преступления стороной защиты, тем самым смягчив приговор. В УПК РФ определено, что на этапе судебного следствия возможна переквалификация содеянного лишь в сторону смягчения наказания. В отдельных случаях удается добиться и оправдания подзащитного.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, следует сказать, что налоговые правонарушения представляют меньшую общественную опасность по сравнению с налоговыми преступлениями, ответственность за совершение которых устанавливается УК РФ. Ответственность за налоговые правонарушения закреплена в НК РФ и КоАП.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) Часть 1 от 31.07.1998 N146ФЗ (принят ГД ФС РФ 16.07.1998) (действующая редакция от 29.10.2019).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 16.07.1998) (действующая редакция от 16.10.2019).
3. Гаг, И. А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2013. 175 с.

Защита персональных данных: обзор судебной практики

Касаткин Александр Александрович, студент
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Статья рассматривает три случая судебной практики в контексте ФЗ № 152 «О персональных данных».

Ключевые слова: *персональные данные, оператор, защита персональных данных, право на информацию, конфиденциальность данных, Закон и СМИ, обработка персональных данных, Указания о ведении кассовых операций.*

В большом постоянно меняющемся мире, где главным товаром уже давно не является сырьевой продукт, а информация, следует уделить особое внимание тому, что даётся нам по праву рождения, т. е. личные неимущественные права, а именно персональные данные. Как следствие, защита персональных данных в РФ стремительно развивается. СМИ и интернет-операторы вынуждены доказывать в судах, что выкладываемая ими информация является достоверной и не нарушает прав граждан или организаций.

С 1 января 2007 г. вступил в силу Федеральный закон «О персональных данных», которым регулируются отношения в области сбора, изменения и передачи сведений федеральными органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами, органами местного самоуправления, не входящими в систему органов местного самоуправления муниципальными органами, а также юридическими и физическими лицами с использованием средств автоматизации и без использования таких средств.

Цель этого закона — защита прав и свобод человека при обработке его персональных данных, в том числе прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Согласно статье 3 Федерального закона № 152 от 27.07.2006 «О персональных данных» персональные данные представляют собой любую информацию, относящуюся прямо или косвенно к определённому или определяемому физическому лицу.

Оператор — государственный орган, муниципальный орган, юридическое и физическое лицо самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных, а также определяющие действия (операции) над ними.

Рассмотрим случаи из судебной практики.

Конституционный суд определением от 26 мая 2016 № 1158-О отказал гражданке N в принятии жалобы к рассмотрению. Она пыталась получить необходимую ей информацию о других людях, бывших коллегах без их согласия. Следует отметить, что, не получив необходимой информации, гражданка подала жалобу на противоречие ст.7 ФЗ № 152 её конституционным правам.

Статья 7. Конфиденциальность данных:

Операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Она сочла, что это противоречит части 4 статьи 29 Конституции РФ. Т. е. недопустимость получения персональных данных от третьих лиц без согласия самого физического лица, по её мнению, противоречат самим демократическим основам, где «каждый имеет права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ч.4 ст.29 К РФ).

Итог: в рассмотрении жалобы было отказано.

Во втором случае было выявлено нарушение и вынесено решение в пользу истцов. Газета «Лабинские вести» опубликовала персональные данные несовершеннолетней гражданки без её согласия и согласия её законного представителя. Опубликовали фамилию, имя, сведения о школе, в которой гражданка обучалась.

За нарушения требования статьи 4 Закона «О средствах массовой информации» N 2124–1, где сказано, что не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, газета, в лице главного редактора была предупреждена, но продолжала публиковать персональные данные прочих несовершеннолетних граждан без их согласия.

Газету закрыли. Попытка обжаловать решение ничего не дало: в определении Верховного Суда РФ от 24.06.2015 N 18-АПГ15–7 судьи не нашли оснований для отмены решения суда первой инстанции. Во-первых, новелла статьи 16 закона «О СМИ» является основанием для закрытия данной газеты.

Статья 16 закона «О СМИ»:

«...Деятельность средства массовой информации может быть прекращена или приостановлена только по решению учредителя либо судом в порядке административного судопроизводства по иску регистрирующего органа...».

«...Основанием для прекращения судом деятельности средства массовой информации являются неоднократные в течение двенадцати месяцев нарушения редакцией требований статьи 4 настоящего Закона, по поводу которых регистрирующим органом делались письменные предупреждения учредителю и (или) редакции (главному редактору), а равно неисполнение постановления суда о приостановлении деятельности средства массовой информации. Предупреждение является ненормативным актом регистрирующего органа, издаваемым в целях профилактики нарушений законодательства о средствах массовой информации и указывающим на их недопустимость...»

Во-вторых, статья 3 ФЗ № 152 прямо определяет, что такие персональные данные, и к этим данным, в частности, относятся фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное

положение, образование, профессия, доходы и другая информация. Они могут обрабатываться только с письменного согласия и только в письменной форме субъекта персональных данных и никак иначе.

Судами не было получено объективных доказательств того, что у редакции газеты «Лабинские вести» были исключительные обстоятельства для распространения персональных данных в защиту общественных интересов.

Следующий пример из судебной практики рассказывает о гражданине, который отказывался по просьбе в обязательном порядке заполнить свои паспортные данные.

Гражданин оформлял возврат денежных средств в магазине «Покупочка» и ему было предложено заполнить заявление, где субъект должен внести свои паспортные данные и предъявить чек, тогда он сможет вернуть свои деньги. Но гражданин отказался и обратился в суд с жалобой. На основе этой жалобы была проведена проверка, в ходе которой было выявлено нарушение за организацией: сбор и обработка персональных данных не подпадают под исключения, прописанные в статье 22 ФЗ № 152 «О персональных данных».

Имеется ввиду часть 2 статьи 22:

Оператор вправе осуществлять без уведомления уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных обработку персональных данных:

1) обрабатываемых в соответствии с трудовым законодательством;

2) полученных оператором в связи с заключением договора, стороной которого является субъект персональных данных, если персональные данные не распространяются, а также не предоставляются третьим лицам без согласия субъекта персональных данных и используются оператором исключительно для исполнения указанного договора и заключения договоров с субъектом персональных данных;

3) относящихся к членам (участникам) общественного объединения или религиозной организации и обрабатываемых соответствующими общественным объединением или религиозной организацией, действующими в соответствии с законодательством Российской Федерации, для достижения законных целей, предусмотренных их учредительными документами, при условии, что персональные данные не будут распространяться или раскрываться третьим лицам без согласия в письменной форме субъектов персональных данных;

4) сделанных субъектом персональных данных общедоступными;

5) включающих в себя только фамилии, имена и отчества субъектов персональных данных;

6) необходимых в целях однократного пропуска субъекта персональных данных на территорию, на которой находится оператор, или в иных аналогичных целях;

7) включенных в информационные системы персональных данных, имеющие в соответствии с федеральными законами статус государственных автоматизированных

информационных систем, а также в государственные информационные системы персональных данных, созданные в целях защиты безопасности государства и общественного порядка;

8) обрабатываемых без использования средств автоматизации в соответствии с федеральными законами или иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, устанавливающими требования к обеспечению безопасности персональных данных при их обработке и к соблюдению прав субъектов персональных данных;

9) обрабатываемых в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о транспортной безопасности, в целях обеспечения устойчивого и безопасного функционирования транспортного комплекса, защиты интересов личности, общества и государства в сфере транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства.

В силу статьи 5 ФЗ № 152 первый судья посчитал, что истребование персональных данных является избыточным.

Статья 5 часть 5 ФЗ № 152: Принципы обработки персональных данных

Содержание и объем обрабатываемых персональных данных должны соответствовать заявленным целям обработки. Обрабатываемые персональные данные не должны быть избыточными по отношению к заявленным целям их обработки.

На основании этого, организация «Покупочка» была привлечена мировым судьёй к административной ответственности, предусмотренной статьёй 13.11 КоАП РФ в виде предупреждения.

Согласно статье 13.11 часть 6 КоАП РФ:

Невыполнение оператором при обработке персональных данных без использования средств автоматизации обязанности по соблюдению условий, обеспечивающих в соответствии с законодательством Российской Федерации в области персональных данных сохранность персональных данных при хранении материальных носителей персональных данных и исключающих несанкционированный к ним доступ, если это повлекло неправомерный или случайный доступ к персональным данным, их уничтожение, изменение, блокирование, копирование, предоставление, распространение либо иные неправомерные действия в отношении персональных данных, при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния

— влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от семисот до двух тысяч рублей; на должностных лиц — от четырех тысяч до десяти тысяч рублей; на индивидуальных предпринимателей — от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц — от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

Но организация «Покупочка» с этим не согласилась и обжаловала решение судьи в вышестоящих инстанциях. Вышестоящие судебные инстанции согласились с выводами мирового судьи, однако уже Верховный Суд РФ постановлением от 15 июня 2016 г. N 25-АД15—3 признал организацию невиновной и отменил все принятые судебные акты в отношении неё.

Судья отметили, что обработка персональных данных выполняется с согласия субъекта. Однако, по нормам покупатель в праве отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврат потраченной суммы денег за товар. При этом продавец обязан соблюдать Указания о порядке ведения кассовых операций с банкнотами и монетой Банка России на территории Российской Федерации, утвержденное Банком России от 12 октября 2011 г. N 373-П (утратило силу с 1 июня 2014 года в связи с изданием Указания Банка России от 11 марта 2014 г. N 3210-У)

В пункте 6.1 Указания Банка России от 11 марта 2014 г. N 3210-У есть такая формулировка: «Кассир выдает наличные деньги после проведения идентификации получателя наличных денег по предъявленному им паспорту или другому документу, удостоверяющему личность в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации (далее — документ, удостоверяющий личность), либо по предъявленным получателем наличных денег доверенности и документу, удостоверяющему личность. Выдача наличных денег осуществляется кассиром непосредственно получателю наличных денег, указанному в расходном кассовом ордере (расчетно-платежной ведомости, платежной ведомости или в доверенности».

Исходя из этих норм, возврат денег покупателю из кассы организации на основании его письменного заявления с указанием его фамилии, имени, отчества и данных документа, удостоверяющего личность, не противоречит требованиям законодательства. Организация «Покупочка» выиграла судебное разбирательство, т. к. отсутствуют основания для привлечения её к административной ответственности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 23.07.2013).
3. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124—1 (ред. от 06.06.2019) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019)
4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019)
5. Указание Банка России от 11.03.2014 N 3210-У (ред. от 19.06.2017) «О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями»

телями и субъектами малого предпринимательства» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.05.2014 N 32404)

6. Дидух, Ю. «Судебная практика по спорам о защите персональных данных» [электронный ресурс] Режим доступа <https://ppt.ru/news/138028> (Дата обращения 22.10.2019)

Дуализм наследования долей в уставном капитале хозяйственных товариществ и обществ

Кессаева Юлия Омаровна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

С развитием экономики и предпринимательской деятельности, усложнением форм собственности и организационно-правовых форм юридических лиц становится крайне важна идея перехода имущества в случае смерти. Важность данной идеи сложно переоценить, так как именно в ней заключается стимул для хозяйствующих субъектов к развитию, расширению и стабилизации своей деятельности, с целью передачи имущества потомкам. Однако многогранность темы наследования ведет к появлению множества казусов и пробелов, один из которых будет рассмотрен в настоящей статье.

Ключевые слова: наследование, наследственное правопреемство, уставный капитал, хозяйственное общество, хозяйственное товарищество, универсальное правопреемство.

Основной принцип российского наследственного права — принцип универсального правопреемства, согласно которому все имущество умершего, включая его долги, при наследовании переходит к его наследникам в неизменном виде как единое целое и одновременно. В случае смерти участника хозяйственного товарищества или общества переход его акций или долей в уставном капитале к наследникам также подчиняется правилам универсального правопреемства, однако имеет ряд особенностей. Переход в порядке наследственного правопреемства доли в уставном капитале хозяйственного товарищества или общества влечет юридические последствия как для наследников умершего участника общества, так и для самой корпорации.

Одной из основных проблем, возникающих при наследовании долей в уставном капитале корпоративного юридического лица, является смешение таких понятий как «право наследника на долю» и «права наследника из доли». Основания для такого смешения усматриваются, прежде всего, в самом Гражданском кодексе Российской Федерации. Например, пункт 6 статьи 93 Гражданского кодекса РФ звучит следующим образом: «Доли в уставном капитале общества переходят к наследникам граждан и к правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества, если иное не предусмотрено уставом общества с ограниченной ответственностью» [1]. Аналогичную формулировку содержит пункт 1 статьи 1176 Гражданского кодекса РФ, которая гласит, что если для перехода к наследнику доли в уставном капитале хозяйственного общества требуется получение согласия остальных участников общества, но в таком согласии от- казано, наследник вправе получить действительную стои-

мость унаследованной доли либо имущество соответствующей стоимости [4, с. 264].

Так как в данных нормах речь идет именно о «переходе доли», анализируя указанные формулировки можно подумывать, что в уставе общества может быть закреплено положение, предусматривающее ограничения для перехода доли в уставном капитале к наследникам. В действительности же это не так, доля в уставном капитале общества переходит к наследникам, принявшим наследство, в безусловном порядке. Под условие можно поставить лишь переход корпоративных прав, закрепленных данной долей, то есть прав участника, возникающих из принадлежащей ему доли [5]. Право наследника на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью возникает у него с момента открытия наследства, в состав которого входит такая доля, в соответствии с принципом универсального правопреемства, вне зависимости от времени его фактического принятия.

В этой связи необходимые разъяснения дает Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума «О судебной практике по делам о наследовании», где указано, что для получения свидетельства о праве на наследство, в состав которого, помимо прочего, входит доля в уставном капитале хозяйственного товарищества или общества, согласие остальных участников данного юридического лица не требуется; а свидетельство является лишь основанием для постановки вопроса об участии наследника в делах общества [2]. Данные разъяснения подтверждают тот факт, что доля в уставном капитале хозяйственного товарищества или общества переходит к наследникам в безусловном порядке. Согласие остальных участников общества может потребоваться лишь на переход к наследнику

корпоративных прав, включая право на участие в делах общества, право на получение информации о деятельности общества и другие.

Подтверждение данной позиции можно найти в пункте 1.4 Методических рекомендаций по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью», где отмечено, что права участника общества не наследуются, но они могут переходить к наследникам либо одновременно с переходом имущественной составляющей доли в уставном капитале общества, либо при условии получения согласия остальных участников общества, когда необходимость получения такого согласия предусмотрена уставом общества [3].

Таким образом, при наследовании долей в уставном капитале хозяйственных товариществ и обществ универсальное правопреемство проявляется лишь в том, что к наследникам переходит «право на долю» в уставном капитале товарищества или общества. Однако «права из доли» не включаются в наследственную массу, и для их приобретения обществом могут быть установлено дополнительное ограничение в виде необходимости получения согласия остальных участников общества.

К тому же, если исходить из определения наследования как перехода имущества умершего к его наследникам, помня, что многие корпоративные права носят неимущественный характер, также следует вывод, что их включение в состав наследственной массы и переход в порядке наследственного правопреемства не представляется возможным.

Таким образом, переход к наследнику в порядке наследственного правопреемства доли в уставном капитале хозяйственного товарищества или общества сам по себе не влечет переход к нему корпоративных прав, закрепленных данной долей. Корпоративные права могут лишь следовать за унаследованной долей, в случае отсутствия к этому препятствий в виде необходимости получения согласия остальных участников общества, либо перейти с получением такого согласия, принеся за собой статус участника такого общества. Такой дуализм при наследовании долей в уставном капитале хозяйственных товариществ и обществ призван обеспечить как имущественные интересы наследников, так и интересы участников корпорации, связанные с личным характером участия в ней.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // СПС Консультант Плюс.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 23.04.2019) «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС Консультант Плюс.
3. Методические рекомендации по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» (утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-КФО, ЦФО РФ 28–29.05.2010) // Нотариальный вестник, 2011. — № 2.
4. Агарков, М. И. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. — М.: Статут, 2012. Т. 2. 587 с.
5. Ярошенко, К. Б. Наследование прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах, обществах и производственных кооперативах // Комментарий судебной практики / Отв. ред. К. Б. Ярошенко. — М.: Контракт, 2017. Вып. 22.

Проблемы взаимодействия компетентных органов при предоставлении государственной услуги по выдаче специального разрешения на движение по автомобильным дорогам федерального значения транспортного средства, осуществляющего перевозку тяжеловесного груза

Кирсанов Егор Евгеньевич, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

Цель: выявление и оценка существующих особенностей взаимодействия компетентных государственных органов при предоставлении государственной услуги по выдаче специального разрешения на движение по автомобильным дорогам федерального значения транспортного

средства, осуществляющего перевозки тяжеловесных и (или) крупногабаритных грузов.

Методы: исследование базируется на изучении внутренней структуры и закономерности развития систем и явлений, их взаимодействия и обусловленности, наблю-

дении явлений, а также на накоплении и отборе фактов, установлении связей между ними.

Результаты и практическая значимость: свидетельство необходимости реформирования на законодательном уровне механизмов взаимодействия компетентных государственных органов при предоставлении государственной услуги по выдаче специальных разрешений и социально-экономические последствия этого.

Научная новизна: определение проблематики, возникающей при взаимодействии государственных органов при выдаче специального разрешения, а также установление необходимости законодательного реформирования означенной сферы.

В настоящее время сфера автомобильных грузоперевозок является наиболее востребованной из многочисленного большинства видов транспортной логистики. По данным Росстата, перевозка грузов и грузооборот автомобильного транспорта на коммерческой основе в РФ в 2017 г. составил 1613,6 млн. т. [1, с. 54] Для сравнения, аналогичный показатель у железнодорожного транспорта составил 1384 млн. т. [2, с. 44].

При подобных показателях грузоперевозок определено ясно, что помимо строительства качественных автомобильных дорог, способных выдержать подобную нагрузку, существует необходимость создания эффективных механизмов возмещения ущерба, причиняемого дорожному покрытию грузоперевозкой сверх законодательно установленных нормативов.

Так, тяжеловесным транспортным средством является транспортное средство, масса которого с грузом или без груза и (или) нагрузка на ось которого превышают допустимую массу транспортного средства и (или) допустимую нагрузку на ось, которые устанавливаются Правительством Российской Федерации. [3]

В современных реалиях ясно, что грузоперевозки могут быть абсолютно разными, начиная от доставки продуктов или иных товаров массового потребления до перевозки железобетонных балок, являющихся опорами строящегося мостового сооружения и т. д. Иными словами, существуют такие виды грузов, перевозка которых невозможна без причинения ущерба автомобильной дороге из-за их конструктивных особенностей, так как масса подобных грузов превышает законодательно установленные допустимые нагрузки, предусмотренные для дорожного полотна.

Для компенсации такого ущерба государством была разработана система предоставления государственной услуги — выдача специального разрешения на движение по автомобильным дорогам федерального значения транспортного средства, осуществляющего перевозки тяжеловесных и (или) крупногабаритных грузов.

Предоставление данной государственной услуги относится к компетенции Федерального дорожного агентства (далее — Росавтодор). [4]

Однако, чтобы получить специальное разрешение на тяжеловесную перевозку, совсем не обязательно обращаться в штаб-квартиру Росавтодора, так как фактически

выдачу специальных разрешений осуществляют подведомственные ему казенные учреждения, которые являются владельцами различных участков автомобильных дорог общего пользования федерального значения.

Важно отметить, что заявление подается в соответствующее казенное учреждение, на территории обслуживания которого начинается маршрут перевозки. [5]

При подаче заявления на выдачу специального разрешения, грузоперевозчик называет только начальную и конечную точки своего пути. Обязанность по выстраиванию наиболее оптимального маршрута движения лежит на должностном лице учреждения.

Маршрут движения транспортного средства может быть абсолютно разным. Проходить как по федеральным трассам, так и по автомобильным дорогам регионального и местного значения, а нередко и по всем трем видам дорог.

Следует пояснить, что система автомобильных дорог подразделяется на дороги федерального, регионального, местного и частного значения. В зависимости от этого различаются и собственники автомобильных дорог. К примеру, в Свердловской области за федеральные трассы отвечает Федеральное казенное учреждение «Федеральное управление автомобильных дорог «Урал» Федерального дорожного агентства», за дороги регионального значения несет ответственность Государственное казенное учреждение Свердловской области «Управление автомобильных дорог», а за автомобильные дороги, расположенные в пределах муниципального образования, несет ответственность соответствующая организация данного муниципалитета. В границах города Екатеринбурга данную работу осуществляет городская Администрация.

Рассматривая ситуацию, когда при выдаче специального разрешения, путь транспортного средства прокладывается через различные виды автомобильных дорог, то при выстраивании маршрута для выдачи только лишь одного специального разрешения, сотруднику учреждения нужно в обязательном порядке получить согласование от каждого органа, контролирующего тот или иной участок автомобильной дороги, по которой будет проходить маршрут тягача. [6]

Требуется это для того, чтобы, во-первых, автопоезд смог добраться из начальной в конечную точку своего маршрута и доставить перевозимый груз в целостности и сохранности, во-вторых, доставить груз с наименьшим ущербом автомобильной дороге и ее конструктивным элементам и исключить возможное причинение вреда жизни и здоровью других участников дорожного движения.

Законодательно утвержденный срок, который дается на выдачу спец. разрешения, по общему правилу составляет 11 рабочих дней. [7]

Совершенно ясно, что при наличии подобной системы, которая обязывает получать согласование у каждого контролирующего автомобильную дорогу органа власти, ухудшает стандарты предоставления государственной услуги и напрямую влияет на ее гибкость, уровень которой не отвечает социальным реалиям жизни общества.

В настоящее время созрела необходимость в создании принципиально новой системы, требующей внедрения инновационных подходов при организации предоставления государственной услуги по выдаче специального разрешения.

Модернизация такой стадии как согласование маршрута с владельцами автомобильных дорог, путем налаживания электронно-цифрового взаимодействия между органами, позволит оптимизировать систему рабочего

процесса, избавит ее от тяжести нюансов бюрократических процедур и, как следствие, положительно отразится на сроках предоставления государственной услуги.

Перевозчик тяжеловесного груза, нуждающийся в его скорейшей транспортировке, сможет получить специальное разрешение в более короткие сроки, а федеральный бюджет получит должное возмещение будучи причиненного ущерба автомобильной дороге.

Литература:

1. Транспорт в России. 2018: стат. сб./ Федеральная служба государственной статистики (Росстат) — М., 2018 — стр. 101.
2. Транспорт в России. 2018: стат. сб./ Росстат.
3. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. N 257-ФЗ (в ред. От 28.03.2019 г.) // Парламентская газета. 14 ноября 2007 г. N 156—157. Ст. 3 п. 17.
4. Об утверждении Положения о Федеральном дорожном агентстве: Постановление Правительства РФ от 23 июля 2004 г. N 374 (в ред. от 22.03.2019 г.) // Российская газета. 29 июля 2004 г. N 160. Пп.5.4.(6)п. 5.
5. Об утверждении Порядка выдачи специального разрешения на движение по автомобильным дорогам тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства: Приказ Министерства транспорта РФ от 5 июня 2019 г. N 167 (в ред. от 06.08.2019 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 26 июля 2019 г.. П. 7.
6. Об утверждении Порядка выдачи специального разрешения на движение по автомобильным дорогам тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства: Приказ Министерства транспорта РФ от 5 июня 2019 г. N 167 (в ред. от 06.08.2019 г.). П. 15
7. Об утверждении Административного регламента Федерального дорожного агентства предоставления государственной услуги по выдаче специального разрешения на движение по автомобильным дорогам транспортного средства, осуществляющего перевозки тяжеловесных и (или) крупногабаритных грузов, в случае, если маршрут, часть маршрута указанного транспортного средства проходят по автомобильным дорогам федерального значения, участкам таких автомобильных дорог или по территориям двух и более субъектов Российской Федерации или в международном сообщении: Приказ Министерства транспорта РФ от 28 марта 2013 г. N 107 « (в ред. 02.07.2013 г.) // Российская газета. 21 июня 2013 г. N 133. П. 14.

Актуальные проблемы обязательного автомобильного страхования в Российской Федерации и пути их разрешения

Колесников Александр Эдуардович, студент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

Страхование автогражданской ответственности (ОСАГО) получило существенное развитие в Российской Федерации, созданы условия для развития системы страховой защиты имущественных интересов населения, предприятий и государства. ОСАГО стало обязательным с момента вступления в силу Федерального закона № 40-ФЗ от 25 апреля 2002 г. «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Данный вид страхования обеспечивает защиту прав потерпевших на возмещение ущерба, причиненного их жизни, здоровью или имуществу, при эксплуатации транспортных средств иными лицами [1]. Эксплу-

атация транспортных средств без наличия полиса ОСАГО подлежит административной ответственности по ст. 12.37 КоАП РФ, предусматривающей административный штраф в размере восьмисот рублей.

Сектор обязательного автострахования выступает в роли крупнейшего открытого рынка страхования России и сосредотачивает в себе значительную часть страховых сборов. Однако, российский страховой рынок можно описать также рядом проблем, которые непосредственно препятствуют развитию самого рынка автострахования, а также оказывают воздействие на положение экономики страны в целом. Изучение проблем ОСАГО в России —

актуальная тема, поэтому в научной литературе имеется множество исследований, в которых проблемы автострахования изобличаются, а также предлагаются пути их разрешения.

Рынок ОСАГО переживает этапы подъема и спада, в результате чего возникает экономическая неопределенность и появляются наиболее острые проблемы. Основными проблемами обязательного автострахования в России в настоящее время являются: вероятность банкротства страховых компаний, рост тарифов, низкое качество материалов при натуральном возмещении вреда, нарушение установленных сроков выплаты, мошенничество.

Большинство страховых организаций терпит убытки в этой сфере, поскольку выплаты по договору ОСАГО превышают сумму страховых премий. Полагаю, с целью разрешения этой проблемы в ФЗ № 40-ФЗ «Об ОСАГО» были внесены изменения, ограничивающие размер выплат при наступлении страхового случая. Размер максимальной компенсации зависит от характера причиненного вреда. Если ущерб был причинен имуществу участников ДТП, то максимальная компенсационная выплата каждому потерпевшему составляет 400 тысяч рублей. В случае причинения вреда жизни или здоровью участников ДТП сумма компенсации составит не более 500 тысяч рублей с учетом того, что 475 тысяч рублей выплачивается выгодоприобретателям, и не более 25 тысяч рублей в счет возмещения расходов на погребение — лицам, понесшим такие расходы. Помимо того, из суммы компенсационных выплат будет вычитаться сумма произведенного страховщиком и (или) ответственным за причиненный вред лицом частичного возмещения вреда [2, с. 121].

Рост тарифов на автострахование является немаловажной проблемой в настоящее время. Изменение базовых ставок страховых тарифов связано со сложной политической и экономической ситуацией. С января 2019 года расширился ценовой коридор полиса ОСАГО. Смещение произошло на 20 % вверх и вниз. В Указании Центробанка определены минимальное и максимальное значение тарифной ставки [3]. Страховая компания самостоятельно устанавливает значение показателя в установленных законом рамках. В результате чего страховщики с целью получения максимальной выгоды устанавливают максимальный тариф, что приводит к росту стоимости полиса ОСАГО на 20 %.

С 2017 года в России действует система натурального возмещения ущерба, причиненного транспортному средству. В соответствии с ч. 15 ст. 12 ФЗ «Об ОСАГО», возмещение вреда в натуре возможно по выбору потерпевшего. Страховая компания будет давать направление в технический центр на проведение восстановительного ремонта автомобиля, то есть прямые денежные компенсации заменены перечислениями на счет автомастерских. Список технических центров, с которыми страховая организация сотрудничает, обязательно публикуется на официальном сайте страховщика. По аргументированному заявлению потерпевший может изменить предложенную

страховщиком мастерскую [4, с. 136]. Однако, все вышперечисленное не отрицает тот факт, что технические центры могут использовать некачественные, ненадлежащие материалы при производстве ремонтных работ.

Введение натурального возмещения вреда по ОСАГО вызвало множество негативных оценок со стороны как граждан, так и юристов, поскольку теперь автовладельцы не могут самостоятельно выбрать где и из каких материалов производить ремонт поврежденного транспортного средства. Для эффективного действия этой нормы необходимо развивать систему лицензирования СТО, специализирующихся на ремонте транспортных средств по ОСАГО, обеспечивать их надлежащими оборудованием и материалами.

Немаловажной проблемой является нарушение установленных законом сроков страховых выплат. В рамках законодательства, выплаты по ОСАГО должны реализовываться в течении 20 календарных дней, но, на практике страховые компании задерживают выплаты до 1–1,5 месяцев, тем самым, нарушают нормы закона. Связано это с несовершенством законодательной базы относительно вопросов установления суммы выплат, поскольку существует несколько способов подсчета нанесенного ущерба, которые, зачастую, отличаются друг от друга. Указанные обстоятельства приводят к возникновению конфликтных ситуаций между потерпевшими и страховщиками [5, с. 172]. Помимо этого, на срок выплаты влияют количество официальных выходных и праздничных дней. Именно поэтому в статье 12 Закона об ОСАГО оговорено, что в нерабочие праздничные дни не включаются в период выплаты.

С целью своевременной страховой выплаты законодатель установил, что страховая компания, преднамеренно задерживающая страховые выплаты, за каждый день задержки начисляет 1 % от утверждённой суммы выплат пострадавшему лицу и 0,5 % в том случае, если страховщик не дает своевременно отказ по страховым выплатам потерпевшему.

В настоящее время довольно часто сообщается о случаях страхового мошенничества. Публикуемая в СМИ информация влияет на формирование негативного отношения граждан к страховым компаниям и самому институту обязательного автострахования. В научной литературе отмечается, что ежегодно российские страховщики теряют около 15 млрд. рублей из-за недобросовестных клиентов и сотрудников [6, с. 41]. Уголовным законодательством РФ предусмотрена ответственность за преступления в сфере страхования — ст. 159.5 УК РФ. Однако, многие случаи мошенничества совершаются сотрудниками страховых компаний, что свидетельствует о высокой латентности этого преступления.

Самым распространенным видом страхового мошенничества являлось заключение договора ОСАГО при помощи поддельного бланка страхового полиса. С целью сокращения числа таких преступлений Банк России с 1 января 2018 года ввел обязательное требование для всех страховых компаний — дополнить бланк страхового по-

лиса QR-кодом (штрих-кодом). Данное изменение законодательства позволяет получить онлайн-сведения о полисе ОСАГО на сайте Российского союза автостраховщиков и быстро определить подлинность документа. Кроме того, подлинность полиса ОСАГО можно определить через официальную базу страховщиков ОСАГО, размещенную на сайте РСА.

Таким образом, мы можем говорить о том, что система автострахования в России нуждается в постоянном совер-

шенствовании и оптимизации. Проблемы в области обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств носят комплексный характер, их решение возможно не только путем внесения изменений в законодательные акты, но и реформированием правоприменительных институтов. Значительный вклад в развитие системы автострахования, несомненно, внесут информирование и правовая консультация граждан по вопросам ОСАГО.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства РФ, 06.05.2002, № 18, ст. 1720.
2. Алексеева, Н. А., Езангина И. А. Проблемы автострахования в Российской Федерации // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. 2017. с. 120–123.
3. Указание Банка России от 04.12.2018 N 5000-У «О предельных размерах базовых ставок страховых тарифов (их минимальных и максимальных значений, выраженных в рублях), коэффициентах страховых тарифов, требованиях к структуре страховых тарифов, а также порядке их применения страховщиками при определении страховой премии по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Официальный сайт Банка России <http://www.cbr.ru/>, 29.12.2018.
4. Кулаченко, А. О. Актуальные проблемы автострахования в Российской Федерации // Дневник науки. № 4 (28). 2019. с. 134–138.
5. Шанихина, Н. Н., Окунева А. А. Проблемы и перспективы развития автострахования в РФ // Международный журнал перспективных исследований. № 1. 2018. с. 169–179.
6. Калашникова, Я. Ю. Актуальные проблемы правового регулирования института ОСАГО в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. № 3 (19). 2017. с. 39–44.

Упрощенные процедуры банкротства: общая характеристика и соотношение с общими процедурами банкротства

Костина Кристина Алексеевна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

С переходом Российской Федерации к рыночной экономике связано появление правового института несостоятельности (банкротства). Правовую основу данного вопроса составляет Федеральный закон от 26.10.2002 № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» [5]. Данный закон не раскрывает понятие «процедур» банкротства или «процедур, применяемых в деле о банкротстве», и содержит лишь их перечень (ст. 27 Закона о (банкротстве)). Так, при рассмотрении дела о банкротстве должника — юридического лица применяются следующие процедуры:

- наблюдение;
- финансовое оздоровление;
- внешнее управление;
- конкурсное производство;
- мировое соглашение.

При рассмотрении дела о банкротстве гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, приме-

няются реструктуризация долгов гражданина, реализация имущества гражданина, мировое соглашение (ст. 27 Закона о банкротстве).

В юридической литературе высказывались различные точки зрения относительно правовой природы процедур банкротства. По мнению О. А. Студенцовой, под процедурой банкротства «понимается совокупность действий суда, уполномоченных органов и лиц, кредиторов, должника, третьих лиц, осуществляемых в рамках законодательства о несостоятельности (банкротстве), направленных на финансовое оздоровление организации-должника, заключение им мирового соглашения, либо при объективной невозможности таковых действий — соразмерное удовлетворение требований кредиторов и его ликвидацию» [4].

С точки зрения П. Ф. Попондуполо Закон о банкротстве употребляет термин «процедуры банкротства» ус-

ловно, так как процедурой банкротства в точном смысле слова является лишь конкурсное производство, которое применяется к должнику, признанному арбитражным судом банкротом. Остальные процедуры не являются в точном смысле слова процедурами банкротства, так как применяются к должнику, еще не признанному банкротом (например, наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление), либо реализуются за пределами производства по делу о банкротстве (например, мировое соглашение) [2].

Каждая из процедур имеет свою цель, содержание и сроки реализации. Цели процедур достигаются арбитражными управляющими (временным управляющим, административным управляющим, внешним управляющим, конкурсным управляющим, финансовым управляющим) под контролем кредиторов и суда, рассматривающего дело о банкротстве.

Процедуры банкротства можно разделять на реабилитационные, то есть направленные на восстановление платежеспособности должника (финансовое оздоровление, внешнее управление, мировое соглашение), и на ликвидационные, направленные на ликвидацию должника (конкурсное производство) [1].

Упрощенные процедуры банкротства отдельно раскрываются в Главе XI указанного закона и применяются в отношении:

- а) ликвидируемых должников — юридических лиц,
- б) отсутствующих должников — физических или юридических лиц,
- в) специализированных обществ — эмитентов облигаций, обеспеченных залогом денежных требований и иного имущества,
- г) ипотечных агентов (хозяйственных обществ) — эмитентов облигаций с ипотечным покрытием (гл. XI Закона о банкротстве).

Упрощенные процедуры банкротства применяются к субъектам, имеющим специфическое правовое положение — их участие в гражданском обороте не предполагается. Целью данных процедур является скорейшая ликвидация юридического лица либо признания банкротом

гражданина — должника и удовлетворение требований кредиторов без возможности применения реабилитационных процедур, что предполагает переход к конкурсному производству.

Основной особенностью упрощенных процедур банкротства является то, что в отношении должника будет введено конкурсное производство. Процедуры наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления, реструктуризации долгов здесь не применяются.

Кроме того, упрощенные процедуры банкротства характеризуются относительной оперативностью проведения судебного разбирательства и осуществления процедур банкротства, так как применяются в условиях особой хозяйственной ситуации. Это объясняется тем, что субъект — должник фактически не осуществляет предпринимательскую или иную экономическую деятельность, приносящую прибыль (доход). Поэтому в экономических интересах ликвидировать данный субъект в наискорейшие сроки.

Правила о банкротстве в порядке упрощенных процедур являются специальными по отношению к общим процедурам. То есть, ряд норм об общих процедурах не применяется в случае банкротства, например, отсутствующего должника. Так, Пленум ВАС разъяснил: при принятии заявления конкурсного кредитора или уполномоченного органа о банкротстве отсутствующего должника правила пунктов 2 и 3 статьи 6, пункта 2 статьи 7, пункта 2 статьи 41 Закона не применяются [3].

Стоит отметить, что регламентация процедуры банкротства ликвидируемого и отсутствующего должника, специализированного общества и ипотечного агента объединены в одну главу закона практически произвольно, так как взаимного применения правовых норм действующий Закон о несостоятельности (банкротстве) не предусматривает.

В заключение стоит отметить, что, несмотря на выбранную законодателем формулировку «упрощенные» процедуры, каждые конкретные виды данных процедур имеют свои особенности и сложности, являются трудоемкими и требующими грамотного правового подхода к их реализации.

Литература:

1. Андреев, С. Е. Соотношение реабилитационных и ликвидационных аспектов правоотношений в сфере банкротства: Дис.... канд. юрид. наук. М., 2004. с. 73
2. Попондуполо, В. Ф. Процедуры банкротства и обеспечение интересов кредиторов («Предпринимательское право», 2006, N 2) // СПС «Консультант Плюс»
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 N 29 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // «Хозяйство и право», N 2, 2005
4. Студенцова, О. А. Правовое регулирование процедур банкротства по законодательству России и США: сравнительный анализ: Дис.... канд. юрид. наук. М., 2006. с. 10
5. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 03.07.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ, 28.10.2002, N 43, ст. 4190

Дисбаланс правовых норм, регламентирующих закрепление права на материнский (семейный) капитал

Котляр Ольга Александровна, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Важным направлением государственной политики в рамках социального обеспечения является поддержка семей с детьми согласно п.1.ст.38 Конституции Российской Федерации [5], которая утверждает: «материнство, детство и семья находятся под защитой государства». Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 [6] была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на долгосрочный период до 2025 года. Особое место в Концепции отведено вопросу материальной поддержки многодетных семей. Таким образом, происходила закладка фундамента для финансовой защиты материнства, который предположительно станет надежным гарантом семейной стабильности и ее благополучного развития. Президент предложил учредить материнский капитал для семей, в которых родился второй и последующий ребенок, начиная с 1 января 2007 года, с целью улучшения демографической ситуации в стране.

«Базовым нормативным актом в этой сфере является Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [7], которым было введено понятие «материнский (семейный) капитал» (далее — МСК) — средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, установленных Федеральным законом» [8, цит. по 1].

Практическая реализация Концепции на протяжении двенадцатилетнего периода постоянно сталкивается с изменениями, отвечающими современным потребностям общества и находится под влиянием внешних и внутренних макроэкономических тенденций.

Законодательное закрепление и реализация новых видов социального обеспечения, а также изменение размеров и порядка предоставления социальных выплат и услуг не всегда приводит к позитивным результатам. Наряду с введением материнского (семейного) капитала, регулярной индексацией размеров пособий гражданам, имеющим детей, установлением компенсационных выплат части средств, потраченных на содержание ребенка в дошкольном образовательном учреждении, принимаются спорные законодательные решения, например, сокращение сроков выплаты пособий по временной нетрудоспособности в случаях ухода за больным ребенком, изменение порядка исчисления размера пособий по временной нетрудоспособности и по беременности и родам, приведшего к значительному сокращению размера пособий. Разобщенность концептуальных норм в системе формиро-

вания законодательства о социальном обеспечении семьи, материнства, отцовства и детства влечет его низкую эффективность и непрогнозируемые социальные последствия, а иногда и нарушение прав граждан на социальное обеспечение.

Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [9] (далее — Федеральный закон № 256-ФЗ) регулирует отношения социальных выплат особой категории российских граждан. Программа материнского капитала начала свое действие с 1 января 2007 года и успешно функционирует по настоящее время. Ее действие было неоднократно пролонгировано, а объем средств несколько раз индексировался с учетом инфляционных процессов в стране.

Реализация положений Федерального закона № 256-ФЗ возложена на Пенсионный Фонд Российской Федерации и его территориальные отделения.

В настоящее время в рамках концепции государственной поддержки семей, имеющих детей, на первый план выходит низкий уровень правовой грамотности населения. Поэтому территориальные органы Пенсионного фонда Российской Федерации активно проводят информационно-консультативную деятельность с данной категорией населения с целью применения и закрепления права на получение государственного сертификата на материнский (семейный) капитал и распоряжение средствами (частью средств) МСК.

Административными регламентами закреплены действия сотрудников Пенсионного фонда Российской Федерации и его территориальных органов с целью качественного оказания государственных услуг по реализации норм Федерального закона № 256-ФЗ.

Заметна тенденция быстрой реализации во времени права на получение сертификата и использование закрепленных им федеральных средств по направлениям, предусмотренным действующим федеральным законодательством.

Важно отметить, что одновременно совершенствование правоприменительной практики претерпевает значительные изменения и пересмотр с учетом развития общественных и финансовых отношений современного общества. Так, ст.3 Федерального закона № 256-ФЗ гласит:

«Право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей), имеющего гражданство Российской Федерации, у следующих граждан Российской Федерации независимо от места их жительства:

1) женщин, родивших (усыновивших) второго ребенка начиная с 1 января 2007 года;

2) женщин, родивших (усыновивших) третьего ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2007 года, если ранее они не воспользовались правом на дополнительные меры государственной поддержки;

3) мужчин, являющихся единственными усыновителями второго, третьего ребенка или последующих детей, ранее не воспользовавшихся правом на дополнительные меры государственной поддержки, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу, начиная с 1 января 2007 года».

Таким образом, при закреплении своего права заявительницей на МСК путем подачи заявления о выдаче государственного сертификата на МСК в территориальный орган ПФР должно быть соблюдено два важных критерия, касаемо гражданства Российской Федерации: мать должна быть гражданкой Российской Федерации и ее ребенок должен родиться гражданином Российской Федерации. То есть гражданство должно быть у ребенка по рождению на основании ст.12 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [10].

Эта же позиция изложена судом в одном из апелляционных определений [11] и подкреплена ч.7.ст.3 Федерального закона № 256-ФЗ: «Право на дополнительные меры государственной поддержки возникает со дня рождения (усыновления) второго, третьего ребенка или последующих детей независимо от периода времени, прошедшего с даты рождения (усыновления) предыдущего ребенка (детей), и может быть реализовано не ранее чем по истечении трех лет со дня рождения (усыновления) второго, третьего ребенка или последующих детей, за исключением случаев, предусмотренных частью 6.1 статьи 7 настоящего Федерального закона».

Более того, еще в 2016 году Верховный суд изложил свою позицию [12]: право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при наличии гражданства Российской Федерации на дату рождения (усыновления) ребенка как у женщины, родившей (усыновившей) ребенка, так и у ребенка, с рождением (усыновлением) которого закон связывает возникновение этого права.

При этом, в соответствии с частью 1 статьи 12 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», ребенок приобретает гражданство по рождению, если на день рождения ребенка оба его родителя или единственный его родитель имеют гражданство Российской Федерации (независимо от места рождения ребенка); либо один из его родителей имеет гражданство Российской Федерации, а другой родитель является лицом без гражданства, или признан безвестно отсутствующим, или место его нахождения неизвестно (независимо от места рождения ребенка); либо один из его родителей имеет гражданство Российской Федерации, а другой родитель является иностранным гражданином, при условии, что ребенок родился на территории

Российской Федерации либо если в ином случае он станет лицом без гражданства; либо оба его родителя или единственный его родитель, проживающие на территории Российской Федерации, являются иностранными гражданами или лицами без гражданства, при условии, что ребенок родился на территории Российской Федерации, а государство, гражданами которого являются его родители или единственный его родитель, не предоставляет ребенку свое гражданство.

Позиция Конституционного суда Российской Федерации по этому вопросу подкрепляет многочисленную судебную практику. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 25 января 2018 г. № 175-О [13] указал, что право на указанные меры социальной поддержки возникает согласно статье 3 Федерального закона № 256-ФЗ, перечисленных в части 1 данной статьи, при рождении (усыновлении) ребенка (детей), имеющего (имеющих) гражданство Российской Федерации, со дня рождения (усыновления) второго, третьего или последующих детей (части 1 и 7).

Из анализа указанного законоположения в системной связи с иными предписаниями названного Федерального закона (в частности, преамбулой и частью 7 статьи 3, согласно которой право на дополнительные меры государственной поддержки возникает со дня рождения (усыновления) второго, третьего ребенка или последующих детей) следует, что законодатель, исходя из целей установления дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей, признает юридически значимым для приобретения права на дополнительные меры государственной поддержки факт рождения (усыновления) второго, третьего ребенка или последующих детей женщиной — гражданкой Российской Федерации.

Отсутствие у женщин, не являющихся гражданами Российской Федерации на момент рождения второго, третьего ребенка или последующих детей, возможности получения дополнительных мер государственной поддержки в форме материнского (семейного) капитала не может расцениваться как несовместимое с предписаниями положений статей 38 и 39 Конституции Российской Федерации, а также равенством всех перед законом и судом и равенством прав и свобод человека и гражданина (статья 19 части 1 и 2).

Обращаясь в суд граждане, приобретшие гражданство России приводят следующие аргументы в свою защиту на право государственной поддержки семей, имеющих детей.

Согласно разъяснениям Министерства труда Российской Федерации [14] (данная позиция доведена до территориальных органов ПФР письмом, дающим право ПФР и его территориальным органам на выдачу государственного сертификата при наличии гражданства России на момент обращения с заявлением), Федеральный закон № 256-ФЗ не ставит в зависимость факт возникновения и реализации указанного права от оснований приобретения гражданства Российской Федерации. Обязательным

условием возникновения права на дополнительные меры государственной поддержки в соответствии с Федеральным Законом является наличие гражданства Российской Федерации на день обращения в территориальный орган ПФР с заявлением о выдаче государственного сертификата на МСК.

Таким образом, при обращении с заявлением о выдаче государственного сертификата на МСК гражданином, имеющим паспорт России и свидетельствами о рождении детей, выданными за пределами страны, с нотариально заверенным переводом и штампом органов Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации, независимо от основания включения в гражданство Российской Федерации, при отсутствии других оснований для отказа в выдаче дан-

ного бланка, подтверждающего право на дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей, право ему будет предоставлено.

Представляется, что наиболее верной и объективной все же является позиция Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в Обзоре судебной практики от 22.06.2016 года, которая связывает право с моментом рождения гражданином России гражданина нашей страны. Она напрямую отражает цель Концепции демографической политики Российской Федерации на долгосрочный период до 2025 года — повышение рождаемости, то есть непосредственное рождение ребенка на территории страны, но неполучение гражданства после рождения гражданином другой стороны, поскольку в этом случае имеет место искусственная миграция.

Литература:

1. Васякина, Т. А., Перепелкина Н. В. Реализация права на материнский (семейный) капитал как субъективное гражданское право // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 9. с. 71–80.
2. Еремина, О. Ю. Правовое регулирование материнского капитала: практика применения и перспектива развития // *Журнал российского права*. 2018. № 5.
3. Смирнова, А. А., Егорова М. С. Основные цели, задачи и функции социальной политики // *Молодой ученый*. — 2015. — № 11.4. — с. 208–211.
4. Тресков, В. И. Осторожно: мошенничество! Как защитить себя и своих близких // *Российская газета*. 2018. № 8.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // *РГ*. 1993. 25 дек.; *СЗ РФ*. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4202.
6. Указ Президента РФ от 09.10.2007 31351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // *СПС «Консультант Плюс»*. 2019
7. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // *Собрание законодательства РФ (далее — СЗ РФ)*. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.
8. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», ст. 2
9. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 02.08.2019) // *СПС «Консультант Плюс»*. 2019
10. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 26.07.2019) // *СПС «Консультант плюс»*. 2019.
11. Апелляционное определение от 19 июня 2018 г. по делу № 33–5755–2018 // *СПС «Консультант плюс»*. 2019.
12. Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) // *СПС «Консультант плюс»*. 2019.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 175-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Мамедовой Айгюн Ханкиши кызы на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части 1 статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // *СПС «Консультант Плюс»*. 2019
14. Проект Приказа Минтруда России «Об утверждении разъяснения по некоторым вопросам применения норм Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (по состоянию на 16.04.2018) (подготовлен Минтрудом России) // *СПС «Консультант Плюс»*. 2019.

Порядок осуществления закупочной деятельности в автономных учреждениях общего образования

Кременов Игорь Наумович, кандидат юридических наук, доцент;
Колкина Светлана Сергеевна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье раскрываются особенности осуществления закупочной деятельности автономными учреждениями общего образования, отмечено положительное влияние появления автономных учреждений на конкурентную среду в образовании, рассмотрены особенности реестра недобросовестных поставщиков, раскрыты условия применения автономными образовательными учреждениями № 223-ФЗ, проанализированы основные способы осуществления конкурентных закупок.

Ключевые слова: конкурентные закупки, неконкурентные закупки, закупочная деятельность, автономные образовательные учреждения, реестр недобросовестных поставщиков.

Procedure for purchasing activities in autonomous general education institutions

В настоящее время в Российской Федерации основная задача, которую поставили Президент и Правительство РФ, заключается в формировании новой экономики, основанной на знаниях. Данной цели невозможно достигнуть без качественного образования на всех уровнях. Развитие полноценной системы образования в любом государстве имеет стратегическое значение. Образование во многом определяет экономическое развитие страны и ее конкурентоспособность на мировой арене. Естественно, необходимы реформы и экономической составляющей в деятельности образовательных учреждений. Одним из нововведений стало создание автономных образовательных организаций.

Рассмотрение административно-правового регулирования закупочной деятельности автономных общеобразовательных учреждений в современных условиях имеют существенную практическую значимость, так как обеспечение их финансовой самостоятельности и экономической мобильности является одной из задач современной бюджетной политики. Грамотно выстроенная система управления закупками позволяет обеспечить руководителя образовательного учреждения информацией, необходимой для своевременного принятия решений о пополнении товарных запасов и оптимизации стоимости закупаемой продукции.

Кроме того, появление автономных учреждений оказало положительное влияние на конкурентную среду в образовании и, как следствие, привело к повышению качества предоставляемых образовательных услуг. Для эффективной работы у автономного учреждения появилось существенно больше возможностей [8, с. 148].

Стоит отметить, что в настоящее время в Российской Федерации на законодательном уровне урегулированы разные сферы закупок. При этом понятие «закупка» законодателем не разъясняется, что приводит к отсутствию единообразного понимания данного термина и в научной литературе.

В общем, закупочная деятельность представляет собой специфический организационно-экономический механизм, в котором находит отражение целевая направленность закупок.

Обращаясь к особенностям закупочной деятельности в современных условиях, необходимо отметить, что закупочная деятельность развивается по пути способствования добросовестной конкуренции, обеспечению прозрачности закупочных процедур и предотвращения коррупции. С этой целью рынок государственных заказов был снабжен таким инструментом, как реестр недобросовестных поставщиков (далее — РНП), благодаря которому в сфере размещения публичных заказов стали фиксировать недобросовестных контрагентов.

Создание РНП по факту являет собой способ фиксации положительной или отрицательной деловой репутации субъекта экономической деятельности [5, с. 324]. Определяя характер деловой репутации лица, среди прочего, обращают внимание на её членство в составе какого-либо объединения предпринимателей (как правило, такие объединения существуют в форме некоммерческих организаций), а также на кредитную историю — информацию об исполнении им как заёмщиком принятых на себя обязательств по договорам займа (кредита), хранящуюся в бюро кредитных историй.

Закупки автономные образовательные учреждения осуществляют в соответствии с ФЗ № 223-ФЗ, начиная с 1 января 2014 года, если более ранний срок не предусмотрен представительным органом муниципального образования (ч.8 ст.8 Закона № 223-ФЗ).

Для того чтобы иметь право расходовать средства по 223-ФЗ, автономные учреждения должны были в течение трех месяцев со дня вступления в силу ФЗ № 223-ФЗ утвердить и разместить на официальном информационном ресурсе Единой информационной системы в сфере закупок [6] положение о закупке. В противном случае авто-

номное учреждение в своей закупочной деятельности обязано руководствоваться нормами ФЗ № 44-ФЗ в части определения поставщика до момента опубликования положения о закупке (ч.4 ст. 8 Закона № 223-ФЗ).

Автономным учреждениям, которые были созданы после вступления в силу Закона № 223-ФЗ, необходимо в течение 3 месяцев с даты регистрации в ЕГРЮЛ утвердить и разместить в установленном порядке Положение о закупке, иначе они также обязаны руководствоваться Законом № 44-ФЗ в части определения поставщика до момента опубликования утвержденного Положения.

В 2014 года из общего правила расходование средств по закону № 223-ФЗ, было закреплено два исключения (ч. 4 и ч.6 ст. 15 Закона № 44-ФЗ). В соответствии со ст. 15 Закона № 44-ФЗ, автономные учреждения обязаны руководствоваться Законом № 44-ФЗ в следующих случаях расходования средств:

Автономному учреждению предоставляются средства из бюджета на осуществление капитальных вложений в объекты государственной, муниципальной собственности. В таком случае автономное учреждение должно руководствоваться положениями Закона № 44-ФЗ.

Автономному учреждению на безвозмездной основе на основании соглашений переданы полномочия государственного или муниципального заказчика при осуществлении бюджетных инвестиций в объекты капитального строительства государственной, муниципальной собственности и (или) на приобретение объектов недвижимого имущества в государственную, муниципальную собственность. В этом случае автономное учреждение при осуществлении закупочной деятельности в пределах переданных полномочий от лица, передавшего полномочия, руководствуется положениями Закона № 44-ФЗ, регулирующими деятельность государственного и муниципального заказчиков.

Во всех прочих случаях при расходовании средств автономные учреждения руководствуются Законом № 223-ФЗ.

Законодательство предусматриваются конкурентные и неконкурентные закупки. В зависимости от вида закупки будет устанавливаться и порядок её осуществления. Если участники конкурентной закупки только субъекты малого и среднего предпринимательства, то она осуществляется только в электронной форме. Конкурсные закупки в иных случаях осуществляются в электронной форме, если иное не закреплено в положении о закупке (п. 2 ст. 3 ФЗ № 223-ФЗ).

Можно выделить несколько способов осуществления конкурентных закупок:

1) путем проведения торгов: конкурс (открытый, в электронной форме, закрытый); аукцион (открытый, закрытый и также в электронной форме); запрос котировок (закрытый или в электронной форме); запрос предложений (закрытый или в электронной форме);

2) иные способы могут быть установлены положением о закупке в случае соответствия требованиям п. 3 ст. 3 ФЗ № 223-ФЗ.

Неконкурентная закупка представляет собой закупку, условия осуществления которой не соответствуют требованиям п.3 ст. 3 ФЗ № 223-ФЗ. Способы неконкурентной закупки, в том числе закупка у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика), устанавливаются положением о закупке.

В соответствии с действующим законодательством, Правительство Российской Федерации вправе установить перечень товаров, работ, услуг, закупка которых осуществляется в электронной форме [3].

Для проведения закупок и подведения итогов закупок в учреждении создается постоянно действующий коллегиальный орган — закупочная Комиссия. При этом стоит отметить, что правовое положение закупочной комиссии конкретно не определено, так как сам факт ее образования, так и персональный, количественный состав и компетенция на уровне нормативных правовых актов не регулируются. На практике функционал закупочной комиссии корпоративного заказчика достаточно широк. Это не только определение победителя процедуры закупки, но и открытие «входа» в нее, то есть проведение стадии допуска. Комиссия не является структурным подразделением заказчика, а члены комиссии могут быть не связаны трудовыми отношениями с заказчиком. Потому квалификационные требования к специалисту и эксперту в сфере корпоративных нужд, разработанные Министерством труда Российской Федерации, в отношении членов закупочной комиссии применяться не могут. «Член комиссии» — не должность и не трудовая функция. Комиссия — это орган заказчика, который может быть сформирован им на временной или постоянной основе. Вероятно, коллегиальное принятие таких важных решений, как определение круга участников и присуждение победы, обусловлено антикоррупционными намерениями, стремлением погасить возможные конфликты интересов. Закон о закупках о комиссии не упоминает, поэтому ее правовое положение регламентируется каждым корпоративным заказчиком самостоятельно.

Также автономное учреждение должно разработать Положение о закупке и план закупки. Далее направить Положение своему учредителю на утверждение, после чего Положение о закупке и план закупки в ЕИС. План закупки товаров (работ, услуг) формируется и размещается в единой информационной системе в срок до 31 декабря текущего года в порядке, установленном Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 сентября 2012 г. № 932 «Об утверждении Правил формирования плана закупки товаров (работ, услуг) и требований к форме такого плана» [4].

Относительно порядка участия в закупках, стоит отметить, что с 01.07.2018 вступили в силу изменения, в соответствии с которыми заказчики при описании предмета закупки должны соблюдать ряд правил: в описании предмета закупки указываются функциональные характеристики (потребительские свойства), технические и качественные характеристики, а также эксплуатационные характеристики (при необходимости) и др.

В дальнейшем предполагается, что автономные образовательные учреждения могут перевести на использование ФЗ № 44-ФЗ, так как в 2017 году была принята первая попытка внести подобный законопроект в Государственную Думу [7].

Подводя итогу, следует отметить, что выбор закона, в соответствии с которым автономное учреждение будет осуществлять закупочную деятельность, зависит от источников финансирования и целей финансирования. Для проведения закупок в рамках ФЗ № 223-ФЗ обязательным требованием является наличие положения о закупках, документа, который будет описывать всю закупочную деятельность организации. Преимуществом закона № 223-ФЗ по сравнению с законом № 44-ФЗ является возможность внесения изменений в уже заключенный с поставщиком контракт — продление срока, увеличение цены, изменение объема и др.

Также необходимо отметить, что, принимая Федеральный закон № 223-ФЗ, государство преследовало цель оптимизировать расходование денежных средств, поспособствовать развитию добросовестной конкуренции, а также максимально гарантировать прозрачность и гласность осуществления закупок, предотвратив при этом возможные коррупционные проявления. Достижения перечисленных целей в полном объеме препятствует множество факторов. Среди таковых необходимо выделить недобросовестных заказчиков, которые вступают в сговоры с теми или иными исполнителями, что в результате становится причиной нерационального расходования денежных средств. С целью искоренения коррупционной составляющей в процессе осуществления закупочной деятельности необходимо более активно автоматизировать процессы, протекающие в сфере закупок — от формирования закупочной документации, до подведения итогов.

Литература:

1. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Российская газета. № 159. 22.07.2011.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 27.06.2019) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2019) // Российская газета. № 80. 12.04.2013.
3. Постановление Правительства РФ от 21.06.2012 № 616 (ред. от 30.12.2015) «Об утверждении перечня товаров, работ и услуг, закупка которых осуществляется в электронной форме» // Российская газета. № 144. 27.06.2012.
4. Постановление Правительства РФ от 17.09.2012 № 932 (ред. от 14.12.2016) «Об утверждении Правил формирования плана закупки товаров (работ, услуг) и требований к форме такого плана» // Собрание законодательства РФ. 24.09.2012. № 39. Ст. 5272.
5. Беляева, О. А. Корпоративные закупки: проблемы правового регулирования: научно-практическое пособие. — Москва, 2018. — с. 324.
6. Единая информационная система в сфере закупок [Электронный ресурс]. URL: www.zakupki.gov.ru (дата обращения: 27.08.2019).
7. Как проводят закупки автономные учреждения [Электронный ресурс]. URL: <https://goscontract.info> (дата обращения: 28.08.2019).
8. Чулкова, А. С. Повышение качества государственных и муниципальных услуг и пути оптимизации сети учреждений, оказывающих их // Финансы и кредит. — 2017. — № 3. — с. 143–159.

Развитие субсидиарной ответственности как фундаментальная причина необходимости изменения подходов к ведению бизнеса

Кряков Андрей Игоревич, студент магистратуры;

Научный руководитель: Саченко Алексей Леонидович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

С 2017 года в Законе о банкротстве [Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 03.07.2019) «О несостоятельности (банкротстве)»] появилась новая Глава III.2. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве. Ранее были внесены изменения в ст. 53.1 ГК РФ [«Гражданский кодекс Рос-

сийской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019)], п. 3.1 ст.3 Закона об ООО [Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью»] и др. Имеет целесообразно рассматривать все эти законода-

тельные нововведения в совокупности как направленные на единый результат.

Еще совсем недавно слова «ответственность бизнеса» и «ограниченная ответственность» воспринимались первое как абстрактная социальная ответственность бизнесменов за осуществление некоторых значимых социальных функций, а ограниченная ответственность юридического лица как размер уставного (акционерного) капитала, которым отвечают собственники компаний перед кредиторами. Сегодня же в этих фразах формируется совсем иное содержание.

Стандартная практика создания компаний с минимальным капиталом (например обществ с ограниченной ответственностью с уставным капиталом в десять тысяч рублей) позволяла уходить от ответственности перед кредиторами, поставщиками, уполномоченными органами вследствие вывода активов и с использованием явно недобросовестных методов ведения бизнеса.

Практика привлечения контролирующих лиц к ответственности появилась и начала активно формироваться еще в 2012–2013 годах, однако в то время это не носило такого массового характера. Одновременно с этим наблюдался процесс работы над улучшением администрирования налогов Федеральной налоговой службы. Руководство ФНС активно занималась автоматизацией контроля и анализа отчетности юридических лиц и сопоставления этой отчетности фактическому потоку налогов и сборов. Отмечая успешность и успехи руководства уполномоченного органа, в результате такой работы рост собираемости налогов увеличивался в геометрической прогрессии. В частности, анализ цепочек контрагентов по налогу на добавленную стоимость (НДС) позволил выявить разрывы в уплате налога, вследствие этого получила развитие практика отказа в возмещении по НДС и предъявления претензий по возмещенным ранее из бюджета суммам, что приводило к массовым банкротствам и предъявлению претензий к контролирующим лицам.

В Постановление № 53 [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 года N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»] Верховный Суд разъяснил об экстраординарности такого вида ответственности, но количество удовлетворенных заявлений о привлечении говорят о том, что такая практика становится нормой. Конституционный Суд подтвердил правомерность действий ФНС по предъявлению исков об убытках по ст. 1064 ГК РФ к руководителям и главным бухгалтерам, которые привлекались к уголовной ответственности за уклонение от уплаты их организациями налогов [Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 N 39-П]. По этому поводу ФНС издало письмо с разъяснениями нововведений Закона о банкротстве, на которое следует обратить внимание, так как это по сути инструкция для нижестоящих налоговых органов по работе с налогоплательщиками [Письмо ФНС от 16.08.2017 № СА-4–18/16148@ «О применении на-

логовыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ»].

Перечислим основные существующие проблемы при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности:

1) Установление сроков исковой давности при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Если относительно недавно было распространено представление о трехлетнем сроке, то сегодня появились законные основания для привлечения контролирующих лиц за действия (бездействие), совершенные 7 и более лет назад (до 10 лет). Например, определением АС г. Москвы от 23.04.2018 года по делу № А40–133945/2010) где по заявлению конкурсного управляющего от 02.02.2017 года привлекли к субсидиарной ответственности бывшего председателя правления банка и бывшего главного бухгалтера банка, так как арбитражный суд пришел к выводу, что вина привлекаемых лиц выражается в неисполнении ими обязанностей по принятию должных мер, направленных на соблюдение прав кредиторов, а также в несоблюдении должной степени разумности, заботливости и осмотрительности при распоряжении имуществом должника, чем причинен существенный вред имущественным правам кредиторов, при этом действия совершались в период 2009–2010 годах.

2) Определение момента появления признаков несостоятельности. Поскольку в случае неподачи заявления должника о собственном банкротстве в положенный законом срок, на контролирующих должника лиц может быть возложена субсидиарная ответственность, то определение момента объективного банкротства и то, какими методами и доказательствами это будет обосновываться, имеет большое значение как для кредиторов должника, так и для контролирующих должника лиц. Например по делу № А50–5458/2015 определением Верховного Суда РФ от 20.07.2017 № 309-ЭС17–1801 были отменены судебные акты нижестоящих инстанций об отказе в привлечении контролирующего лица (руководителя) к субсидиарной ответственности по иску ФНС. Должник длительное время после даты, указанной в заявлении истца, вел хозяйственную деятельность (арендовал основные средства, совершал платежи по гражданским договорам), при этом имея задолженность по уплате страховых взносов (и в дальнейшем к началу первой процедуры банкротства задолженность перед бюджетом многократно возросла), что не может рассматриваться как отвечающее признакам добросовестности использование способа ведения бизнеса путем смещение платежной дисциплины в сторону погашения задолженности по обязательствам, связанным с производственным процессом в ущерб исполнению обязательных платежей.

3) Доказывание вины контролирующих должника лиц. Раньше доказывать наличие вины должен был заявитель, теперь контролирующее лицо должно опровергать презумпции контроля и доведения до банкротства. В качестве примера можно привести постановление Арбитраж-

ного суда Московского округа от 26.12.2016 № Ф05–19470/2016 по делу № А40–56167/2016 когда факт наличие контроля у лица за АКБ «Инвестторгбанк» было подтверждено в том числе и тем, что он давал интервью газете «Ведомости», информационному portalу «Banki.ru», журналу «Финмаркет» о деятельности, проблемах и планах банка на ближайшую перспективу.

4) Доказывание влияния (его отсутствия) непередачи документов на проведение процедуры банкротства. Здесь исследуется действия по передаче документов на предмет их добросовестности своевременности. Невозможность передачи ввиду объективных обстоятельств должна также сопровождаться письменным оформлением данного факта и доказательством того, что предприняты все возможные меры со стороны контролирующего лица. Пример из практики: были отклонены возражения контролирующего лица об отсутствии у него документов ввиду их изъятия правоохранительными органами со ссылкой на то, что из протокола выемки невозможно установить точный перечень изъятых документов. Суды сочли, что Законом о банкротстве на руководителя возложена безусловная обязанность по передаче документов и имущества долж-

ника, а конкурсный управляющий объективно не мог оценить полноту имеющихся в его распоряжении документов на день подачи заявления в суд и в период его рассмотрения. Однако ВС РФ не согласился с требованием судов к экс-директору компании-банкрота вернуть документы без конкретизации их перечня (Определение Верховного Суда № 306-ЭС19–2986 по делу № А65–27205/2017 от 22 июля 2019 г.).

Очевидно, что такие изменения не могут являться просто совпадением. Государством взят курс на обеление экономики и вывод компаний из «серой зоны». Однако изучение судебной практики и выявление проблем при привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности подводит к выводу о том, что происходит коренной перелом в практике российского бизнеса, что ставит в первую очередь перед собственниками, руководителями и корпоративными юристами задачи по выстраиванию таких моделей ведения бизнеса, в отношении которых впоследствии можно будет доказать, что они отвечали основополагающему принципу добросовестности и разумности. При этом важное значение имеет правильное документальное оформление этих правил.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ);
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019);
3. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 03.07.2019) «О несостоятельности (банкротстве)»;
4. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью»;
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 N 39-П;
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 года N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»;
7. Письмо Федеральной налоговой службы от 16 августа 2017 года № СА-4–18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ».

Арбитражная практика по спорам о взыскании обязательных платежей и санкций по налогам и сборам

Кузнецова Снежана Александровна, студент магистратуры
Курский государственный университет

В соответствии с подп. 14 п. 1 ст. 31 части первой Налогового кодекса Российской Федерации налоговые органы вправе предъявлять в суды общей юрисдикции или арбитражные суды иски (заявления) о взыскании недоимки, пеней и штрафов за налоговые правонарушения в случаях, предусмотренных данным Кодексом. [1]

К делам о взыскании обязательных платежей и санкций относятся дела по заявлению налоговой инспекции о взы-

скании налога, недоимки по уплате налога, о начислении (доначислении) налога, о привлечении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, к налоговой ответственности в виде штрафа, пеней за неправильное исчисление и неполную уплату налога по всем видам налогов, установленных Налоговым кодексом РФ, а также за несовершение указанными лицами обязательных действий, например, по подаче налоговой декларации и т. д.

Отдельные аспекты рассмотрения данной категории дел озвучены в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 года № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации», также некоторые процессуальные нормы содержатся в Налоговом кодексе Российской Федерации, в частности, в соответствии с п. 1 ст. 105 данного Кодекса дела о взыскании налоговых санкций по заявлению налоговых органов к организациям и индивидуальным предпринимателям рассматриваются арбитражными судами и Верховным Судом Российской Федерации в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации. [2]

Налоговый кодекс Российской Федерации в качестве обязательных платежей называет налоги, сборы и страховые взносы на обязательное пенсионное страхование. [3]

На первое полугодие 2019 года Арбитражными судами Российской Федерации было вынесено 7 261 решение по указанной категории дел, из них 85,54 % — отказать во взыскании обязательных платежей и санкций.

Непредставление доказательств выставления и направления в адрес налогоплательщика требований об уплате задолженности (пеней), а также не представлено достаточных доказательств наличия указанной задолженности, непредставление документальных доказательств (налоговые декларации и расчеты, решения по налоговым проверкам), которые свидетельствуют об основаниях возникновения и начисления заявленной к взысканию задолженности по налогам и пени являются основными причинами отказа в удовлетворении требований налоговых органов.

Также основную часть рассмотренных дел составляют заявления о взыскании задолженности за пределами установленных сроков, однако доказательства наличия уважительных причин пропуска срока для обращения в арбитражный суд — отсутствуют. Налоговые органы в качестве обоснования наличия уважительных причин пропуска срока обращения в суд ссылаются на большую загруженность сотрудников структурных подразделений, некомплектованность штата сотрудников, однако, по мнению суда, указанные причины не могут быть расценены как уважительные. Обосновывая свою позицию, суд считает, что установленный законодателем срок для обращения с заявлением в суд (6 месяцев) — достаточен для подготовки необходимой документации.

По некоторым делам о взыскании обязательных платежей и санкций было прекращено производство — 1,46 % от общего числа рассмотренных заявлений Арбитражными судами Российской Федерации, в связи с отказом от исковых требований. В качестве причин отказа от исковых требований были указаны:

- в связи с отсутствием задолженности;
- в связи с оплатой взыскиваемых сумм.

Обратимся к судебной практике, где были вынесены решения о взыскании обязательных платежей и санкций. Таких судебных решений на первое полугодие 2019 года было рассмотрено 1 050 дел (14,46 % от 7 261 дел рассмотренных арбитражными судами субъектов Российской Федерации). Следует отметить, что дела, по которым были выданы судебные приказы, составляют 1,69 % от общего числа рассмотренных дел. [5]

При рассмотрении дел о взыскании обязательных платежей и санкций арбитражный суд в судебном заседании устанавливает, имеются ли основания для взыскания суммы задолженности. Уплата обязательных платежей и, соответственно, их взыскание, взыскание санкций должны быть предусмотрены федеральным законом. Проверяет правильность расчета и размера взыскиваемой суммы.

Среди рассмотренных судебных решений в ходе написания статьи, наиболее общей является ситуация, когда пропущен процессуальный срок подачи заявления. Как было указано выше, суд восстанавливает пропущенный процессуальный срок, если признает причины пропуска уважительными, однако критерии определения уважительности тех или иных причин не установлены на законодательном уровне, поэтому данный вопрос решается по усмотрению суда с учетом обстоятельств по каждому делу. Одним из таких случаев является передача полномочий от одного органа к другому, с учетом изменения законодательства. С 01.01.2017 года органы ФСС утратили полномочия по администрированию страховых взносов на обязательное социальное страхование, а на ФНС России возложены функции по администрированию страховых взносов. При наличии указанного основания суд приходит к выводу о наличии оснований для удовлетворения заявлений о восстановлении пропущенного срока, поскольку учитывает смену администратора платежей и необходимость передачи документов. [4]

Подводя итог проведенному исследованию можно сказать следующее, что арбитражная практика по спорам о взыскании обязательных платежей и санкций, характеризуется достаточно частыми отказами в удовлетворении требований. Примерно по 85,5 % дел, указанной категории выносится решение — отказать во взыскании обязательных платежей и санкций. Причинами этому являются подача заявлений о взыскании задолженности за пределами установленных сроков, непредставление доказательств досудебного урегулирования спора, непредставление документальных доказательств, свидетельствующих об основаниях возникновения и начисления заявленной к взысканию задолженности по налогам и пени.

Литература:

1. Борисов, А. Н. Споры с налоговыми органами при осуществлении налогового контроля и взыскании налогов и сборов: практические рекомендации. — М.: Юстицинформ, 2015. — 264 с.

2. Морозов, А. П. Научно-практический комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. — Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. — 904 с.
3. Дворецкий, Р. В., Межуева Т. Н., Либерман К. А. Постатейный комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации. Часть первая. — М.: ГроссМедиа, 2017. — 1258 с.
4. Напсо, М. Б. К вопросу о последствиях неисполнения обязанности по уплате налогов, сборов и страховых взносов // Современное право. — 2018. — № 6. — с. 83–92.
5. Банк решений арбитражных судов // Мой арбитраж. URL: <https://my.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.11.2019).

Правовая природа неналоговых платежей в Российской Федерации

Кузнецова Снежана Александровна, студент магистратуры
Курский государственный университет

Помимо платежей, регулируемых Налоговым кодексом Российской Федерации, существуют еще и неналоговые платежи, регулируемые иным законодательством. Данные неналоговые платежи не попадают под категорию налогов и сборов, однако по своей сути представляются таковыми, обладая основными признаками налогов и сборов. Помимо всего прочего они повышают процент налоговой нагрузки на физических и юридических лиц.

Вызывает трудности составление закрытого перечня таких обязательных платежей, не регулируемых Налоговым кодексом Российской Федерации. Появляются все новые и новые платежи обязательного характера. Обязательные платежи, не включенные в систему налогов и сборов, «представляют собой некую «бессистемную» совокупность иных («условно неналоговых») публичных обязательных платежей, регулируемых разного рода нормативными правовыми актами, отличающимися своей юридической силой и содержанием». [1, с. 87] Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что сложно говорить о совокупности обязательных бюджетных платежей как о системе. Исходя из различных потребностей, применяя, как правило, формальные критерии (в частности, отрасль законодательства, регулируемую тот или иной платеж), выделяют те или иные разновидности платежей обязательного характера, причем зачастую используют различные основания для деления. Особенно ярко это проявляется в делении бюджетных доходов на налоговые, неналоговые и безвозмездные поступления.

В 2017 году на официальном сайте Правительства Российской Федерации был размещен План систематизации и формированию единого перечня неналоговых платежей, который имеет большое значение на пути к унификации таких платежей. В опубликованном документе предусмотрено несколько важных моментов:

- установление моратория на введение новых неналоговых обязательных платежей, до принятия федерального закона с общими требованиями к порядку исчисления платежей, их размерам и срокам действия
- инвентаризация перечня уже существующих неналоговых платежей

— определение требований к составу информации, включаемой в реестр неналоговых платежей, порядку его формирования и ведения

— определение предельных размеров неналоговых платежей

— обеспечение формирования перечня неналоговых платежей и их учета, а также обеспечение свободного доступа к информации о данных платежах. [2]

На данный момент не принят федеральный закон с общими требованиями к порядку исчисления неналоговых платежей, а также не существует какой-либо систематизации таких платежей, поэтому мы приводим свою классификацию.

К первой группе отнесем неналоговые платежи, которые поступают в бюджет и имеют безвозмездный характер (экологический сбор, утилизационный сбор, плата за негативное воздействие на окружающую среду и др.)

Ко второй группе отнесем неналоговые платежи, которые поступают в бюджетную систему, но в отличие от первой группы носят возмездный характер (характер услуги) (плата за выписки из реестров, обязательная государственная экспертиза документации)

Третью группу составляют платежи, которые связаны с издержками организаций и направленные на выполнение обязательных требований (платежи за обязательные медицинские осмотры и диспансеризацию работников, платежи за специальную оценку условий труда, обязательные отчисления на противопожарную безопасность)

И четвертую группу составляют парафискальные сборы — платежи, которые в противовес первым двум группам поступают не в бюджетную систему, а устанавливаются в пользу юридических лиц, не являющихся органами государственной власти. К парафискальным традиционно относят портовые сборы, страховые взносы банков в Фонд страхования вкладов.

Переходя к вопросу нормативно-правового регулирования неналоговых платежей обратимся к Налоговому кодексу Российской Федерации, где в абзаце 3 пункта 5 статьи 3 говорится о том, что ни на кого не может быть возложена обязанность по уплате налогов и сборов, обладаю-

щими налоговым законодательством признаками налогов и сборов, но не предусмотренные им, либо установленные в ином порядке, чем это предусмотрено. [3] Соответственно, если какой-либо вид налога или сбора не указан в Налоговом кодексе Российской Федерации, то его неуплата не несет нарушения конституционных положений.

Минфин России согласно данным Федерального портала проектов нормативных правовых актов опубликовал законопроект о дополнении действующей редакции Налогового кодекса Российской Федерации двумя новыми налогами и тремя сборами из числа неналоговых платежей. [4]

На данном этапе проводятся публичные обсуждения в отношении текста проекта и его антикоррупционная экспертиза.

В свете грядущих изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации рассмотрим, какими налогами и сборами будет дополнена новая редакция:

1. Экологический налог. Под экологическим налогом будет приниматься существовавшая ранее плата за негативное воздействие на окружающую среду урегулированная на настоящий момент Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Суть закона сводится к тому, что негативное воздействие на окружающую среду является платным с указанием видов негативного воздействия.

2. Утилизационный сбор. Данный вид сборов объединит уже существующие неналоговые экологический и утилизационные сборы, которые на настоящий момент урегулированы Федеральным законом от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления».

3. Налог на операторов сети связи общего пользования. На настоящий момент данный вид сбора урегулирован в законодательстве в качестве источника формирования резерва универсального обслуживания в виде обязательных отчислений операторов связи общего пользования Федеральным законом от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи».

4. Гостиничный сбор. Данный вид сбора заменит существующий курортный сбор, введенный Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае», являющийся платой за пользование курортной инфраструктурой в пределах субъекта Российской Федерации определенного законом.

5. Сбор за пользование автомобильными дорогами федерального значения. Предполагается, что данный сбор заменит существующую плату в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн, утвержденную Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июня 2013 г. № 504.

6. Что же касается иных неналоговых платежей, не вошедших в проект внесения изменений в Налоговых ко-

декс Российской Федерации, то возможными причинами, способствовавшими этому, являются их возмездный характер относительно налогов и сборов, указанных выше, или указанные неналоговые платежи вовсе не поступают в бюджетную систему государства.

Рассмотрим нормативное правовое регулирование некоторых из таких платежей:

— плата за проведение государственной проектной документации регулируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2007 года № 145 «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий»;

— плата на обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств регулируется Федеральным законом от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»;

— патентные пошлины регулируются Постановлениями Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2008 г. № 941 «Об утверждении Положения о патентных и иных пошлинах за совершение юридически значимых действий, связанных с патентом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, с государственной регистрацией товарного знака и знака обслуживания, с государственной регистрацией и предоставлением исключительного права на наименование места происхождения товара, а также с государственной регистрацией отчуждения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, исключительного права, предоставления права использования такого результата или такого средства по договору, перехода...», от 14 сентября 2009 г. № 735 «Об утверждении Положения о патентных и иных пошлинах за совершение юридически значимых действий, связанных с патентом на селекционное достижение, с государственной регистрацией перехода исключительного права на селекционное достижение к другим лицам и договоров распоряжения этим правом»;

— консульские сборы регулируются Федеральным законом «Консульский устав Российской Федерации» от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ. К данному виду сборов относятся сборы за совершение должностными лицами консульских действий, а также сборы в счет возмещения фактических расходов, которые связаны с совершением указанных действий;

— портовые сборы регулируются Приказом Минтранса РФ от 31 октября 2012 г. № 387 «Об утверждении перечня портовых сборов, взимаемых в морских портах Российской Федерации», в соответствии с которым сборы данного вида подразделяются на: корабельные, канальные, лоцманские, маячные, навигационные, ледокольные, транспортной безопасности акватории морского порта и экологические;

— страховые взносы банков в фонд обязательного страхования вкладов регулируются Федеральным законом

от 23 декабря 2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации».

Приведенные выше примеры неналоговых платежей не являются полным перечнем. Упорядочивание и систе-

матизация данной категории платежей — процесс достаточно сложный и долгий, и остается только ждать в скорейшем времени завершения работы по формированию реестра и перечня таких платежей.

Литература:

1. Васильева, Н.В. Система обязательных платежей в Российской Федерации: современное состояние и проблемы правовой регламентации // Вестник университета им. Кутафина. — 2018. — № 9. — с. 87–96.
2. План мероприятий по систематизации неналоговых платежей и формированию единого перечня неналоговых платежей, закреплению в законодательстве Российской Федерации единых правил установления, исчисления и взимания таких платежей, а также повышению эффективности их администрирования (утв. Правительством РФ 09.08.2017) // Правительство России. URL: <http://government.ru> (дата обращения: 10.11.2019).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // СПС Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.11.2019).
4. Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую налогового кодекса Российской Федерации» (подготовлен Минфином России) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2019).

Административная ответственность иностранных граждан за правонарушения на территории Российской Федерации

Лебедев Константин Викторович, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье проведено исследование актуальных вопросов, административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за правонарушения. Внимание уделено возникновению причин совершения данного правонарушения на территории Российской Федерации иностранными гражданами, а также проблемам осуществления наказаний в сфере миграции.

Ключевые слова: миграция, административные правонарушения, конфискация, административное взыскание.

На территории всей Российской Федерации законодательством установлены действия административно-правовых режимов пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства. С 11 января 2019 года начала действовать новая редакция Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2]. Новые изменения касаются ответственности и работодателя, незаконно предоставляющих мигрантам жилье и транспорт. Данным законом ужесточена ответственность лиц, покровительствующих незаконным мигрантам из стран ближнего и дальнего зарубежья, в несколько раз увеличены административные штрафы:

— для граждан — административный штраф в размере от 2000 до 5000 рублей;

— для должностных лиц — от 35000 до 50000 рублей;

— для юридических лиц — от 400000 до 500000 рублей.

Проведя исследование последних изменения законодательства РФ, регулирующие отношения в сфере миграции, можно проследить смягчение административной ответ-

ственности иностранных граждан и лиц без гражданства. Так, согласно последним поправкам КоАП РФ, кроме увеличения размеров административных штрафов, увеличилось и количество видов деяний, также существенно расширился субъектный состав правонарушения [3], и как итог изменений, что теперь организации будет выгоднее легализовать работников, чем даже один раз оплатить такой штраф.

По данным Федеральной миграционной службы РФ в январе 2018 было зарегистрировано 3459 случаев совершения правонарушений иностранными гражданами и лицами без гражданства, что на 1,1% меньше, чем за январь 2017 года. Об этом так же свидетельствуют и данные судебной практики: постановление Верховного Суда РФ от 19.08.2019 N 69-АД19–10; постановление Верховного Суда РФ от 13.05.2019 N 5-АД19–264; постановление Верховного Суда РФ от 04.09.2019 N 35-АД19–3 [6] и др.

Также возросло количество случаев незаконного въезда иностранных лиц на территорию Российской Федерации,

что также делает реальную угрозу национальной безопасности государства выше [11].

После внесения изменений, мы видим, что из отдельных статей КоАП РФ исчезли такие виды наказаний, как предупреждение, применяемо ранее только к лицам, виновным в совершении незначительных административных правонарушений. Этим законодатель показывает ужесточение м административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства, оставляя одно административное наказание в виде штрафов, а в качестве дополнительного — административное выдворение за пределы Российской Федерации.

В Конституции РФ закреплено, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором [1]. Как итог сказанному становится ясно, что иностранные граждане и лица без гражданства подлежат административной ответственности на общих основаниях и к ним нет ни каких исключений. Исключения составляют дипломатические и консульские представители. Они подлежат ответственности в соответствии с нормами международного права.

Ещё одним видом административного наказания является конфискация орудия совершения или предмета совершения административного правонарушения. Данный вид наказания бы введён ФЗ от 28.12.2004 года. Конфискация применяется в качестве дополнительного вместе со штрафом.

Наказание в виде административного ареста устанавливаются за отдельные виды очень общественно опасных противоправных деяний. Этот вид наказания заключается в содержании правонарушителя в условиях изоляции от общества под стражей в специальных учреждениях.

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 24.03.2005 года к административному аресту не могут быть привлечены беременные женщины, женщины, имеющие елей в возрасте до 14 лет, несовершеннолетние и др. лица, перечисленные в ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ [5].

Так же можно сказать, что к числу особых административно-правовых санкций, применяемых к иностранным гражданам, и мы говорили об этом выше, относится административное выдворение за пределы Российской Федерации. Перед рассмотрением дела о таком назначении, иностранному гражданину могут быть применены и другие виды административных наказаний, такие как доставление, административный арест и т. д.

Выдворение предусматривается в ст. 18.8, ч. 2 ст. 18.1, 18.11 и т. д. В ряде санкций выдворение обозначает дополнительную меру наказания, а в других — дополнительное альтернативное наказание. Примером является Постановление Гурьевского районного суда Калининградской области от 16.11.2017 года гражданин Норматин не покинул территорию РФ по истечению срока пребывания. Суд приговорил гражданина к административному штрафу

в размере 2000 тыс. рублей с административным выдворением за пределы РФ [9].

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 24.03.2005 года выдворение лица из страны, в которой проживают члены его семьи, может нарушать право на уважение семейной жизни, что гарантировано п. 1 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» предусматривает, что если иностранный гражданин или лицо без гражданства неоднократно привлекался к административной ответственности в течение года за нарушение режима пребывания на территории РФ или подвергался административному выдворению за пределы Российской Федерации, то это является существенным основанием для отказа в выдаче, либо же аннулирования разрешения на временное проживание либо вида на жительство [4]. Следовательно, у такого лица появляется «административная судимость», которая влечет для него серьезные последствия.

По результатам проведенного исследования и анализу судебной практики, можно сделать несколько выводов.

Первый и главный из них — необходимо на федеральном уровне внести изменение в редакцию санкции п. 1.1. ст. 18.8 КоАП РФ, предусмотрев в ней не только основное и дополнительное наказание в виде штрафа и обязательного административного выдворения, но и возможность не применения к правонарушителю дополнительного наказания (выдворения). Текстуально это могло бы выглядеть так: после слов «...с административным выдворением за пределы Российской Федерации» добавить словосочетание «или без такового».

Научное исследование наглядно показало, что и сегодня есть достаточные основания (международно-правовой акт, решения судов: конституционного, верховного), чтобы не применять дополнительное наказание, но на уровне городских и районных судов о них мало кто знает, и судьи ими не руководствуются. Сколько потребовалось сил, средств и иных издержек для правонарушителей, чтобы были приняты законные и справедливые судебные решения. В связи с этим можно сделать и некоторые другие, более масштабные выводы и предложения.

Прежде всего речь идет о содержании ст. 18.8 КоАП РФ. Как представляется, нельзя признать удачным формат статьи, в котором объединяются совершенно разные по объективной стороне правонарушения: нарушение иностранным гражданином правил въезда на территорию нашей страны и нарушение режима пребывания (проживания) в Российской Федерации. Это усложняет само восприятие статьи, которая, как ранее было отмечено, теперь стала состоять из пяти частей, а фактически из семи, вместо двух ранее, так как в пяти частях есть еще и два самостоятельных подпункта с отдельными частями и санкциями.

На необходимость разграничения (разделения) данного вида правонарушения на две отдельные статьи прямо

указывают и приведенные примеры из судебной практики. Оба правонарушителя (гр. Г. и гр-ка Ф.) прибыли в нашу страну на законных основаниях, через специализированные пункты пропуска, т. е. не нарушая правил въезда. В дальнейшем у них случились обстоятельства, связанные с нарушением только режима пребывания (проживания). Более того, у них была цель — переселиться на территорию России для постоянного места жительства, купить недвижимость, взамен проданной. Возникает вопрос. Зачем объединять в единой статье нарушение правил въезда и нарушение режима пребывания (проживания)?

Учитывая, что в нашей стране с 2007 г. действуют Государственные программы по содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на наш взгляд, назрела необходимость пересмотра всего института административной ответственности, предусмотренного главой 18 КоАП РФ. Необходимо минимизировать действующие административные наказания — и прежде всего в отношении наших соотечественников, граждан СНГ, желающих переселиться на постоянное место жительства в Россию. Следовало бы использовать и опыт зарубежных стран в части «автоматического» получения гражданства в нашей стране при покупке иностранным гражданином (соотечественником) недвижимости.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)// Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019)// Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
3. Федеральный закон от 22.06.2007 N 116-ФЗ (ред. от 28.05.2017) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части изменения способа выражения денежного взыскания, налагаемого за административное правонарушение»// «Собрание законодательства РФ», 25.06.2007, N 26, ст. 3089.
4. Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, N 30, ст. 3032.
5. Постановление № 5–254/2017 от 16 октября 2017 г. по делу № 5–254/2017// Собрание законодательства РФ. – 2019. – КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Постановление Верховного Суда РФ от 19.08.2019 N 69-АД19–10// Собрание законодательства РФ. – 2019. – КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. постановление Верховного Суда РФ от 13.05.2019 N 5-АД19–264// Собрание законодательства РФ. – 2019. – КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Постановление Верховного Суда РФ от 04.09.2019 N 35-АД19–3// Собрание законодательства РФ. – 2019. – КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
9. Айметова, Ю. И., Федосеев Р. В. К вопросу о мерах административно-правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // ХП Державинские чтения в Республике Мордовия материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Саранск: СреднеВолжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. — с. 199–201.
10. Состояние преступности в Российской Федерации за январь 2018 года — [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/12460100/>

От решения проблем правового регулирования института ответственности иностранных граждан в определенной степени зависит улучшение демографической ситуации в стране, ускорение ее социально-экономического развития. Именно на эти аспекты обращали внимание известные ученые в научных публикациях, проводя исследования по схожей проблематике. Необходимо привести действующее законодательство в соответствие с международными нормами, так как это улучшит имидж страны, сделает Россию более привлекательной для соотечественников, а органам внутренних дел позволит более эффективно решать правоохранительные задачи в сфере миграции.

Вносимые предложения по совершенствованию законодательства об административной ответственности вполне соответствуют современным директивным высказываниям руководства страны о том, что в России главная ценность — это человек, который в своей общности образует ее население.

Таким образом, привлечение к административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства влечёт серьезные правовые последствия. Необходимо дальнейшее совершенствование административного законодательства, а также усовершенствование миграционной политики.

11. Федосеев, Р.В., Пальчикова М.В., Качалов П.Н., Курлевский И.В. Административное право: практикум. — Саранск, 2017. — 72 с.
12. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-sovershenstvovaniya-instituta-administrativnoy-otvetstvennosti-v-oblasti-obespecheniya-rezhima-prebyvaniya>

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 46 (284) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 27.11.2019. Дата выхода в свет: 04.12.2019.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.